...**Герой — это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества.**

Юлиус Фучик

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Виктора Михайлова «Повесть о чекисте» знакомит читателя с событиями в оккупированной немецко-фашистскими захватчиками Одессе. В центре повести советский разведчик Николай Гефт и его друзья — бесстрашные подпольщики, «солдаты незримого фронта».

Повесть документальна, в ее основу положены свидетельства участников борьбы в немецком тылу и документы архивов советской разведки военного периода. С реалистической последовательностью автор рассказывает о сопротивлении оккупантам, которое развернулось на Одесском судоремонтном за- [illegible] с появлением там в середине июня 1943 г. ин- [illegible] фта. С первого дня Гефт проявляет рвение [illegible] ят и ценят немцы. Они ему дове-

ряют больше, чем румынской администрац
в ведении которой формально находится управлен
заводом. Румынам не особенно нравится строгая д
ловитость нового инженера, которому к тому же
всего есть дело. Но он немец. Они боятся его и бе
оговорочно выполняют его распоряжения по суд
ремонту. Ни тем, ни другим не приходит в голов
что под маской старательного инженера действу
умный разведчик, переброшенный через лини
фронта.

Использованные Виктором Михайловым докумен
ты рассказывают, что стечением обстоятельств Нико
лай Гефт после прихода в Одессу оказался без связи
без явок. Конспирация и природная сметка помогаю
Гефту быстро войти в доверие немецких и румын
ских военных властей. Он достает важную информа
цию, а связной, через которого ее можно было бы
переправить в центр, все не появляется. К внутрен-
ней тревоге разведчика прибавляется гнетущее со-
знание невыполненного долга. И тогда он, продолжая
заниматься разведкой, создает на заводе подпольную
группу для нанесения ударов по вспомогательному
немецкому военно-морскому флоту. Он внимательно
присматривается к тем, с кем сталкивается на заводе
и в городе, острым чутьем разведчика и патриота
находит для опасного дела надежных людей. Э
начальник цеха Иван Рябошапченко, сле
Мындра и Михаил Берещук, моло

силий
профес
людей
телям.
На
ваютс
строя
ствен
тольк
наетс
ковш
подво
щики
По з
Нико
упус
ниях
спец
гося
Т
себя
вим
род
мен
орг

силий Тихонин, студентка Юлия Покалюхина, профессор Эдуард Лопатто. Этих разных и мирных людей объединяет ненависть к иноземным поработителям.

На заводе начинают срываться и всячески затягиваются сроки ремонта военных кораблей, выходит из строя оборудование, из-за постановки недоброкачественных материалов и деталей возвращаются в порт только что отремонтированные суда. Затем начинается нечто более серьезное: уходит из заводского ковша и не приходит в порт назначения истребитель подводных лодок «КТ-39», в топки которого подпольщики подбрасывают «уголек» профессора Лопатто. По заводу рыщут ищейки сигуранцы и абвера, к Николаю Гефту подсылаются провокаторы. Гефт не упускает случая информировать немцев о затруднениях, которые он испытывает в работе от румынских специалистов и их прислужников, вроде путающегося с сигуранцей инженера Петелина.

Таким путем ему удается отводить подозрения от себя и от участников своей группы. Оставаясь неуловимыми, они выносят свои действия за завод — в город, в порт, в тюрьму, в сигуранцу и в немецкую комендатуру, устанавливают связи с заключенными и организовывают побеги, принимают и распростра- ...дки Совинформбюро, пишут антифашист- ... деморализуют противника, выявляют

Сведения о событиях на судоремонтном заводе проникают через линию фронта. В украинском наркомате госбезопасности беспокоятся о судьбе своего разведчика. Там знают, что этот человек активного действия не будет сидеть сложа руки из-за потери связи. Ему стремятся помочь. Одна из одесских подпольных организаций получает указания и невидимо для разведчика оберегает его, предупреждает о провокаторах, помогает в налаживании связей. В декабре 1943 г. центр присылает Гефту в качестве помощника Валерия Бурзи. Этот 26-летний комсомолец уже побывал на боевой работе в немецком тылу на Херсонщине. С этого времени и до освобождения Одессы оба разведчика действуют как вожаки одесских патриотов: ведут разведку, организовывают диверсии и саботаж, срывают эвакуацию оборудования, предотвращают разрушение главных цехов и угон советских людей на немецкую каторгу. Собранная ими информация позволит потом нашей контрразведке обезвредить не один десяток вражеских лазутчиков, оставленных на освобожденной территории для шпионажа и убийств...

Отважным патриотам приходится действовать в исключительно трудной обстановке, в условиях безудержного террора оккупантов. В рамки одной повести не укладываются трагедии, которые еж... разыгрывались в непокоренной Одессе. ... наем из материалов чрезвычайн...

кументов партийного подполья и донесений наших разведчиков, из гитлеровских секретных архивов, захваченных советскими войсками.

Разведка и любые другие действия в тылу врага — это фронт мужественных и бесстрашных. Он держит бойцов в постоянном предельном напряжении физических и духовных сил. Однако не это считал Гефт для себя самым трудным и самым страшным в гитлеровском тылу. Страшной была необходимость маскироваться под прислужника заклятых врагов, ходить одетым в их волчью шкуру.

— Трудно, очень трудно носить маску,— жалуется разведчик своей юной соратнице Юле, девушке светлой души и чистых чувств.— Трудно сознавать,— говорил он потом своим ближайшим товарищам перед выброской на новое задание,— что в волчьей стае тебя наблюдают свои, не знают, кто ты и зачем тут, принимают за волка и ненавидят так же люто, как и самих оккупантов. И ты никогда не знаешь, какая опасность к тебе ближе: расправа гитлеровцев или святая месть своих. Иногда так хочется сказать своим, что ты другой, но ты не смеешь этого сказать...

В такой обстановке высшего напряжения и действуют невыдуманные герои книги Виктора Михайлова. Читая книгу, знакомясь с документами, которые положены в основу повествования, проникаешься гордостью за них, героев «незримого фронта»,

за их горячий патриотизм и высочайшее его проявление — подвиг в форме постоянной готовности отдать сражающейся Родине всего себя, свою жизнь. В их поступках автору повести удается раскрыть и показать внутренние силы этого подвига — высокие нравственные качества советского человека — смелость, волю, выдержку, самообладание, идейную убежденность. Поэтому они не были одинокими воинами в поле, а постоянно чувствовали народ, его неоглядный локоть, это помогало им идти навстречу опасности, отводить ее или, когда она становилась неотвратимой, презирать смерть.

В действиях Гефта и других подпольщиков автор повести раскрывает еще такое примечательное качество, каким является пролетарский интернационализм советских людей.

Немцы Гефт, Бурзи, Берндт ненавидели фашизм так же, как ненавидели его все советские люди. Они понимали характер, причины и виновников войны, развязанной немецким разбойничьим империализмом, так же, как это понимали все народы Советского Союза. Плечом к плечу с русскими, украинцами, молдаванами, белорусами, вместе с немецкими, чешскими, польскими антифашистами они насмерть боролись с фашизмом во имя победы сил мира и социализма.

— Мы немцы, но не гитлеровцы,— говорит Артур Берндт, когда Николай Гефт пытается прощупать его

отношение к оккупантам, к войне, к сопротивлению гитлеровской Германии.

В книге есть такой запоминающийся эпизод: Николай Гефт и Валерий Бурзи, два друга, которых сблизила опасность выполнения заданий в гитлеровском тылу, сидят где-то на побережье на бревне и обсуждают обстановку на советско-германском фронте.

— Сила идет огромная,— говорит о нашей армии Бурзи, который незадолго перед этим побывал на Большой земле.— Смотришь на все это, и поднимается в тебе гордость, что ты русский.

— У самого синего моря,— проникновенно и задушевно, с легким юмором отвечает ему Гефт,— сидели два немца и задавались своей русской гордостью.

— А что? В этом есть логика,— говорит Бурзи.

В этом была логика, была сыновняя преданность Советской Родине, была высшая — до последней капли крови — верность этих советских воинов интернациональному долгу. Утверждая это, мы снова должны будем несколько выйти за сюжетные рамки повести. Потому что, едва улеглись радостные волнения от встреч со своими, едва войска — освободители Одессы вышли на новые ратные дороги, оба разведчика снова были по ту сторону фронта, в глубоком тылу противника. На этот раз они воюют против гитлеровских захватчиков на польской земле.

Вместе с ними одессит Василий Тихонин, тот горячий молодой паренек, которого приглядел на судостроительном Гефт и который, не останови его Иван Рябошапченко, быстро свел бы с ним счеты, как с «продавшимся» немцам. По просьбе польских патриотов они действуют в составе польско-советского отряда, ведут разведку германских коммуникаций, уничтожают живую силу и технику, взрывают мосты и дороги, разрушают связь. Верстовые столбы на дороге Краков — Варшава становятся своеобразными памятниками их воинской доблести — с каждого столба немецкая надпись предупреждает: «Внимание! Близко партизаны! Будьте осторожны!»

Николай Гефт и Валерий Бурзи с разведкой, с боями шли глубоким тылом немцев, имея задание пробраться в Германию; туда, в фашистское логово, вели все дороги войны. Они оба погибли, немного не дойдя до Германии, не увидели нашу победу.

А. Куварзин

Одесса, октябрь 1964 г.

КНИГА ПЕРВАЯ

ТАЙНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

В ПЕКЛО!..

В этот день Анна Гефт ездила с Курманбаем в Переменовку: дед сдавал молоко на маслозавод, а она меняла китель и фуфайку мужа на продукты. В Ауле, где она жила, базара не было. В тряской телеге, запряженной полинявшим верблюдом, двадцать пять километров туда и обратно.

Вернулись поздно ночью.

Вот и саманная хата, крытая камышом. Здесь в годы войны Анна с ребятишками нашла приют и тепло.

С тревожным чувством ожидания — она всегда чего-то ждала, к чему-то прислушивалась — Анна миновала пристройку, где корова хрустко жевала сено, открыла дверь на хозяйскую половину, прошла в свою комнату и зажгла керосиновую лампу. Разметавшись на постели, спали сыновья. На столе так, чтобы она заметила сразу, лежало письмо Николая из Ростова.

Как была, седая от пыли, только сбросив на плечи платок, дрожащими от нетерпения руками вскрыла конверт.

Письмо датировано первым июня.

Николай писал:

«Дорогие мои Анка, Вовик и Котик!
Ну вот и кончилось мое вынужденное безделье. Отправляюсь в путь, в пекло, в суровое испытание!..»

Из Ростова-на-Дону до станции Аул, что почти на границе Алтая и Семипалатинской области, письмо шло тринадцать суток.

В час, когда в далеком казахском селении Анна Гефт вскрыла конверт, в тот самый час четырнадцатого июня тысяча девятьсот сорок третьего года с ростовского аэродрома поднялся с выключенными огнями «ЛИ-2», на борту которого был Николай Гефт.

В кабине самолета их четверо.

Валерий Бурзи — кряжистый крепыш лет двадцати пяти. Николай знал о Бурзи немного: инженер-электрик, работал до войны в отделе главного энергетика Судостроительного завода в Николаеве. Бурзи предстоит прыгать с парашютом под Херсоном.

Нина Шульгина — интересная молодая женщина, похожая на грузинку, и Александр Красноперов — ей под стать, видный, рослый мужчина.

Шульгина и Красноперов в оккупированной Одессе будут изображать молодоженов. В вещевом мешке «молодого» угадывалась рация, чему Николай искренне завидовал.

Они были замкнуты и углублены в себя. Каждый скрывал тревогу и неизбежное чувство страха за ис-

ход ночного прыжка, за достоверность версии своего появления в тылу врага, за надежность документов...

Николай еще раз мысленно проверил свою легенду:

«В бою под Чугуевом, двадцать седьмого февраля, сдался в плен. Был в лагере военнопленных. Заболел брюшным тифом. Находился на излечении в немецком госпитале. После выздоровления, как лицо немецкой национальности, отправлен к месту постоянного жительства, в Одессу, о чем свидетельствует маршбефель [1] с подписью и печатью».

«Достовернее не придумаешь. Документы в порядке,— думал Николай,— но поверят ли в эту легенду чиновники «Транснистрии»? [2] А почему бы им не поверить? Меня, заместителя главного инженера Нефтефлота, четвертого октября сорок первого года, выселили с семьей в Казахстан. Инженер, специалист по судовым двигателям — механик пимокатной артели! Мог я затаить обиду? Конечно, мог! Только и ждал удобного случая... И вот, в бою под Чугуевом, двадцать седьмого февраля... Такая подленькая история может растрогать до слез даже офицера гестапо!» Николай не терял чувства юмора.

Он достал из бокового кармана гимнастерки госпитальное заключение и с досадой заметил, что оно просрочено. Должны были вылететь первого, задержала техника...

---

[1] Маршбефель (нем.) — маршевое удостоверение, командировочная.

[2] «Транснистрия» (рум.) — «Заднестровье», так оккупанты называли временно оккупированную территорию СССР между Днестром и Бугом.

Это омрачило его настроение.

Тяжело ныли колени — осложнение после брюшного тифа. Он действительно болел брюшняком, но не в немецком госпитале, а в Энгельсе-на-Волге. За ним самоотверженно ухаживали и выходили, а вот ноги... Месяца два ходил с палочкой.

«Госпитальное заключение мне придется продлить в Одессе. Да, Юля! — вспомнил он.— Она же в мединституте, у нее знакомые врачи...»

Зная место своей выброски, Николай попробовал представить себе весь предстоящий путь по Одесщине, но мысль снова вернулась к Юле Покалюхиной.

«Как она там,— думал он,— в оккупированной Одессе? Хрупкая, тоненькая Юля, с ее неуемной энергией и нетерпимостью ко всякой несправедливости, ко всякому злу?»

Познакомились они в тридцать третьем. Николай учился в Институте инженеров водного транспорта и преподавал в школе физику и технологию металлов. Тогда он и приметил ученицу восьмого класса Юлию Покалюхину. Он руководил школьной агитбригадой, а Юля успевала всюду: она была артисткой, администратором и даже автором пародий и скетчей.

Самолет сильно тряхнуло. Погасла лампа в плафоне. Бурзи приподнял шторку и увидел в иллюминаторе яркие вспышки зенитных орудий.

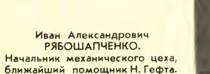
— Пересекаем линию фронта,— пояснил Бурзи.

Они шли с набором высоты. Альтиметр, висящий над дверью в летную кабину, показывал четыре тысячи триста метров.

Плафон снова загорелся, освещая тусклым светом кабину, скамьи по бокам и четверых людей, таких

Николай Артурович
ГЕФТ (ЗОЛОТНИКОВ).
Руководитель подпольной груп-
пы на Судоремонтном заводе.

Валериан Эрихович
БУРЗИ (ЕФРЕМОВ).
Направлен Центром в Одессу
для связи с Н. Гефтом.



Иван Александрович
РЯБОШАПЧЕНКО.
Начальник механического цеха,
ближайший помощник Н. Гефта.

неуклюжих и малоподвижных, с парашютами и вещевыми мешками. Мерно гудят моторы, свистит ветер в закрылках.

«Интересно, получила Аня мое письмо от первого июня? — снова думает Николай.— Теперь не скоро я смогу написать...» Закрыв глаза, он пытается представить себе жену, такой, как видел ее в последний раз перед расставанием. Сыновья спят. Аня уложила волосы. Нарядная, в шелковой клетчатой блузке, совсем девчонка... и не скажешь, что она мать двоих пятилетних ребят... Прощаясь, они пьют брагу — хозяйка варила,— закусывают холодцом. Совсем не военного времени пиршество!.. Давно это было, в январе сорок второго... Должно быть, ребята выросли, вытянулись...

Самолет ложится на крыло, и кажется, что моторы работают не синхронно: один звучит низко, натужно, другой переходит на высокую звонкую ноту...

Некоторое время Николай, так же как и остальные, прислушивается, но самолет выравнивается, и снова плывет ровный, успокаивающий гул моторов. И снова его мысли возвращаются к дому.

«Я выполняю особое задание, лечу в самое пекло,— думает он,— а моя жена ничего об этом не знает, она даже мысленно не может быть со мной... Ну что ж, я сам избрал этот нелегкий путь чекиста-разведчика... Самое тяжелое еще впереди... И конечно, не опасность быть разоблаченным, нет! Самое страшное, если, считая тебя подлецом и предателем, отвернутся друзья, хорошие, честные люди...» От этой мысли его пронизал холодок страха, но, вскинув голову, он сказал вслух:

— Что-ж! Пусть!..— и упрямо повторил: — Пусть!..

Самолет начал резко снижаться. Стрелка альтиметра падала.

На переборке вспыхнула сигнальная лампочка.

Валерий Бурзи поднялся, проверил лямки парашюта, вещевого мешка и молча простился.

В кабину вошел бортмеханик, открыл замок люка и выжидательно стал смотреть на сигнал.

Наступила томительная пауза. Но вот лампочка мигнула и погасла.

Сквозь откинутую крышку люка вместе с ревом моторов в кабину ворвалась упругая волна воздуха.

Бурзи шагнул в открытый люк, и тьма поглотила его...

Бортмеханик закрыл дверку и ушел.

Самолет развернулся и, набирая высоту, лег на новый курс.

«Теперь уже недолго»,— подумал Николай.

Он зримо представил себе карту Одесщины, в этих местах он когда-то бывал. Широкая, нисходящая к морю равнина между Тилигульским и Куяльницким лиманами.

Некоторое время самолет шел с набором высоты, но вот стрелка альтиметра снова начала падать: две тысячи двести... две тысячи... тысяча восемьсот...

Вспыхнула сигнальная лампочка.

В кабину вошел бортмеханик.

Прощаясь, Николай поднял руки в пожатии. Шульгина и Красноперов ему ответили.

Лампочка, мигнув, погасла.

Николай вдел руку в резинку кольца и шагнул в бездну...

Воздушный вихрь ударил его, стремясь опрокинуть навзничь...

— Раз... Два... Три...— считал Николай.

Автомат сработал безотказно. Гефта основательно тряхнуло — парашют раскрылся, и падение замедлилось. Но при рывке лопнула лямка вещевого мешка, скользнув по спине, мешок сорвался вниз... Земля еще не проступала из мрака. Под ним ни огня, ни отблеска... Что ждет его там, на земле?

Черная громада возникла неожиданно и стала надвигаться все быстрей и быстрей. Он чувствовал идущее навстречу ему теплое дыхание земли, запах сена...

Последние метры были мгновенны...

Он попытался встать на ноги, упал, больно ударившись коленями, но тут же вскочил и, погасив парашют, оглянулся. Где-то затявкала собака, лениво ответила другая. Недалеко было селение. Он сложил парашют, туго стянул его стропами и, отгребая ладонями, стал ножом ковырять землю: саперная лопата осталась в мешке.

«Не могу же я бродить по полю до самого света?! — думал Николай.— А что, если не найду? В мешке личные вещи, черт с ними, но деньги! С собой только пятьдесят марок...»

Надежно закопав парашют, он встал, но, сделав несколько шагов, почувствовал боль в коленях.

«Ничего, разойдусь,— подумал он.— Надо искать в радиусе километра, не больше»,— и двинулся полем. Но уже через несколько минут Николай понял, что в этой кромешной тьме искать вещевой мешок по меньшей мере бессмысленно, а к рассвету надо быть как можно дальше от места приземления.

Он набрел на узкую колею проселочной дороги и пошел по обочине в южном направлении. Плетень, а за ним кусты мальвы проступили из тьмы внезапно. Из-за закрытого ставня дома под черепичной

крышей чуть теплился свет. Осторожно Николай подошел к палисаду, перелез через плетень и заглянул за ставень. Он различил на столе керосиновую лампу с прикрученным фитилем, возле — палаш и пистолет. Рядом на лавке под серой немецкой шинелью спал человек.

Опасаясь того, что собаки поднимут всех на ноги, он снова подался в поле, нашел небольшой стожок, зарылся в одуряюще пахнущее сено и закрыл глаза, но уснуть не мог... В эти минуты он мысленно был в Одессе... Вытянутый по фасаду двухэтажный дом с балконом над воротами, первая дверь налево в подворотне, ступеньки... Дерибасовская, три... Дом, в котором он вырос... Как-то там его родители? Сумели ли они сохранить честь и достоинство советских граждан? Или сдался старик «на милость победителя»? Да нет, не может быть, чтобы батя, старый рабочий-наборщик, сдался, сподличал!..

Одна за другой гасли звезды. На востоке розовело небо. Легкий ветерок перебирал листы корзинок подсолнуха.

Николай выбрался из сена, отряхнулся и зашагал по проселочной дороге на юг. Колени ныли, но, стиснув зубы, он шел быстрым, энергичным шагом. За поворотом дороги Николай нагнал мальчугана, ведущего на поводу тощую кобылу с выпирающими мослаками.

— Мальчик! — остановил его Николай.— Как называется во-он то село? — Он указал позади себя на теперь уже хорошо видные черепичные крыши.

— Катериненталь.

Николай ушел далеко, а мальчик с лошадью все еще стоял и смотрел ему вслед. Запомнилось выражение лица мальчугана; тогда оно удивило, потом

Николай приметил что-то общее во многих встречавшихся ему лицах — настороженное выражение глаз, суровая складка у линии рта.

Примерно через час Николай вышел к хутору немецких колонистов Карлсруэ. В доме примаря[1] он застал румынского жандарма и предъявил свои документы.

Маршбефель и немецкая госпитальная справка вызвали почтительное отношение, жандарм даже показал по карте маршрут на Одессу.

Только к вечеру он добрался до села Любимовка, пошел к примарю и попросил устроить его на ночь.

Примарь, маленький, хлипкий мужчина, надев на длинный нос сапожком старинное пенсне с тесемочкой, придирчиво проверил документы, покашливая в ладонь, сложенную лодочкой, задал несколько вопросов на плохом немецком языке. Видимо удовлетворившись ответами, он постучал в окно проходившей женщине и послал ее за Максимом Лузгиным, который оказался высоким, плечистым стариком с бородкой, пышными усами и умным, проницательным взглядом.

— Вот, Максим Фадеевич,— примарь кашлянул в ладонь.— Принимай постояльца. Накорми, как водится, ну и... Добрый немец идет в Одессу...

Лузгин молча постоял у порога, затем пригласил не то с усмешкой, не то с радушием:

— Пойдем, господин хороший! В аккурат к ужину...

Дом Лузгина каменный, на высоком фундаменте. В просторной комнате на столе аппетитно парит большой чугун молодой картошки и полкаравая хлеба.

---

[1] Примарь (рум.) — в данном случае сельский староста.

За стол сели вчетвером: их двое, старая Лузгина и Мария — красивая молодая женщина с золотисто-бронзовой косой, уложенной короной вокруг головы.

«Королева!» — подумал о ней Николай.

Из скупого разговора за столом он понял, что Мария — невестка Максима Фадеевича, она назвала себя солдаткой.

За ужином Лузгин задавал Николаю обстоятельные вопросы и, помолчав, словно бы подвел итог:

— Стало быть, из армии ты убег?

— У меня с Советами свои счеты...— неопределенно сказал Николай.

— Стало быть, обижен ты крепко на Советскую власть?

— Обижен. Крепко обижен,— согласился Николай и поднялся из-за стола.

Мария быстро взглянула на него и отвернулась.

Лузгин взял с сундука подушку, серое шинельного сукна одеяло и сказал:

— Ну что ж, господин «добрый немец», пойдем на сеновал.

На сеновал вела узкая деревянная лестница прямо из коровника.

Николай уже засыпал, когда внизу, в коровнике, загремели ведрами. Он увидел Марию: подоткнув подол, она взглянула наверх, подумала и решительно полезла на сеновал.

Слыша ее тяжелые шаги на лестнице, Николай с досадой думал:

«Жадная до жизни баба! А я ее — в королевы!»

Мария поднялась на сеновал, остановилась над ним молча, тяжело дыша.

— Стало быть, из армии ты убег? — повторила она вопрос свекра. Голос у нее был низкий, груд-

ной.— Ты убег, а за тебя, сволочь такую, мой Василь бьется! — Женщина сказала это с такой уничтожающей силой, что Николаю стало не по себе.

Утром, чуть свет, он ушел, даже не поблагодарив за ночлег и ужин.

Николай шел весь день. По пути дважды проверяли документы, но ни маршбефель, ни госпитальная справка подозрений не вызвали. В одном из сел удалось купить крынку молока, ломоть хлеба, и он основательно подкрепился. Поблизости от Поповки на мосту через лиман стоял румынский пикет. Караульные драли с живого и мертвого. Николай подсчитал свои ресурсы — оставалось двадцать семь марок. Не густо.

Он подошел к мосту и остолбенел от удивления: прислонив карабин к будке, солдат играл на скрипке. Рыжая, облезлая скрипчонка в его руках издавала пронзительные звуки, то быстрые, плясовые, то протяжные, заунывные...

Словно заслушавшись, он ступил на мост и подошел ближе. «Молодое дарование», как мысленно окрестил он румына, никого не замечал.

Николай сперва привалился к перилам, потом перекинул одну ногу, другую, ступил на карниз и не спеша обошел сторожевую будку. Он уже миновал мост и шел по колонии Найзау, а со стороны лимана все еще звучала скрипка.

На шоссе ему повезло: попалась попутная машина, на которой он добрался до Великого Кута, но здесь полоса удачи кончилась. Румынский патруль обратил внимание на просроченную справку. Николай вылез из машины и долго уговаривал солдата. Исход дела решили пятнадцать марок.

До Лузановки он доехал без приключений. Здесь снова проверка документов, но все обошлось благополучно.

Возле магазина «Бакалейные товары господина Гаука» граждане «Транснистрии» дожидались попутной машины в Одессу. Николай зашел в магазин господина Гаука и, потратив марку, купил газету «Молва» за тринадцатое июня и присоединился к ожидающим.

Отпечатанная на скверной бумаге «Ежедневная информационная газета директора Ал. Н. Боршару» была удивительной смесью дезинформации и злобной антисемитской пропаганды, провокационной клеветы и слащаво-христианской сентиментальности. Газета прославляла предателя Власова и беззастенчиво рекламировала частную инициативу. Многочисленные хироманты, френологи, гадалки, астрологи, предсказатели по звездам и планетам, предлагали за скромную плату свои услуги. Явный, но предприимчивый шарлатан, чувствующий себя вольготно под солнцем «Транснистрии», взывал к читателям «Молвы»: «Перпетуум мобиле! Вечный двигатель изобретен мною! Ищу лицо с небольшим капиталом для сооружения модели. Московская улица, 87, квартира 26, Г. И. Ставский». Кинотеатр «Европа» предлагал зрителям сверхбоевик «Клад острова пиратов». «Спешите видеть! — надрывалась реклама.— Смертельная борьба за обладание кладом!». Газета оповещала читателей о том, что «торжественное богослужение состоится в Свято-Троицкой церкви с хором господина Мушенко». Военный преторат объявлял приговоры за хождение по городу позже установленного часа. Дирекция кафе «Лото» приглашала зайти — Ришельевская, сорок пять,— сыграть партию, или на «блины

с джазом» пожаловать в ресторан «Гамбринус». Русский театр Вас. Вронского рекламировал пьесу украинского националиста Винниченко «Черная пантера». Походя, между прочим, специальный корреспондент «Молвы» из «верного источника» сообщал, что «Советы продали англичанам на сто лет Баку и Мурманск»! Рейхсминистр Заукель на страницах газеты занимался подсчетом человеческих резервов. Из ставки фюрера гремели победные реляции, а «тонкая, лирическая поэтесса», некая Пантелеева, уверяла в том, что:

Вдали от глаз людских Христа ученики
Ждут утешителя, в молитвах пламенея...

Словом, антонеско-гитлеровский новый порядок в Одессе был установлен, он выл и кричал каждой строкой этой чудовищной газеты.

Пока Николай знакомился с «Молвой», к бакалейной лавке господина Гаука подошла грузовая машина с пустыми баллонами из-под углекислоты. Люди бросились к машине.

Когда они немного отъехали от Лузановки, шофер остановил машину и собрал с пассажиров плату за проезд.

Минут через тридцать Николай слез на Пересыпи: дальше машина не шла.

По заданию он должен был явиться к сестре своей жены, Зинаиде Семашко, но от Пересыпи до Малороссийской, где она жила, было далеко, ходить по городу небезопасно, да и по-прежнему ныли колени.

Подумав, он решил, что самое разумное — отправиться на Большую Арнаутскую, тринадцать, к Юле Покалюхиной.

Николай шел по городу, избегая оживленных улиц, при виде жандармских патрулей сворачивал в подворотни, пережидал... С каким-то странным чувством неверия в реальность того, что он видел, читал названия улиц: короля Михая I, Гитлера, Антонеску, вывески с фамилиями частных владельцев... Ему встречались сверкающие галунами румынские офицеры с дамами и денщиками, несущими покупки. Какие-то шумные, верткие дельцы времен Фанкони... Смешение языков и наречий... Он шел по своей родной Одессе, городу, где прошли его детство и юность, зачастую не узнавая улиц, так они изменились...

Уже подходя к дому тринадцать по Большой Арнаутской, он почувствовал волнение, но подумал о том, что тринадцать — число счастливое.

Окна в квартире Покалюхиных были открыты, горел свет, Юлия читала книгу, полулежа на диване... Николай остановился у окна — словно ничего не произошло, и войны не было, и лихолетья, сегодня концерт бригады, и он заехал за ней на машине...

Николай потянул дверь — она оказалась незапертой,— вошел в комнату...

Юля молча опустила книгу.

Николай увидел то же настороженное выражение глаз, ту же суровую складку у рта... Она изменилась...

— Какими судьбами? — наконец спросила Юля, ступив к нему навстречу.

— Добрым ветром! — улыбнулся Николай.

Минутная неловкость прошла, но все же прежней сердечности не было.

Пытливо заглянув в глаза, она сказала:

— Николай Артурович, плохие времена для шуток. Вы в моем доме, и я должна знать все, понимаете, все!..

— Всему свое время, Юля. Я хотел бы помыться. Если есть во что, переодеться и получить бинт...

— Вы ранены?

— Нет. Я разбил колени, надо перевязать...

С кухни вернулась мать Юли, она также была поражена появлением Гефта, но ни о чем не спрашивала.

— В прошлом году умер Тимофей Филиппович, муж, после него кое-какая одежонка... Правда, жить тяжело, только за тряпки и можно добыть немного продуктов, но кое-что осталось...— поливая ему на руки, сообщила Юлина мать.

Николай переоделся в свободные ему брюки и рубашку, расчесал еще влажные волосы, побрился и почувствовал себя, что называется, в форме.

Ответив на вопросы Юлии о жене и сыновьях, он спросил сам:

— Как старики? Ты давно их видела? Что делает отец? Работает?

— Родители живы. Со дня оккупации, месяцев восемь, Артур Готлибович не работал.— Юля улыбнулась.— Он говорил: «Пусть я сдохну, если стану на них работать!» Старики меняли на продукты вещи, жили трудно, но независимо. Через полгода тряпки кончились. Предложили ему портовые грузчики войти в артель, организовать питание рабочих. Старик подумал и согласился. Теперь он получает в день одну марку двадцать пфеннигов и обед. Грузчики им довольны, и у него хорошее самочувствие: трудится не на оккупантов, на рабочий класс.

— До наступления комендантского часа мы успеем сходить к родителям? — спросил Николай.

— В нашем распоряжении два с лишним часа...

Они шли по Канатной улице.

Николай видел, что Юля ему не очень-то доверяет.

В это время Юля думала, искоса поглядывая на Гефта:

«Откуда и зачем он появился в Одессе? Николай Артурович — немец. Советская власть поступила с ним круто, выселив его с семьей в Казахстан. Правда, это можно понять: где уж было в самом котле войны проверять и отсеивать людей! Да и немало местных немцев оказалось в пятой колонне... А он немец, и такой же норовистый, как его отец... Но отец же не сподличал!»

Словно прочитав Юлины мысли, он взял ее под руку и сказал:

— Юля, я такой же, как был. Ты можешь мне верить.

Миновав мост, они вышли на Дерибасовскую. Николай остался за углом, на спуске Кангуна, а Юля направилась к родителям, чтобы подготовить их встречу.

Стариков она дома не застала и хотела было предупредить Николая, но увидела Гефтов, спускавшихся вниз по Дерибасовской.

Покалюхина поздоровалась и поднялась со стариками по ступенькам. Материнское чутье подсказало Вере Иосифовне, что Юля пришла неспроста, она заволновалась и только хотела выспросить ее, как в комнату вошел Николай.

ПОКА ТОЛЬКО СТРАТЕГИЯ

Вера Иосифовна всплакнула, что же касается Артура Готлибовича, он встретил возвращение «блудного сына», как подобает мужчине, сдержанно. Сын, хоть и «блудный», все-таки сын! При встрече не было сказано, как в библейской притче, «станем есть и веселиться, ибо этот сын мой... пропадал и нашелся», но Вера Иосифовна сберегла несколько зерен настоящего кофе, он был смолот и сварен.

За чашкой кофе Артур Готлибович рассмотрел документы сына. В результате семейного совета было решено, что Юля возьмет на себя продление госпитальной справки, а отец организует прописку в полиции и свяжется с «Миттельштелле» [1], где у него есть один знакомый из местных немцев, некий Нолд.

К тому времени, когда миновала радость первой встречи, наступил комендантский час. Пришлось обоим ночевать у стариков, хотя и было решено, что оставаться Николаю у отца до получения прописки опасно и первое время он будет жить у Покалюхиной.

Рано утром Николай и Юля ушли на Большую Арнаутскую.

Юля чувствовала, что Николай Гефт чего-то не договаривает, о чем-то умалчивает. Втайне она надеялась, что все, рассказанное им у родителей, ложь, нужная ему для какой-то большой цели. Но какой?

Уже дома, на Арнаутской, прощаясь с ним (она уходила в институт с его справкой), Юля спросила:

---

[1] «Фольксдейче миттельштелле» (нем.)—служба войск СС по содействию местным лицам немецкого происхождения; политическое и административное учреждение, занимавшееся онемечиванием населения.

— Николай Артурович, вы по-прежнему ничего не хотите сказать мне?

В ответ он, как всегда, попытался отделаться шуткой.

Юлия настаивала.

Тогда, посерьезнев, он сказал:

— Понимаешь, Юля, я, как сапер, могу ошибиться один раз... Наберись терпения, прошу тебя.

После ее ухода Николай вышел из дома и, потратив всю наличность, купил все газеты, которые только оказались в киоске: «Молва», «Одесса», «Одесская газета» и «Буг».

До двенадцати он просидел над газетами, делал выписки. Кое-что ему удалось извлечь, но было трудно преодолеть противное чувство...

Потом он отправился на поиск оставленного ему на связь радиста Якова Вагина.

До Нового базара он добрался с трудом: по-прежнему ныли колени. Выйдя на Коблевскую, он разыскал нужный дом и перешел на противоположную сторону улицы. Из ворот дома, за которым он вел наблюдение, выбежал мальчуган с бумажной галкой, сложенной из листа тетради. Ребенок пытался запустить бумажную птицу, но она падала на асфальт.

— Что, брат, не хочет летать твоя галка? — спросил Николай мальчика.

— Не хочет...— вздохнул тот.

— Ну-ка, дай мне,— Николай взял из его рук птицу, развернул ее, разгладил на колене бумагу и сложил вновь (это он еще помнил).— Смотри, чтобы не улетела! — предупредил он и взмахнул рукой. Галка спланировала и, сделав плавный разворот, легла на тротуар.

— Вот здорово! — сказал мальчуган.

— Ты, парень, квартиру семь знаешь? — спросил его Николай.

— Знаю.

— А дядю Яшу знаешь?

— Там дядев Яшев нет, там только тети...

— А ты, парень, сходи, постучи и скажи, чтобы дядя Яша вышел на улицу.

Забрав бумажную птицу, гордый поручением, мальчуган удалился, а Николай снова зашел в чье-то парадное и стал наблюдать за домом. Через некоторое время из ворот показалась молодая женщина, в юбке и платке, наброшенном поверх рубашки. Она осмотрелась по сторонам и хотела было уйти, как вышел Николай...

— Вы спрашивали Якова Семеновича? — обратилась она к нему.

— Да, Вагина Якова Семеновича.

— А зачем он вам нужен?

— Привез ему весточку от друга...

В то же время Николай зорко наблюдал за улицей, поэтому появление патруля не застало его врасплох, он быстро юркнул в ворота.

Видимо, его бегство и послужило ему лучшей рекомендацией, потому что, оглянувшись, женщина не спеша вошла во двор, подождала, пока заглохли шаги на улице, и сказала:

— Яков Семенович в сорок первом, десятого октября, ушел из Одессы на военном транспорте... Я его жена... Глаша. Может, слыхали? Теперь и не знаю, кто я — солдатка или вдова...— Женщина утерла глаза кончиком платка и стала заправлять выбившуюся прядь волос.

— Я к вам, Глаша, дней через пять зайду. Разрешите?

— Господи, да конечно ж!..

Николай простился с женщиной и зашагал на Арнаутскую.

«Скверно,— думал он.— Вагин выбыл. Теперь я один... Совсем один в целом городе... А что, если воспользоваться рацией «молодоженов»? Ладно, поживем — увидим! — решил он.— Вагин ушел на транспорте,— снова он мысленно вернулся к связному,— ушел, и с тех пор никаких вестей...

Им девушки платками не махали,
И трубы им не пели, и жена
Далеко где-то ничего не знала.
А утром неотступная война
Их вновь в свои объятья принимала...»[1] —

вспомнил он чьи-то стихи, думая о простоволосой женщине, о Глаше с Коблевской улицы.

Николай шел углубленный в свои мысли, когда неожиданно услышал за спиной окрик. Первое побуждение — бежать! Но, сдержав себя, улыбаясь, он повернулся...

— Если не ошибаюсь, господин Гефт?!

С протянутой рукой к нему шел пожилой человек в нарядном, хорошо сшитом костюме песочного цвета, с пухлым, желтой кожи портфелем в руке. На груди его был Железный крест второй степени.

— Евгений Евгеньевич?! — удивился Николай.

Это был Вагнер, его преподаватель по Институту инженеров водного транспорта.

— Не помню кто, но мне сказали, что Советы сослали вас в Сибирь... С женой и детьми... Вы в Одессе? Как это вам удалось?

[1] Константин Симонов. «Хозяйка дома».

С подобающим выражением лица Николай произнес:

— Вырвался из ада... Перешел линию фронта, попал в Харьков, болел... И вот теперь, как лицо немецкой национальности, оказался на месте своего постоянного жительства... Только вчера прибыл.

— А семья? — сочувственно спросил Вагнер.

— А семья,— повторил Николай и, махнув рукой, отвернулся,— не спрашивайте...

— Может быть, я смогу быть вам полезен? Знаете что,— Вагнер взглянул на часы,— у меня еще есть полчаса времени. Зайдем в бодегу! [1]

Они свернули с Полицейской на Ришельевскую, зашли в бодегу и заняли столик. День был жаркий. Вагнер заказал пиво.

Приняв почтительную позу, Николай произнес, не жалея патоки:

— Простите, Евгений Евгеньевич, я должен был это сделать раньше. От всей души поздравляю вас с высокой наградой!

Поглаживая пальцами крест, Вагнер сказал понемецки:

— Служу великой Германии!..

Они чокнулись кружками и выпили.

— Так вот, милый Гефт, я заместитель начальника «Стройнадзора». Чтобы была понятна наша структура, я вкратце вас информирую. Во главе оберверфштаба — адмирал Цииб. В системе штаба — «Стройнадзор», который осуществляет контроль за ремонтом и строительством судов. Во главе «Стройнадзора» по одесским мастерским баурат [2] Загнер.

[1] Бодега (рум.) — закусочная, третьеразрядный ресторан.
[2] Баурат (нем.) — староста.

Я его заместитель. Мне известно, что на судоремонтном заводе есть нужда в инженерах... Хотите? Могу дать рекомендацию.

— Благодарю вас, Евгений Евгеньевич! Как только удастся получить аусвайс и оформить прописку, я воспользуюсь вашим любезным предложением. Простите, администрация на заводе румынская? — спросил Николай.

— Да, румынская, но кто же их принимает всерьез!

— Не говорите, Антонеску отхватил территорию от Днестра до Буга, наконец, Одесса, порт...

— Это небольшая компенсация за Трансильванию! — перебил его Вагнер.— Мозговая кость за верную службу хозяину! И если хотите, румыны не вывезут из «Транснистрии» и десятой доли того, что Германия выкачает из Румынии...— Вагнер покровительственно улыбнулся.— Так-то, молодой человек!

Вагнер имел весьма представительную внешность: седые виски, холодные серые глаза, массивный с горбинкой нос и руки, главное, руки — холеные, белые, с большим золотым кольцом-печаткой на безымянном пальце.

— Если, господин Гефт, вам понадобится помощь, можете на меня рассчитывать,— закончил Вагнер, поднялся и протянул руку.

Размахивая портфелем, не спеша, Вагнер двинулся вверх по Ришельевской.

«Переметнулся, мерзавец, со всеми потрохами! — глядя ему вслед, думал Николай.— Колоритная фигура! С него и начну я список...»

По проезжей части Полицейской улицы жандармы вели под конвоем человек двадцать мужчин и жен-

щин, босых, оборванных, истощенных. На груди некоторых из них были дощечки с надписями: «Я был связан с партизанами», «Я распространял панические слухи», «Я перерезал провода связи». Сопровождая их, по тротуару двигались женщины и дети.

Николай пошел быстрее. Чувство гнева душило его. До боли в суставах он сжимал кулаки.

Возле дома на Арнаутской его поджидала Юля Покалюхина:

— Где вы пропадали? У вас же нет никаких документов! Я так волновалась!

— А вот волноваться и не надо было.

— Конечно! Храбрый заяц!..— замолчав, Юля глазами показала ему на шмыгнувшего в ворота мужчину.

Мужчина в чесучовом пиджаке, глядя на него, чуть не вывернул шею. Глаза его, точно два буравчика, вонзились в Николая.

— Полюбуйтесь, это господин Пирог! — тихо представила чесучовый пиджак Юля.— Профессиональный антисемит и доносчик. Он водопроводчик, работал с напарником Давыдом Инжиром, так он на Давыда несколько раз доносил в сигуранцу[1], пока напарника все-таки не повесили. Обратили внимание, храбрый заяц, как он на вас посмотрел?..

— Пирог с гнусной начинкой! — усмехнулся Николай и перевел разговор на другую тему: — Как дела, Юля, со справкой?

— Вот ваша справка! — сказала она, передав ему документ.— Подписал доктор Буслер, человек он порядочный и держится с достоинством.

[1] Сигуранца (рум.) — тайная полиция, охранка.

— А что, если, подписав справку, он позвонил в сигуранцу?

— У Буслера была Ася, моя сокурсница, с глазу на глаз, прямо сказала: «Стоящий парень, нужно помочь». Нет, доктор Буслер на подлость не способен. Пойдемте, Николай Артурович, в дом. Есть еще одна хорошая новость.— Она открыла своим ключом дверь, и они вошли в квартиру.— Я была на Дерибасовской у стариков. По представлению Нолда оберштурмфюрер Гербих подписал ваш аусвайс. Теперь дело за пропиской. Завтра вам надо пойти с отцом в полицию, поставить штамп и прописаться.

— За добрую весть спасибо! — Николай плотно закрыл окно и неожиданно спросил: — Скажи, Юля, все это время со дня оккупации Одессы что делала ты?

— Не понимаю вашего вопроса...

— Мне знакома твоя нетерпимость ко всякой несправедливости, и я хочу знать, до какой силы протеста поднялся твой голос?

— По какому праву об этом спрашиваете вы?

— Чтобы довериться тебе, я должен знать...

— Вы сказали «довериться»?

— Да, речь идет о доверии.

— Хорошо. В дни обороны я работала, как все, на земляных работах. Когда наши войска оставляли город, я хотела эвакуироваться, но тяжело заболел отец... Пришли оккупанты. Мать совсем опустила руки, и все заботы по дому легли на мои плечи. 22 октября, когда взлетела на воздух комендатура на Маразлиевской, начались репрессии, массовый террор. Помните на Арнаутской, 17, примусную мастерскую Миши Шраймана? Я была дружна с сестрой его жены, Фримой. Наступило тяжелое время, и мы

все предупреждали Мишу об опасности, но он и слушать не хотел. «Э, что там,— говорил он,— я, Миша Шрайман, кустарничал при Советах и буду кустарничать при румынах! Миша Шрайман не делает политику! Миша Шрайман — король одесских примусов и керосинок!..» Когда все это началось, Миша Шрайман исчез... Жена и Фрима очень волновались... Мы пошли искать короля одесских керосинок... И нашли... Его повесили в Александровском сквере на старом платане... Их было много на деревьях сквера, сотни...— Юля зябко потерла руки, ей стало не по себе от воспоминаний.— Шрайманы боялись оставаться дома и перешли ко мне. Жили в этой комнате. Моя семья увеличилась вдвое... Прошла неделя или две... Не помню... Но однажды ночью ко мне пришла Тася Бакман с маленьким ребенком. Потянулись дни, недели, месяцы, полные страха и тревоги... Вы не думайте, что все это было так просто! Вот!.. Я покажу вам...— Юля достала из-за висящей на стене картины сложенную пожелтевшую от времени «Одесскую газету» и развернула перед Николаем.— Вот, читайте, здесь, подчеркнутое карандашом!..

«ПРИКАЗ

командующего оккупационными войсками
г. Одессы.

. . . .

Ст. 2. Все жители Одессы обязаны сообщать в полицию о каждом скрывающемся еврее.

Укрывающие, а также лица, которым было известно местопребывание евреев, но они не сообщили об этом,— КАРАЮТСЯ СМЕРТНОЙ КАЗНЬЮ».

Николай прочел и молча сложил газету.

— Как-то девочка Таси Бакман заболела. Услышав детский плач, Пирог донес в полицию. Они пришли, когда дома не было Шрайманов, схватили Тасю Бакман и ее ребенка, их убили по дороге в полицию... А господин Пирог сделался коммерсантом, деньги, полученные за услуги полиции, он пустил в оборот, открыл комиссионный магазин... За Тасей Бакман пришла очередь Шрайманов, они погибли все, и Мишина дочка, Рая, такая красивая... Она хотела стать киноактрисой... В начале февраля умер отец...

Николай встал и прошелся по комнате. Он знал Мишу Шраймана, веселого, предприимчивого одессита.

— У меня к тебе есть один вопрос...— сказал он.

— Да?

— Ты знаешь Артура Берндта?

— Берндт... Берндт...— Вопрос был неожиданным.

— Помнишь, на «Украине» ты отправилась к нам в Туапсе,— напомнил он.— Тебе было плохо, и Артур Берндт, радист, уступил тебе свою каюту.

— Как же, помню. С его сестрами дружила ваша Аня, их звали Эльза и Эрна...

— Я с Артуром учился в Институте инженеров водного транспорта, он был на факультете связи.

— Берндт по-прежнему живет на Малороссийской, рядом с родными Ани.

— Артур работает?

— Нет. Он не желает работать на оккупантов.

— Узнаю старую гвардию! Что он делает?

— На Большой Фонтанской дороге, против тюрьмы, открыл магазин. Отец Артура, колбасник, поставляет ему копчености. Торговля идет бойко. Вы, наверное, не знаете, Берндт женился.

— Вот как? Кто же она?

— Елена Холм. Вдова. Ее муж, врач, был арестован в тридцать седьмом году... Интересная женщина. Артур влюблен в нее по уши.

— Скажи, Юля, могли бы мы сегодня же навестить родных Ани? Ну и, конечно, если удастся, повидать Берндта.

— Признайтесь, Николай Артурович, вы сегодня обедали?

— Признаюсь, не обедал...

— Как вы относитесь к манной каше?

— Весьма положительно, еще с детства. Особенно с клубничным вареньем...

— Сейчас я сварю, правда на воде и... Обойдетесь без варенья, ну а после...

Но и после на Малороссийскую они не пошли: подумали и решили отложить визит к родным Ани до получения документов.

Вопрос с пропиской был решен на следующий день: Артур Готлибович вписал сына в «авторизацию» — список жильцов квартиры, а в полиции сказал, что его семья обменяла паспорта на аусвайсы, и попросил поставить штамп. Не сверив представленную «авторизацию» с копией, хранящейся в полиции, чиновник поставил штамп прописки.

С легальным положением пришло чувство уверенности, и Николай отправился на Мечникова, два, в Управление «Стройнадзора».

Чтобы внушить большее уважение к своей персоне, Вагнер продержал его в приемной около часу, но в кабинете поднялся Николаю навстречу, был очень любезен, тут же написал отличную характеристику и рекомендацию на имя директора завода инженера Купфера.

— Купфер — румынский немец,— предупредил его Вагнер,— но ярый румынофил. Отлично владеет русским. Если у вас возникнут какие-либо трудности, обращайтесь прямо ко мне.

Но трудностей не возникло. Шеф завода, как его здесь называли, инженер Купфер дал приказ о зачислении Николая Гефта старшим инженером по механической части.

Уже на следующий день надо было приступить к работе, поэтому нельзя было откладывать встречу с родными жены и Артуром Берндтом.

На Малороссийской его и Юлию приняли сердечно. Николай не открыл им своей миссии, но и не рассказал официальной версии своего появления в Одессе, держался он просто, непринужденно. Разумеется, родителей интересовала жизнь дочери и внуков, но Николай не мог полностью удовлетворить их любопытство: он расстался с женой и детьми полтора года назад, а письма от Ани были скупыми и краткими. На вопрос, что он думает делать в Одессе, ответил, что завтра начинает работать на судоремонтном заводе. Отец поджал губы и, не скрывая своего неудовольствия, сказал:

— А вот Берндт отказался работать на немцев...

Николай это замечание пропустил мимо ушей и обратился к свояченице:

— Кстати, Зина, у меня к тебе просьба: зайди к Артуру и спроси, могу ли я его повидать.

Зина вышла из комнаты.

Общий разговор как-то заглох, поэтому все оживились, когда вошла Зина и сказала, что Берндт дома один и, конечно, ждет его.

С Артуром они не виделись пять лет. Он мало изменился. Такой же быстрый в движениях, немного

угловатый, вот только глубокой складки на переносье раньше не было.

Артур вышел.

Николай осмотрелся: в комнате чувствовалась заботливая женская рука. На стене среди фотографий теплохода «Украина» висел портрет женщины.

Артур вернулся с бутылкой холодного вина и фруктами.

— Жена? — спросил его Николай, разглядывая женский портрет.

— Да, Лена...

— Красивая женщина. Ты счастлив?

Словно не слыша вопроса, Артур разлил по бокалам вино. Они чокнулись.

— Поздравляю! — сказал Николай.

— Счастлив я? — потягивая маленькими глотками вино, повторил Артур.— Даже не знаю, что тебе ответить... Тревожно мне... Не сплю по ночам, прислушиваюсь...

— Ты чего-то боишься?

— Не за себя, за нее боюсь, за Лену. Открыл я маленькую лавочку на Большой Фонтанской, напротив тюрьмы. Лена завела интрижку с тюремным начальством, спаивает надзирателей, угощает вином конвойных, и все это ради того, чтобы «толкнуть», как она говорит, передачи заключенным, письма...

— Смелая женщина! А ты, что же, против?

— Я против безрассудного риска, против бравады, с которой она все это делает. Начиталась чувствительных романов и вот... При случае еще хвастает, смотрите, мол, какая я бесстрашная! Понимаешь, у нее это азарт, игра в конспирацию. Я удерживаю ее, а она меня иначе, как немецким прихвостнем, не называет...

— Так, а что же ты, «немецкий прихвостень», на немцев не работаешь?

— Ну, этого они не дождутся! Конечно, мы с тобой, Николай, немцы, но не гитлеровцы же. Нет, не будет этого...

— Стало быть, сопротивление?

— Да, сопротивление.

— Пассивное...— усмехнулся Николай.

— Да, пассивное,— по инерции согласился Артур, но тут же спохватился: — Постой, ты это к чему?

— К тому, что от такого сопротивления врагу ни жарко, ни холодно.

— По-твоему, чтобы жарко, надо так, как Лена?

— Нет, я этого не говорю. Но, изображая на лице мировую скорбь, сидеть в лавочке и продавать оккупантам колбасу... Ты меня извини, но для этого большой ненависти не требуется.

— Что же делать?

— Сопротивляться! Сопротивляться активно!

— Ты считаешь, что я могу?

— Еще как!

— Например?

— Ты можешь собрать радиоприемник, чтобы можно было принимать сводки Совинформбюро?

— Конечно, могу...

— Сколько тебе на это нужно времени?

— Дней десять, двенадцать.

— Детали у тебя есть?

— Надо порыться в барахле. В крайнем случае можно купить на базаре, и не только переменные конденсаторы, там по дешевке идут станковые пулеметы, ручные гранаты... Недавно у румынского солдата за три марки я купил партизанскую листовку!

— Где она? — заинтересовался Николай.

— Сейчас принесу.— Артур вышел из комнаты и тут же вернулся с листком из детской тетради в клеточку.

Печатными буквами, кое-где расплывшимися, химическим карандашом на листке было написано:

«ТОВАРИЩИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ!

На ваших глазах гитлеровские бандиты вывозят в Германию награбленное добро из нашей Отчизны.

Кровопийцы высасывают все соки из нашего города.

А из Германии возвращаются вагоны с пушками, пулеметами, бомбами, несущими смерть нашему народу.

Саботируйте немецкие приказы, срывайте перевозки, уничтожайте паровозы, вагоны, пускайте составы под откос!

Не мазутом, а песком засыпайте буксы! Поджигайте эшелоны, цистерны с бензином!

Смерть фашистам!

Да здравствует свободная Советская Украина!

Подпольный райком КП(б)У
Одесского Пригородного района».

— Очень сильно и убедительно! — в раздумье сказал Николай.— Мужественные люди, как видишь, они не сложили оружия! Можно взять эту листовку?

— Да, конечно, если она тебе нужна. Так ты, Николай, серьезно?..

— Насчет радиоприемника? Совершенно серьезно. Через две недели я к тебе зайду. Надо только, чтобы Лена об этом ничего не знала. Детали на базаре сам

не покупай. Поручи кому-нибудь, кто бы не вызвал подозрений,— подростку, любителю...

— Хорошо, я буду осторожен. Но скажи, Николай, ты в подполье? В самой гуще борьбы? Да?

— Я твой старый товарищ, Николай Гефт. Мы с тобой дружили еще в институте, разве этого мало?

— Так, но...

— Ты мне не доверяешь? У тебя есть сомнения? — перебил его Николай.

— Нет, ты меня не так понял... Я тебе доверяю, но...

— Ты можешь отказаться, я тебя ничем не связываю. Подумай и через Зину Семашко сообщи мне, как-нибудь условно, скажем «Окорок достать не могу». Я буду знать, что Артур Берндт снова перешел на пассивную форму сопротивления.— Николай налил в бокалы вино.— За удачу, Артур!

— За удачу!

Николай вызвал через открытое окно Юлю, и они направились на Большую Арнаутскую. У него было отличное настроение, он даже пробовал шутить, но безответно. Молча они миновали ограду старого кладбища и вышли на Преображенскую. Здесь их остановил патруль, проверил документы и один из жандармов попросил закурить. Николай достал пачку румынских сигарет.

«Странно,— подумала Юля.— Он же не курит!»

Возле Успенского собора, когда они повернули на Большую Арнаутскую, в свете фар идущей навстречу машины она увидела на его лице улыбку, и долго сдерживаемое раздражение прорвалось, она резко спросила:

— Вы что, не обратили внимания на замечание Семашко?

— У меня, Юля, хороший слух. Ты можешь говорить тише,— по-прежнему улыбаясь, сказал Николай.

— Мне, например, не безразлично, что родители Ани считают вас подлецом! — вскипела Юля.

— Это заблуждение, оно скоро пройдет.

— Вы же не курите, откуда у вас сигареты?!

— Я готов носить при себе даже флягу с вином, если это обеспечит мне расположение жандармского патруля...

— А вы понимаете, что это противно?

— Понимаю. Тебя, очевидно, привело бы в еще большее негодование, если бы ты узнала, что я собираюсь сделать... Думается, пришло время нам поговорить серьезно.

— Вряд ли сейчас подходящее время и место для серьезного разговора...

Они остановились возле разрушенного дома. На стене, оклеенной веселыми обоями, ветер шевелил отрывной календарь.

Николай полез по груде битого кирпича, добрался до полуразрушенной стены, сорвал листок календаря и вернулся к поджидавшей его Покалюхиной.

— В этом доме жизнь остановилась,— он чиркнул спичкой,— пятого октября сорок первого года. А пятнадцатого наши войска оставили город... Придет время, и люди по крупинке будут собирать приметы этого времени, и календарный листок... На, Юля, сохрани его. Ты меня прости, девочка, что я не сказал тебе раньше. Я всегда в тебя верил. И пришел я к тебе первой — не к отцу, не к родным Ани, к тебе. Но дело, которое мне поручено, не терпит слепого доверия. Я должен был проверить тебя, узнать, с кем ты. Если ненависть твоя горяча, а ум холоден и сил

у тебя хватит для борьбы, мне нужен такой, как ты, человек. Не торопись с ответом, подумай.

Некоторое время Юля стояла молча, нервно комкая листок календаря... Потом она, протянув руку, сказала:

— Я обещаю вам...

Николай пожал протянутую руку, и они пошли быстрее — приближался комендантский час.

СРАЖЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Ровно в семь часов утра Николай был в Управлении «Стройнадзора». Каждый рабочий день начинался с оперативного совещания в кабинете морского строительного советника Загнера. На «говорильне», как мысленно окрестил эти совещания Николай, завод принимал заказы на ремонт судов от Морской транспортной службы — «Зеетранспортштелле».

В этот день присутствовали: майор Загнер — человек с красным бугристым лицом, в очках с золотой оправой, в форме СС; его заместитель Вагнер — самодовольный, одетый в безукоризненный серый костюм, с крестом на груди; шеф завода Купфер; главный инженер Петелин; главный механик Сакотта и Николай Гефт.

В начале совещания майор Загнер передал заказ на ремонт одного бота марки «РО» 16-й гафеншуцфлотилии[1], двух ботов серии «Д» 30-й деляйтфлотилии[2], одного катера 9-й флотилии Очакова и двух судов 4-й флотилии фишкутеров из Ак-Мечети.

---

[1] Гафеншуцфлотилия (нем.) — охраннопортовая.

[2] Деляйтфлотилия (нем.) — охраннокараванная.

Майор уточнил сроки ремонта судов, подписал требование на материалы и, остановив невидящий взгляд на Купфере, сдерживая раздражение, по-немецки сказал:

— Объясните, шеф: почему в ковше завода четыре недели стоит сторожевой корабль «ПС-3», принадлежащий германскому военному флоту? Работы по установке двигателя должны были быть закончены к первому июня! Вчера меня вызывал по этому вопросу начальник оберверфштаба адмирал Цииб. Я не желаю краснеть перед командованием из-за вашей нераспорядительности!

Николай написал записку и передал ее через стол Вагнеру.

Купфер поднялся с кресла и, глядя в окно на бегущие облака, по-румынски начал что-то неторопливо говорить...

— Прикажете, господин шеф, пригласить переводчика?! — перебил его Загнер.— Потрудитесь говорить по-немецки!

Проглотив обиду, Купфер перешел на немецкий. Корректно, так же тихо, не повышая голоса, он долго объяснял причину задержки монтажных работ. По Купферу, выходило так, что на заводе нет специалистов по двигателям этого типа, что машина получена некомплектной, в связи с чем целый ряд деталей приходится изготовлять на месте...

Во время длинного монолога Вагнер подошел к баурату с запиской Гефта и, наклонившись, что-то тихо ему сказал.

Баурат согласно кивнул головой, оставил записку у себя и перебил Купфера:

— Все ясно, господин шеф. Ответственным по установке двигателя на «ПС-3» назначите инженера

Гефта! Даю вам три дня срока. Двадцать пятого июня я сам приеду на ходовые испытания!

Николай заметил ироническую улыбку инженера Петелина, за этой улыбкой скрывалось: «Посмотрим, инженер Гефт, как с этой задачей справишься ты. Смотри, не сломай себе шею!»

Мысленно Николай принял вызов Петелина, он знал, что с главным инженером предстоит еще не одна схватка впереди. Этот, с позволения сказать, русский инженер только при оккупантах защитил диплом. С прилежанием, достойным лучшего применения, он в совершенстве изучил румынский язык. В качестве главного инженера, Петелин старался больше, чем Купфер, пустить завод на полную мощность. Он издевался над рабочими, подвергал их незаслуженным наказаниям и штрафам. Все это Гефт узнал за то краткое время, что был на заводе.

Из Управления «Стройнадзора» Гефт выехал на машине с Купфером, Сакоттой и Петелиным.

В машине Купфер по-русски, примиряюще, сказал:

— Я очень сожалею, господин Гефт, что вам не дали времени осмотреться, но...— он развел руками.— Говорят, с корабля на бал, а у вас с бала на корабль...

— Если то, что сейчас произошло, можно назвать балом! — вставил Петелин.

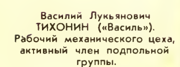
В здании дирекции Гефту отвели кабинет на втором этаже с окнами на механический цех, электростанцию и эллинг. Где-то там, за всеми этими сооружениями, было море, перечеркнутое линиями причалов.

Николай снял трубку телефона и попросил механический цех. Услышав визг и грохот работающих станков, он потребовал:

Юлия Тимофеевна
ПОКАЛЮХИНА.
Связная подпольной группы.

Эдуард Ксаверьевич
ЛОПАТТО.
Профессор, доктор
химических наук.
Активный участник борьбы
группы Н. Гефта.

Артур Густавович
БЕРНДТ.
Инженер-радист,
принимал деятельное участие
в работе подпольной группы.



Василий Лукьянович
ТИХОНИН («Василь»).
Рабочий механического цеха,
активный член подпольной
группы.

— Шефа механического цеха!

— Кто говорит? — по-немецки спросил кокетливый женский голос.

— Старший инженер по механической части Гефт! — ответил он также по-немецки.

— Одну минуту! Я сейчас разыщу шефа. Иван Александрович где-то на территории. Что передать?

— Прошу его зайти ко мне!

Николай положил трубку и в ожидании подошел к окну.

Он знал Ивана Александровича Рябошапченко еще бригадиром, познакомился с ним на практике. В сороковом году они случайно вместе отдыхали в гагринском санатории водников. Рябошапченко пробился в люди, как сам говорил, из учеников слесарного дела, кажется кончил годичную школу в Кронштадте, плавал на линейном корабле машинистом-турбинистом, у него ясная голова и золотые руки. С кем сейчас Иван Рябошапченко? Сделал при оккупантах карьеру, из бригадиров — в начальники цеха?! Неужели служит румынам на полусогнутых, как Петелин?

Его размышления прервала девушка, стриженая блондинка со смазливым личиком. Пестрое узкое платье подчеркивало ее пышные формы. Явно кокетничая, она сказала:

— Шеф на эллинге, он сейчас придет. Я секретарь. Немцы меня зовут Лизхен!

«Секретарь начальника механического цеха... Странно, зачем подобная должность? Разве что для немецкой информации!» — подумал Николай, но вслух сказал:

— Отлично, Лизхен! — и протянул ей руку,— Николай Артурович Гефт! Благодарю за оперативность!

В кабинет вошел Рябошапченко, и Лизхен, бросив Николаю многообещающий взгляд, выпорхнула из кабинета.

После ее ухода оба они почувствовали какую-то неловкость. Поздоровались как старые знакомые, молча постояли у окна, затем Гефт сказал:

— Да, Иван Александрович, я вас не поздравил...

— С чем? — удивился Рябошапченко.

— С должностью начальника ведущего цеха!..

— Знаете, Николай Артурович, от этой должности я, как от чумы, бежал... Не помогло. Петелин поставил обязательное условие. Я полгода не работал, семья шесть человек, нужда, каждый хочет есть. Торговать не умею, в доносчики пойти — совесть не позволяет...

— Кстати,— перебил его Гефт,— что это за девица у вас в секретарях?

— Секретарь!..— усмехнулся Рябошапченко.— Табельщица она, но ей такая должность не к лицу. Сверху поставили. Она по-немецки бойко лопочет, ну и вообще... К немцам добрая...

— Расскажите, Иван Александрович, что там у вас с «ПС-3»? В каком состоянии дизель? — Гефт перешел к столу.— Чья бригада работает на монтаже? Почему затянули срок?

Слушая доклад, он пытливо разглядывал начальника цеха. Выполнение его миссии во многом зависело от этого человека, от того, с кем он будет в этой борьбе.

А Рябошапченко, чувствуя на себе пристальный взгляд инженера, нервничал. От волнения у него сохло во рту. Обстоятельно информируя о работах по установке двигателя, он часто умолкал, чтобы собраться с мыслями. Думая, по привычке двигал

желваками, вытягивал губы, словно собираясь засвистеть, и поджимал их вновь.

— Вы говорите, что работает бригада Берещука? — перебил его Гефт.— Ну что же, давайте, Иван Александрович, пройдемся на корабль...

Они вышли из кабинета и спустились вниз.

Рябошапченко был пониже Николая ростом, поэтому, разговаривая с ним, он задирал голову. Его темно-карие глаза, прищуренные от яркого солнца, смотрели на Гефта с внимательной хитрецой.

Над входом в механический цех бросалось в глаза барельефное изображение святого Николая Мирликийского — покровителя морского промысла. Святой достался в наследство еще от тех времен, когда завод был эллингом «Русского общества пароходства и торговли» — РОПиТ. В бытность Гефта на заводской практике этого барельефа не было: его заштукатурили и сровняли со стеной. При оккупантах штукатурку отколупали и барельеф восстановили.

«Чему же теперь покровительствует святой тезка? — мелькнула у него мысль.— Пиратскому промыслу гитлеровцев?!»

Незаметно они дошли до пирса, где был ошвартован немецкий сторожевик.

Николай прикинул на глаз тоннаж корабля: шестьсот, не больше. Посмотрел вооружение: одна зенитная пушка, две двадцатимиллиметровых, спаренный пулемет и бомбосбрасыватели.

«Досадно, что такую щуку придется выпустить в море!» — подумал он, спускаясь вместе с Рябошапченко в машинное отделение.

Бригада Михаила Степановича Берещука встретила их появление настороженным молчанием. К работе еще не приступали, один покуривал, другой

суконкой шлифовал зажигалку, третий читал, двое завтракали, здесь же, на станине, расстелив газету.

Гефт поздоровался с бригадой и приступил к осмотру. Придирчиво, педантично он исследовал все части двигателя, от центровки до топливных насосов высокого давления. По тому, как он это делал, рабочие поняли, что перед ними не механик Сакотта, а инженер, отлично знающий свое дело.

Изредка Гефт задавал скупые вопросы бригадиру.

«Разумеется, значительная часть монтажа выполнена,— пришел он к заключению.— Но как выполнена?! За такую работу в прежнее время я бы с треском снял бригадира!»

Николай Гефт помнил бригадира по первому знакомству с заводом в студенческие годы. Уже тогда Берещук был одним из лучших специалистов по судовым двигателям, он вырос здесь, в этом цехе, сложился в мастера, тонкого знатока корабельного сердца.

«Что же это? Нарочитая небрежность? — думал Гефт.— Если бы я мог запросто сказать Берещуку: так, мол, и так, дорогой человек, нужно, понимаешь, мне нужно, чтобы двигатель работал! Но ведь не скажешь!.. Надо становиться к машине самому и шаг за шагом преодолевать сопротивление. Каким же я буду подлецом в глазах этих людей!» — но вслух, вытирая руки ветошью, он сказал:

— У меня такое впечатление, что осталось сделать не так уж много: закончить центровку, ликвидировать пропуски во фланцах маслопровода, опрессовать, отрегулировать топливные насосы, форсунки и наладить пусковую систему. На всю эту работу нам дано три дня. Руководство я беру на себя.

— Три дня?! — ахнул Берещук.

— Да, Михаил Степанович, три дня. Я сделаю точные замеры клиньев, а вы, шеф,— обратился он к Рябошапченко,— лично проследите за тем, чтобы в цехе снимали прострожку с самым минимальным допуском. Пойдемте, Иван Александрович, наверх, поговорим...

Они поднялись на верхнюю палубу, присели на люк-решетку.

Посвистывающий в ковше буксир замолчал, и в наступившей тишине они ясно услышали снизу, из машинного отделения, сказанное кем-то в сердцах:

— Вот немецкая шкура! Выслуживается, стервец! — Голос был густой, басовитый.

Не сдержав улыбки, Николай взглянул на Ивана Александровича:

— Серьезные ребята у Михаила Степановича!

— Это не со зла...— забеспокоился Рябошапченко.— Конечно, голодно, жить трудно, некоторые вот мастерят зажигалки — и на рынок... Тут ничего не сделаешь... А работают они добросовестно...

О добросовестности рабочих Гефт не спорил, он только что убедился в наличии у рабочих совести.

В тот же вечер, уже закончив свой трудовой день на немецком сторожевом корабле, по дороге с пирса Гефт встретил на территории завода Полтавского. В довоенное время Андрей Архипович плавал старшим механиком на теплоходе «Аджаристан», часто заходил в Туапсе, встречались они за бутылкой «сухого».

— А я слышу, травят по заводу байки: Николай Гефт появился! Нет, думаю, не может того быть! А ты, скажи пожалуйста!..— тряся руку Николая, говорил Полтавский.

— Давай отойдем в сторонку,— предложил Николай, чтобы выиграть время.

Они перешли дорогу и сели на скамейку.

Из отводного колодца с шипением вырывалось белое облачко пара. С электростанции доносилось тяжелое дыхание дизеля. А прямо над их головой в густой листве акации чирикала какая-то пичуга.

— Не томи, Николай Артурович! Какими судьбами ты оказался в Одессе? На Марти?

«Что сказать? Ответить по легенде — оттолкнешь от себя человека. Солгать — концы не сведешь с концами»,— подумал Николай и решил в пределах возможного придерживаться золотой середины:

— В сорок втором меня взяли в армию, прошел я курсы «Выстрел», был командиром. Во время боев за Харьков свалил меня брюшной тиф. Когда наши оставляли город, я был в горячке, в бреду. Пришли гитлеровцы. Как я выжил — не спрашивай, но выжил. Потом немцы отправили меня по месту постоянного жительства. Приехал я в Одессу. Старикам и без меня тяжко, на их иждивении долго не просидишь, да и трудповинности не миновать. Пошел к Вагнеру — я у него учился,— получил рекомендацию. Жить-то надо...

— Надо! Ох, как надо! — подхватил Полтавский.— Теперь-то я уверен, что надо! На Волге-то их как разделали, а?! Выходит, и «непобедимых» бить можно! — сказал и боязливо оглянулся по сторонам.— Да! А где же Анна? Сыновья?

— Аня с ребятами в глубоком тылу, в Казахстане. Работает, ни в чем не нуждается...

— Что же это мы сидим, как короли из чужой колоды! — спохватился Полтавский.— Обмоем встречу? У меня тут на шаланде есть бутылочка «сухого»!..

Гефт очень нуждался в объективной информации, поэтому, узнав о том, что Полтавский работает здесь же, в механическом цехе, мастером, согласился.

Они вернулись к пирсу, поднялись по трапу на самоходную шаланду, где Полтавский налаживал двигатель. Мастер засветил от аккумулятора лампочку, порылся в рундуке с ветошью, извлек неполную бутылку сухого вина и два пластмассовых стаканчика. Расположились они на рундуке, и беседа завилась куделью.

За этот час в машинном отделении самоходки Гефт узнал многое — Полтавский был человек наблюдательный и на язык острый.

В первые месяцы оккупации судоремонтный бездействовал. Но помаленьку на завод начали возвращаться рабочие. Электроэнергии не было. Привезли румыны откуда-то токарный станок и приспособили его на ручное вращение. Однако оккупантам завод был нужен, они рыскали по всей Одессе в поисках двигателя для электростанции и наконец нашли на толевом заводе паровую машину. Ее устанавливали месяцев пять. К тому времени нашлась предательская душа — кладовщик, выдал румынам затопленные детали двигателя. Привезли еще несколько токарных станков, но работа на заводе шла со скрипом. Рабочие относились к делу с холодком, короче говоря, саботировали. Да и судов в ковше не было. Изготовляли всякую ерунду — ножи, вилки, зажигалки. В сорок втором начали поступать на ремонт суда. Работа велась медленно, словно бы нехотя, каждый норовил словчить для себя дефицитного материальчика да вынести на базар,— что ни говори, «частная инициатива»! К примеру, на шаланде

«Хаджибей» поставили прокладки из картона, а клингериту «приделали ноги». С шаланды «Амур» растащили весь инструмент. Стоял у пирса немецкий буксирный катер, так ребята обрезали швартовые концы и унесли. Манильский канат частник на базаре хватал с руками. О баббите, цветных металлах и говорить нечего: не успеешь оглянуться — на базаре! Малый токарный станок по частям с завода вынесли. Конечно, это воровством не назовешь, это борьба за существование и борьба с новым фашистским порядком, сопротивление одиночек. Да и друг к другу рабочие относились не очень-то доверчиво: были среди нас и доносчики — подлые душонки, и предатели. Нечто вроде сознательного сопротивления началось после «Белой крепости», по-румынски «Читата альба».

— Я тебе, Николай Артурович, про эту «Белую крепость» расскажу подробно, потому я так мыслю, что эта паршивая посуда дала некоторую подвижку рабочему сознанию! — сказал Полтавский и разлил по стаканчикам остатки вина.

Полтавский рассказывал длинно, с большим количеством крепких словечек и отступлений.

История с «Читата альбой» представилась Гефту так.

Привели на буксире в капитальный ремонт небольшое колесное судно, приписанное к порту Констанца. Как у всех колесных пароходов, вал паровой машины на этом судне был поперечный, формы мотыля. Надо было поставить новую нащечину взамен сломанной. Нащечину изготовили на заводе, а устанавливала бригада Ляшенко. Хотя бригадир дело знал, ограничителей не поставил. Нагрели нащечину, как положено, до четырехсот градусов, Ляшенко

дал команду: «Майна помалу!» Крановщик на мостовом кране не расслышал команду и смайнал гак крана на полную. Нащечина просела ниже своего места и прочно села на шейке вала. Пробовали снять нащечину при помощи болтов с подогревом бензогорелкой — не вышло: болты лопнули. Доставили из котельного цеха гидравлические джеки... Словом, провозились дня три, пока сняли нащечину, но металл на шейке вала задрали. Эта авария надолго задержала ремонт «Белой крепости». Бригада ждала больших неприятностей, но все сошло благополучно. Такой исход дела людей воодушевил, они почувствовали, что у них есть оружие, и они могут бороться. Кто-то и совсем осмелел — на буксирном катере «Форос» забил деревянные чопы в краны продувки цилиндров, это могло вызвать крупную аварию. Но заметил обер-механик, и этим вопросом занялась сигуранца, много дней вела следствие. С тех пор люди стали осторожнее, и, хотя нет у нас на заводе организованного сопротивления, все же борется каждый в одиночку, и все по-разному. Вот только Петелин въелся в печенку. Перед начальством выдрючивается, а с рабочих шкуру дерет...

— Скажи, Андрей Архипович, что за человек Петелин? — спросил Николай.

— Ничего об этом...— Полтавский сделал выразительный жест рукой,— не скажу, но если он тебя шибко интересует, посмотри за октябрь прошлого года «Одесскую газету». Оккупанты годовщину справляли, так Петелин у них на банкете от имени русской интеллигенции речь держал...

— Что за речь? — заинтересовался Николай.

— Ты прочитай сам, боюсь, мне не поверишь, да и, по правде сказать, подзабыл я...

— А что Рябошапченко?

— Иван Александрович между двух огней. Покрывает, как может, нашего брата, но ему приходится ухо держать востро. Опять же Петелин с него требует... Вот, может, с твоим приходом ему полегчает... Ну, бутылка пустая, времени много, пошли по домам! — закончил Полтавский.

— Следующая бутылка за мной! — пообещал Гефт.

Совсем стемнело, когда Николай добрался домой, на Дерибасовскую. Теперь он жил здесь в большой проходной, с окнами во двор комнате, служившей раньше прихожей и кухней одновременно.

В комнате родителей он увидел свояченицу и с досадой подумал: «Прислал ее Берндт, испугался, чертяка!»

Выждав время, когда Вера Иосифовна ушла варить кофе и они остались одни, Зина сказала:

— Артур просил передать: «Окорок в коптильне, будет готов дней через пять».

Вошел отец, услышав сказанное Зинаидой, резко спросил:

— Это кому же окорок?

— Начальству. Надо смазать мою колесницу! — с улыбкой ответил Николай.

— Не нравится мне, сын, твоя колесница! — проворчал Артур Готлибович. — И дорогу ты выбрал грязную. Старым друзьям стыдно смотреть в глаза...

Николай с трудом отмыл солидол, въевшийся в руки, переоделся и сел за стол. Он был доволен сегодняшним днем, но ужин проходил в обидном молчании. Кофе овсяное на сахарине не вызывало аппетита, чечевица, усилиями матери превращенная в печеночный паштет, тоже не радовала. Если что и

доставляло удовлетворение Николаю, так это непримиримость отца к оккупантам и к позиции сына, перебежчика, работающего на гитлеровцев.

«С моей стороны жестоко держать отца в неведении,— думал Николай.— Но рисковать я не имею права. Старик в кругу друзей может похвастаться — такое за ним водится — и погубить все дело».

Словно угадав его мысли, Артур Готлибович демонстративно отставил чашку недопитого кофе, взял очки, книгу и вышел из комнаты, резко хлопнув дверью.

Ушли и Зина с Николаем. Они молча шли по Пушкинской улице, когда Николай неожиданно спросил:

— Помнишь, Зина, в тридцать седьмом я привозил Аню в Одессу рожать? Таково было ее желание, хотя в Туапсе сколько угодно опытных врачей...

— Как же, помню,— и, подумав, что Николай упрекает жену за каприз, добавила, как бы в ее оправдание: — Так ведь Аня ждала двойню, боялась...

Словно не слыша ее, Николай сказал:

— Ты меня тогда угощала мочеными яблоками... Помнишь? В подвале у вас стояла кадушка с антоновскими мочеными яблоками... Теперь на люке я видел сундук...

— Мало ли что там стояло! — обиделась за сестру Зинаида.— Теперь нечего держать в подвале, рухлядь всякая валяется...

— Послушай, Зина, а не могла бы ты привести этот подвал в порядок?

Зина остановилась и, переждав, пока их обогнал прохожий, спросила:

— Для чего это, Коля? — У нее и голос дрогнул от волнения.

Когда его готовили к заброске в Одессу, чекисты обсуждали с ним разные варианты легализации. Тогда они решили, что по прибытии в Одессу он отправится к Зине. Николай пошел к Юле Покалюхиной и не жалел об этом, но...

«Пришло время,— подумал он,— сказать Зине правду».

— У вас в подвале мы установим радиоприемник, будем принимать сводки Информбюро,— решился Николай.— Люди должны знать правду. Это поддержит их мужество, даст силы в борьбе.

— Что я могу сказать, Коля... Я тебя поцелую...— Она притянула к себе его голову и поцеловала в лоб сухими от волнения губами. Затем было двинулась вперед, но вернулась к нему и сказала: — У меня на сердце, Коля, словно праздник какой...

Он долго стоял и смотрел Зине вслед, пока она не скрылась, затем свернул на Большую Арнаутскую.

Юля на кухне варила кофе.

Николай вошел в комнату. Перебирая на ее столе книги, учебники по анатомии и педиатрии, он наткнулся на тонкую клеенчатую тетрадь с конспектом по... богословию!

Юля на подносе внесла кофейник и две чашки.

— Что это? — спросил он, показывая клеенчатую тетрадь.

— Запись лекций. В институте не ставят зачета в книжку по основным дисциплинам, если нет отметки по богословию.

Пропуская сквозь пальцы страницы тетради, исписанные убористым почерком Юлии, в раздумье он сказал:

— Интересно... Очень интересно...— И неожиданно: — Юля, ты можешь отдать мне эту тетрадь?

— Возьми. Ты решил заняться богословием? — не без иронии спросила Юля.

— Ты угадала,— ответил он серьезно.— У меня к тебе два поручения. Первое: у вас в институтской библиотеке есть подшивка «Одесской газеты»?

— Никогда над этим не задумывалась. Думаю, что есть.

— Посмотри номера за октябрь прошлого года, найди репортаж о банкете в честь годовщины со дня оккупации Одессы и выпиши, слово в слово, выступление инженера Петелина Бориса Васильевича.

— Петелина Бориса Васильевича,— закрыв глаза, повторила Юля.— Так, второе?

— Достань в лаборатории института десятипроцентный раствор желтой кровяной соли.

— Сколько?

— Кубиков двадцать пять — тридцать.

— Хорошо. Это все?

— Все.

— Тогда у меня для тебя есть новость! Я добыла сводку Совинформбюро! — Юля положила перед ним листок, вырванный из блокнота.

Николай взглянул на сводку, пододвинул к себе пепельницу и сжег бумагу.

— Где же ты добыла, как ты говоришь, эту сводку? — Он взял чашку и слушал ее, прихлебывая кофе.

— У меня есть знакомая — студентка мединститута Аня Осика. Ее дядя, местный немец, открыл мыловаренный завод. Живут они — угол Рождественского переулка и Новосельской. У них в доме с разрешения коменданта радиоприемник. Осика

любит гадать на картах. Я зашла к ней погадать. Как водится, вышла мне дорога через казенный дом, а на сердце лег червонный король и много-много денег и счастья. Словом, Осика в своем репертуаре. Когда подошло время, я напросилась на кофе. Аня ушла заниматься хозяйством, а я включила приемник. Успела прослушать сводку и к ее приходу переключить на Берлин. Духовой оркестр, марши, хриплые крики... «Как ты можешь слушать такое?!» — возмутилась Аня и выключила приемник. Я пришла домой и по памяти записала...

— Глупый и совершенно ненужный риск! Я запрещаю тебе заниматься отсебятиной! На первый раз считай, что ты получила выговор, ну, а если подобная история повторится... Пеняй на себя.

Ничего не сказав, Юля стала убирать со стола.

— Вот ты и обиделась. Тебе, видимо, кажется, что это веселая самодеятельность прежних лет. Понимаешь, Юля, мы все должны подчиняться военной дисциплине, усиленной чрезвычайными обстоятельствами подполья. Плохо, если ты этого не понимаешь...

— Ну хорошо, больше это не повторится,— тихо сказала Юля.

Николай простился и, захватив клеенчатую тетрадь, ушел.

Прошло два трудных, напряженных дня.

Николай вкладывал в установку двигателя всю свою силу, все знания человека, истосковавшегося по настоящему делу. Он сам руководил центровкой двигателя, проверил зазоры между стрелами на фланцах валов коленчатого и гребного. Строго рассчитывал клинья и следил за тем, как их пришабривали, подгоняя на месте. Он сам отрегулировал

пусковую систему и перебрал редукционный клапан. Наблюдал за опрессовкой топливных насосов и форсунок. И если бы не окружающая его атмосфера неприязни и недоверия, Николай от этой работы получил бы искреннее удовлетворение, но он знал, на что идет, и был готов ко всему.

К концу третьего дня они опробовали двигатель в работе, тщательно отрегулировали нагрузку по цилиндрам, проверили все навесные агрегаты. Машину можно было предъявить к сдаче на ходовых испытаниях.

Завтра, двадцать пятого июня, точно в срок, назначенный Загнером, сторожевик отдаст швартовы и выйдет в море.

МЕЖДУ СТРОК...

В полной темноте на ощупь Николай открыл дверь, пошарил по столу руками, нашел лампу и зажег. С тех пор как бомбили Плоешти, на электростанции не хватало горючего.

Родители давно спали.

В комнате было тихо, но в ушах еще плыл звонкий гул двигателя. Ходовые испытания затянулись. Неожиданно на корабль прибыл адмирал Цииб в сопровождении майора Загнера. Ходили в порт Сулин и вернулись в Одессу поздно вечером.

Николай достал из-под подушки кофейник, завернутый в газету, кофе был чуть теплый, налил кружку и, почти залпом, выпил.

Перед ним лежала клеенчатая тетрадь конспекта по богословию, он перевернул обложку и прочел: «Беседа первая. Голос церкви — голос божий».

Из бокового кармана он извлек великолепную авторучку, полученную сегодня на ходовых испытаниях в подарок от эсэсовца Загнера, снял колпачок и написал на первой странице:

«Кто ищет истину — найдет ее в светлой православной церкви.

Николай Гефт. Одесса, 25 июня 43 г.»

Затем, отложив авторучку, он открыл флакон с желтовато-бурой жидкостью, обмакнул перо, прочел первые строки конспекта: «Святой Киприан говорит, бог устроил церковь, чтобы она была хранительницей откровенных истин...» — и между строк написал:

«Удалось не только легализоваться, но и проникнуть в военно-морскую часть гитлеровцев. Собрана значительная информация. Но данный мне на связь Яков Вагин выбыл с нашим транспортом в дни эвакуации. Остается последняя надежда — рация Саши Красноперова. В случае крайней необходимости мне было дано разрешение на связь с Красноперовым. Думаю, что такая необходимость наступила. Если же не удастся передать информацию по рации «молодоженов», придется переправить ее через линию фронта со специально посланным человеком. С этого дня я буду заносить в эту клеенчатую тетрадь всю собранную информацию:

Раздел первый: «Структура германских военно-морских сил»...»

Было около четырех часов утра, за окном уже брезжил рассвет, а Николай все еще писал отчет:

«Петелин — сознательный враг. Это не приспособление к обстоятельствам. Он как бы нашел себя в атмосфере злобной антисоветчины. Ярче всего об этом

свидетельствует его выступление на банкете в честь «освобождения Одессы от большевиков».

«Только теперь русская интеллигенция вздохнула свободно,— говорил Петелин.— Только сейчас мы чувствуем счастье свободы и за это благодарим наших спасителей Румынию и Германию!»»

Отложив перо, Николай заметил, что наступило утро. Он поднес близко к окну клеенчатую тетрадь, проверил ее страницы при дневном свете — доклада, написанного между строк конспекта по богословию, не было, он словно и не был никогда написан.

Отодвинув кровать, Николай, спрятал за плинтус раствор желтой кровяной соли. Разделся, лег и тут же уснул.

Разбудил его отец.

Вчера после окончания испытаний Николай получил разрешение на отдых, но, подумав, решил пойти на завод. Надо было поговорить с Рябошапченко, откладывать разговор не имело смысла.

Он встал, позавтракал вместе с отцом, побрился и отправился на завод. По дороге на углу Дерибасовской и Гаванной купил «Молву».

К себе в кабинет он зашел ненадолго, просмотрел наряды и направился в механический. В конторке Рябошапченко не было. Лизхен приветствовала его:

— Знаете, Николай Артурович, о вас шефы так хорошо отзывались...

Ответив на приветствие, он вышел из цеха и направился к пирсу, но возле эллинга встретил Ивана Александровича.

Рябошапченко сухо поздоровался и двинулся в тень, к скамейке.

— Что нового в газете? — спросил он, кивнув на «Молву» в руках Гефта.

— Еще не смотрел, но, думаю, ничего, кроме клеветы и дезинформации,— ответил Николай, разворачивая газету.— Главная ставка фюрера сообщает о победах германского оружия на Кубанском предмостном укреплении, о боях в районе Орла... Что касается истинного положения, то Советское информбюро передает...

«Что это, провокация?» — подумал Рябошапченко и решительно поднялся со скамейки:

— Вы меня простите, Николай Артурович, но я бы не хотел слушать, что передает Совинформбюро!..

— Чураетесь правды?

— Можно начистоту?

— Валяйте!

— Я человек думающий,— говорил он спокойно, не повышая голоса, но предательские желваки выдавали его волнение.— Кто вы, Николай Артурович? Если посмотреть, с каким душевным рвением вы доводили дизель на «ПС-3», вы служите эсэсовцу Загнеру не за страх, а за совесть. Послушать ваши комментарии к «Молве», вы... Словом, вы меня понимаете. Если сказал лишнее, не обессудьте...— Он двинулся к эллингу.

— Иван Александрович! — остановил его Николай.— Где же такое видано — обвинить и не дать оправдаться! А говорите, что вы человек думающий. Давайте вспомним: после осмотра в вашем присутствии дизеля я понял, что бригада Берещука монтаж саботировала. Но я же не побежал к Загнеру или к Купферу, чтобы нажить на этом политический капитал! Так?!

— Ну так...

— Больше того, я добился, чтобы бригаде Берещука выписали премиальные. Со временем я скажу

вам больше, но сейчас... Поймите, Иван Александрович, поймите и поверьте: это было нужно!

— Предположим...

— Там, где есть предположение, есть место надежде. Я уверен, что мы поймем друг друга.

— Сейчас мне кажется странным, что были другие времена и люди были яснее и понятнее...— Рябошапченко снова присел на скамейку, откинулся в тень акации и, словно думая вслух, сказал: — Помните, Николай Артурович, отдыхая с вами в Гагре, мы ходили в ущелье реки Жоэквары смотреть развалины Башни Марлинского. Мне хорошо запомнился этот день перед вечером, седые от мха камни и ваши слова... Вы помните, что вы тогда сказали?

— Нет, не помню.

— А я хорошо помню. Вы сказали: «Александр Марлинский, штабс-капитан лейб-гвардии драгунского полка, декабрист, сподвижник Рылеева, умер, как солдат, но память о нем хранят эти камни. Завидная жизнь! Память о нас с вами вряд ли сохранят потомки». Помните?

— Очень смутно...

— А я помню. К чему это? Да! Память потомков. Кто знает, Николай Артурович, может быть, потомки и вспомнят о нас, живших в это трудное время... Кажется, я говорю путано...

— Нет, все ясно. Мне ваша мысль понятна... Хотелось бы, Иван Александрович, задать вам один вопрос...— нерешительно начал он.— Вы можете не отвечать, дело ваше...

— Многозначительное вступление,— улыбнулся Рябошапченко.

— Скажите, почему вы остались в Одессе?

Улыбка сбежала с лица Рябошапченко. Он пожевал губами, отчего скулы пришли в движение, искоса поглядел на Гефта, словно прикидывая в уме, стоит ли отвечать на поставленный вопрос. Но, видимо решив, что стоит, сказал:

— В этом нет ничего зазорного, могу ответить. Бригада ремонтировала судно «Ворошилов». Было решено довести хотя бы один дизель, чтобы судно могло уйти своим ходом в Новороссийск. На «Ворошилове» должен был эвакуироваться и я вместе с семьей. В это время бомба угодила в хлебозавод, что на улице Хворостина. Мою бригаду перебросили на ремонт печи. Пока мы работали на хлебозаводе, «Ворошилов» ушел. После этого надо было срочно монтировать кислородную станцию — не было кислорода для сварочных аппаратов, требовали госпитали кислород для тяжелораненых. Где тут было думать об эвакуации! Четвертого октября вызвали в военкомат и сообщили, чтобы я на эвакуацию и не рассчитывал... «Остаетесь в Одессе!» — сказали мне. Как видите, Николай Артурович, я совесть мою мог бы не тревожить, но очень мне тяжко, что остался... Да я и не скрываю этого...

Из-за эллинга показалась Лизхен, она достала из кармана зеркальце и поправила краску на губах.

По лицу Рябошапченко скользнул отраженный зайчик, Иван Александрович как-то погас, замкнулся в себя, стал снова серым, обыденным.

— Николай Артурович, вас хочет видеть шеф Купфер! — сказала Лизхен, увидев Гефта.

— Откуда известно шефу о том, что я на заводе?

— Шеф спросил, где Иван Александрович, я сказала, что на территории с инженером Гефтом, а он сказал...

— Дальнейшее ясно. Жаль прерывать наш разговор, Иван Александрович, но мы еще к нему вернемся.

— Если хотите.

— К начальству придется пойти.

У Купфера его подстерегала неожиданность:

— Господин Гефт,— сказал Купфер.— По представлению майора Загнера оберштурмфюрер Гербих дал указание отделу снабжения выделить вам премиальный паек. Вы знаете, где помещается магазин «Фольксдейче миттельштелле»?

— Нет, шеф.

— Угол Новосельской и Петра Великого. До двенадцати можете воспользоваться моей машиной.

Николай поехал в магазин, получил объемистый пакет с продуктами, отвез его на Дерибасовскую и сказал матери:

— Тут, мама, на двоих. Подели, пожалуйста, все поровну.

Вера Иосифовна была не очень сильна в политике, к тому же продукты есть продукты, а аппетит двух взрослых мужчин надо чем-то удовлетворять.

— О! Настоящий кофе! Отец так любит кофе...

— Хорошо,— согласился Николай,— кофе оставь целиком.

Захватив пакет, уже вдвое меньший по объему, он дал шоферу адрес: «Коблевская!» В самом начале улицы отпустил машину, пошел пешком. Квартиру семь нашел сразу, на первом этаже, с пристроенным тамбуром, сквозь открытые окна которого пробивалась буйная зелень домашних растений.

На стук вышла еще молодая полная женщина в откровенном капотике, с бумажными папильотками в бесцветных волосах.

Разговаривая с Николаем, она доедала, зажав в кулаке, куриную ножку, кокетливо отставив мизинец с длинным и грязным ногтем.

— Мужчина, молодой и красивый, в нашем гареме?! — воскликнула она.

— Мне нужно видеть Глашу Вагину...

— Быть может, Брунгильду? Так это я!

— Увы, я не король бургундов! — улыбнулся Гефт.— Мне нужна только Глаша Вагина.

— Какая жалость. А я через окно увидела вас! — вздохнула Брунгильда. Швырнув обглоданную кость в горшок с фикусом, она обтерла ладони о капот и протянула руку:

— Будем знакомы! В случае чего — поимейте в виду! Заходите, я провожу вас.

С яркого света он попал в темную кухню, затем в коридор, заставленный сундуками, в самом конце его они остановились перед дверью, из-за которой слышался стрекот швейной машины.

— Глашенька, миленькая, к тебе прекрасный рыцарь! — сказала толстуха, распахнув дверь.

Швейная машина умолкла.

Николай вошел в комнату, пахнущую машинным маслом и дешевым одеколоном. Над кроватью с горкой взбитых подушек — коврик «Лисица и виноград», в бутылке, висящей горизонтально на ленте,— макет парусной шхуны, стол, на нем — гора разноцветных лоскутов, швейная машина — и бедность, нужда из каждой щели.

Глаша, в нижней рубашке и юбке, набросив на голые плечи такой же коврик, что висел на стене, смущенно ему улыбнулась.

Николай кивнул головой Брунгильде и перед ее носом захлопнул дверь.

— Ой, зачем вы так! — всплеснула руками Глаша и, понизив голос, сказала: — Немка она. Бруна ее звать. Ей про моего Якова все известно. Я знаете как ее боюсь! К ней «фазаны» ходят...

— Кто, кто?

— «Фазаны», ну румынские офицеры.

— Я, Глаша, привез вам от Якова Вагина посылку, возьмите.

— Ой, что вы!..

— А на словах Яков просил передать, что лучше вас, красивее вас нет на целом свете... Он любит вас, свою Глашеньку, и вернется к вам!.. Обязательно вернется, только ждите его, ждите!..

— Никогда он не звал меня раньше Глашенькой...— Губы ее дрожали, на глаза навернулись слезы.— Господи, за что же это мне!..

— За любовь, за верность...— сказал Николай, но мыслями сейчас был далеко, в аульской саманной хате...

Глаша преобразилась. Куда девалась ее придавленность, болезненная жалкая улыбка. Она вся както поднялась, расцвела на глазах и действительно стала красивой.

— А Бруну эту самую не бойтесь, Глаша. Вы ей скажите, что я немец и... Ну, ухаживаю за вами, что ли...

— Как можно! Она знаете какая вредная! Вернется мой Яков, Бруна ему насплетничает, что вот, мол, к ней ходил немец, ухаживал...

— Вы, Глаша, не бойтесь. К тому времени, когда вернется Яков Вагин, не будет этой женщины, я вам обещаю.

— А можно мне вас спросить?

— Да.

— Как ваше имя или хотя бы фамилия?

— Не надо, Глаша. Когда вернется Яков, я зайду к вам, мы выпьем по стопке вина и вспомним это страшное время, которое вас не согнуло, не надломило вашей души...

— Вы уходите? Прошу вас, возьмите коврик на память. Я их шью на базар, а Бруна продает... Кое-как пробиваюсь...

Николай свернул коврик и взволнованный, сам не зная почему, вышел из комнаты.

В оранжерейном саду тамбура его поджидала Брунгильда. Она была в голубом платье, туго стянута корсажем, отчего в глубокий разрез выдавались упругие полушария грудей. Не было на ее голове и папильоток. Завитая, напудренная, с накрашенными губами, она была среди тропической растительности тамбура экзотическим, ярким цветком...

Николай, потрепав ее по щеке, сказал:

— До скорой встречи! — и вырвался на улицу, подумав: «Нашла фазана!»

С Коблевской Николай поспешил на Большую Арнаутскую, но Юли дома не застал. Подумал и решил посмотреть магазин Артура Берндта — его соседство с тюрьмой сулило большие возможности.

Николай сел в вагон люстдорфской линии. Трамвай с грохотом и скрежетом едва тащился, его швыряло, словно шаланду в штормовую погоду. Пульмановские вагоны — гордость Одессы — были вывезены в первые же месяцы оккупации.

В этот полуденный, знойный час пассажиров немного.

Жены чиновников румынской администрации, живущие на дачах Большого Фонтана, они нагло, как хозяева, входят с передней площадки и бесце-

ремонно требуют места. Хлыщеватые офицеры. На задней площадке жмутся солдаты, вчерашние крестьяне, в пропотевшей, грязной и оборванной форме, забитые муштрой и палочной дисциплиной, небритые и утомленные. Женщины с узелками, едущие в тюрьму с передачами. Благообразные горожане с цветами — эти направляются на кладбище навестить могилы своих близких.

Паренек со смышленым лицом читает плакат патронажного комитета, призывающий жертвовать в пользу бедных.

— Сперва сделали людей нищими, потом бросают нищим подачки! — говорит он и презрительно сплевывает в окно.

Николай выходит из трамвая возле тюрьмы, здесь же, на остановке, магазин. Маленькое, одноэтажное здание, узкое, словно коридор, с подсобкой в конце. В магазине значительный выбор колбас, бакалеи, вин и наливок. За стойкой женщина, Николай узнал ее сразу: Лена, жена Артура Берндта. Высокая, стройная, типичная южанка, с большими карими глазами, крупными чертами лица. Возле нее какой-то чин тюремной администрации, он перегнулся через стойку и, плотоядно заглядывая за корсаж женщины, что-то говорит ей, тихо и многозначительно. У противоположной стены в позе больных, ожидающих очереди на прием, сидят женщины с узелками.

Разговаривая с румыном, Лена бросает в их сторону обещающие взгляды, подмигивает. Всей своей фигурой, подвижными руками, лицом она словно бы говорит этим женщинам: «Сейчас, миленькие, стараюсь для вас. Вот только околпачу этого солдафона, и все будет в порядке!»

Глядя на Лену, он вспомнил сказанное Берндтом: «У нее это азарт, игра в конспирацию!» Артур тысячу раз прав, и, разумеется, никакого настоящего дела поручить Елене нельзя, решил Николай и вышел из магазина.

«Но если Елена в магазине, Артур сейчас дома один, и я смогу повидаться с ним без помех. Тем более, что отсюда рукой подать...» — думал он, дожидаясь трамвая.

Доехав до городской водопроводной станции, Николай по Складской пешком дошел до Малороссийской и, постучав, терпеливо ждал у двери, пока не услышал голос Берндта.

— Открывай, Артур! Это я, Николай Гефт!

Громыхнув засовами, Берндт открыл дверь, пропустил его в прихожую и поспешил в комнату:

— Извини, что заставил ждать,— сказал он на ходу.— Пока спрятал все детали... Черт! Горячий паяльник сунул в чемодан!..— он достал из-под кровати чемодан с инструментами и вытащил электрический паяльник.— Чуть пожар не наделал!..

— Как подвигается работа?

— Приемник будет готов через два-три дня. Где ты думаешь им пользоваться?

— В подвале Семашко...

— У Семашко? — удивился Берндт.

— Да, во дворе вместо бельевой веревки протянем белый электрошнур, конец введем в отдушину погреба. А для конспирации повесим на шнур пару твоих рубах. Получится неплохая антенна! Как думаешь?

— Меня беспокоит не эта сторона дела...— Артур нерешительно замолчал.

— Семашко?

— Да. Очень большой риск. Имеем ли мы право...

— Надо так, чтобы без риска. Слушать будем на телефоны три раза в неделю, в определенный час, когда стариков нет дома...

— Что ж, дело твое.

— Вот что, Артур, есть еще одно поручение...

— Дай справиться с первым.

— Одно другому не помешает. В прошлый раз ты хорошо сказал: «Мы с тобой немцы, но не гитлеровцы!» Помнишь?

— Да, помню.

— На Одесщине много немецких колонистов. Напиши, Артур, листовку к местным немцам.

— Сумею ли я?..

— С тех же позиций: мы немцы, но не гитлеровцы! Призывай немцев саботировать приказания гитлеровцев, уклоняться от призыва в армию! От всякой работы на оккупантов, от сдачи хлеба, шерсти, молока!.. Ты можешь начать так: «Товарищи немцы!» Или нет: «Гитлеровская война проиграна!» Хорошо, правда? Война проиграна! Пусть те, кто еще на что-то надеются, знают: надежды нет, война проиграна! Это началось еще там, на Волге! Так как, Артур, напишешь?

— От имени кого будет обращение? — спросил Берндт.

— Подпишем так: «Немецкие патриоты». Или: «Патриотическая группа советских немцев». Помни, Артур, листовка должна быть убедительной, сильной, а главное, краткой! С лаконичностью телеграммы! Хорошо?

— Попытаюсь.

— Жене ни слова. Для нее ты можешь оставаться «немецким прихвостнем», это даже лучше.

От этих слов Берндта покоробило. Николай понял, что сделал ошибку:

— Прости, Артур, кажется, я сказал глупость...

— Сказал правду. Сейчас я принесу бутылку вина...

Николай не собирался засиживаться, но отказаться было нельзя.

Артур принес бутылку и налил полные стопки вина.

— Вот ты хочешь выпустить листовку,— прихлебывая маленькими глотками вино, сказал Артур.— По-моему, это полумера. Они от нас отмахнутся, как от назойливой мухи. Врага надо уничтожать, взрывать военные учреждения, солдатские казармы, склады боеприпасов, горючего, совершать диверсии!

— Ты прав, Артур, все это надо, и это они получают полной мерой. И поезда летят под откос, и пылают баки с горючим, и смертельная пуля мстителя подстерегает каждого из них. К счастью, силы нашего сопротивления не исчерпываются Берндтом и Гефтом. И все-таки значение листовки огромно. Пользоваться радио запрещено под угрозой смерти, печать в руках оккупантов. Целые дни население города кормят ложью и клеветой под пресным соусом военных маршей. И вдруг — листовка! Сводка Совинформбюро! Уже сама по себе листовка — свидетельство борьбы, а правда?! Правда с быстротой света распространяется по всему городу. Правда дает надежды, силы!..

Раздался резкий стук в дверь.

Артур вскочил и прежде всего спрятал паяльник. Заметно побледнев, он вышел в прихожую и распахнул дверь.

На пороге стояли человек в форме СС и жандарм.

— Герр Берндт? — спросил эсэсовец, заглядывая в список.

— Да, я Артур Берндт...— высказанное минуту назад решительное требование террора уступило место растерянности.— Прошу вас, заходите! — сказал он и пропустил эсэсовца вперед.

— Благодарю! — он вошел в дом, а жандарм остался на лестнице.

— С кем имею честь? — спросил эсэсовец, увидев в комнате Гефта.

Гефт молча показал удостоверение и любезно предложил:

— Стакан сухого вина?

Эсэсовец кивнул головой.

Артур принес еще одну стопку и налил в нее вина. Рука его дрожала.

— Гауптшарфюрер [1] «Фолькс-дойче миттельштелле» Франц Вебер! — представился он.— По заданию оберштурмфюрера Гербиха я проверяю политическую лояльность лиц немецкого происхождения.

— Ваше здоровье, господин Вебер! — поднял стопку Гефт.

— Ваше! — ответил эсэсовец. Он выпил до дна, поставил пустую стопку на стол, открыл кожаный портфель и, просматривая анкету, спросил: — Вам, герр Берндт, принадлежит торговое заведение на Люстдорфской линии?

— Да, небольшое торговое заведение...— ответил Берндт, он все еще был взволнован.

— Мы поддерживаем частную инициативу, но истинный немец, да еще с дипломом инженера, мог

[1] Гауптшарфюрер — унтер-офицерский чин в войсках СС.

бы принести бо́льшую пользу рейху, выполняя работу по своей специальности.

Гефт видел оберштурмфюрера Гербиха только мельком и в полутемном коридоре «Миттельштелле», но Франц Вебер явно во всем подражал своему начальнику: он был так же подстрижен ежиком, носил такие же усы щеточкой, казалось, что и глаза у него такие же, как у Гербиха,— голубовато-серые.

— Вы не состоите в «Союзе немцев Востока», вы не посещаете курсы немецкого языка,— монотонно перечислял Вебер,— вы игнорируете военные усилия третьего рейха...

— Господин гауптшарфюрер,— видя состояние Берндта, вмешался Гефт,— смею вас заверить, что инертность моего коллеги Берндта имеет веские основания. Он страстный поклонник фюрера, но... Артур Берндт тяжело болен... Туберкулез, неизлечимая форма...

Вебер резко встал, брезгливо, двумя пальцами взял стопку, из которой пил, и посмотрел ее на свет, словно рассчитывая увидеть палочки Коха. Захлопнув портфель, зажав нос платком, он рявкнул:

— В течение пяти дней представить медицинскую справку! Честь имею!

Артур было хотел проводить Вебера, но Гефт опередил его и вышел вслед за гауптшарфюрером.

— Что теперь будет? — спросил Артур, когда Николай вернулся.

— Ничего не будет,— Николай налил в стопки вина.— Придется доставать тебе медицинскую справку.

— Зачем ты это сказал?..

— А ты что, хотел в качестве защитника третьего рейха отправиться в Линц, на военную пере-

подготовку? — перебил его Николай.— Давай лучше выпьем, и я пойду.

Они допили вино, оставшееся в бутылке, и Николай ушел. Он направился снова на Арнаутскую. На этот раз Юля была дома. Он попал на лукуллово пиршество: кукурузные лепешки, жаренные на подсолнечном масле.

Следуя приглашению, Николай оказал честь лепешкам, но совесть его была неспокойна: Покалюхины жили трудно, нуждались, а он отдал половину продуктов чужому человеку Глафире Вагиной.

«Юля человек сильный, вряд ли она приняла бы мою помощь,— успокоил он себя.— Да и Глашу поддержать надо было. Суть дела не в продуктах, важно, что прислал их Яков».

Когда они остались одни — Софья Ильинична ушла на кухню мыть посуду,— Николай рассказал о трудностях с передачей информации.

— Понимаешь, Юля, мне необходимо повидаться с одним человеком, его имя — Александр, фамилия — Красноперов, насколько я помню, он должен был открыть в городе посредническую контору, в крайнем случае можно разыскать его через Шульгину. Запомни пароль: «Есть небольшая партия маслин, цена сходная». Ответ: «Таким товаром не интересуюсь. Нет ли строительных материалов?» Договорись с ним о встрече — дне, времени и месте. Хорошо продумайте место встречи, оно должно быть безопасным и удобным для обоих...

— Хорошо. «Есть небольшая партия маслин, цена сходная»,— повторила она.— «Таким товаром не интересуюсь. Нет ли строительных товаров?..»

— Строительных материалов,— поправил ее Николай.

— «Нет ли строительных материалов?..»

Несколько дней ушло у Юли на то, чтобы увидеться с Красноперовым. Она узнала адрес Шульгиной и два вечера наблюдала за домом, пока не дождалась Александра.

Встреча была назначена в церкви святой Марии Магдалины во время панихиды по случаю двадцатипятилетия со дня казни в Екатеринбурге последнего русского венценосца Николая II и его семьи.

Направляясь на встречу, Гефт понимал всю шутовскую сущность этой панихиды. Он встретил людей, убеленных сединами, бывших офицеров царской армии, на их лицах была вежливая скорбь и сознание особой ответственности, возложенной на них историей. Особенно «прыгал в глаза» бывший подполковник Пустовойтов. В советской Одессе он служил дворником одного из коммунальных домов. Теперь господин Пустовойтов вылез как таракан из щели и расправил усы. Не один он, много их, таких же бывших...

Панихиду служили четыре священника во главе с настоятелем храма. Высоким, заливистым тенорком он тянул:

— ...со святыми упокой, Христе, душу раба твоего... государя императора Николая Александровича, государыню Александру Федоровну, наследника цесаревича Алексея Николаевича, великих княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию... Вечная им память...

И хор церковных певчих низкими испитыми голосами подхватил:

— Вечная память... Вечная память... Ве-е-ечна-ая па-а-мять!..

Александр Красноперов тронул его за руку.

Они отошли немного в сторону, чтобы поговорить, не привлекая внимания.

— Как тебе нравится эта скорбь по царе-батюшке? — спросил его Красноперов.— Здесь весь цвет «Союза бывших офицеров царской армии», власовские подонки и, даже, деникинские контрразведчики в прошлом, теперь сотрудники сигуранцы и гестапо!.. Что, Николай, у тебя?

— Нужна до зарезу рация. Вся надежда на вас, «молодоженов».

— Должен тебя огорчить, рации нет.

— Как нет?! Я же сам видел...

— Приземлились, выкопали три ямы в меже, заросшей бурьяном, и закопали рацию, запасной комплект питания и оружие. Некоторое время спустя, это я позже узнал, крестьяне пололи кукурузу пропашными плугами и наткнулись на рацию. Потом на этом месте две недели была жандармская засада. Ездила за рацией Нина, так еле унесла ноги.

— Что же вы думаете делать?

— Мы уже посылали за линию фронта одну женщину, но... перейти Буг ей не удалось, и она вернулась.

— Плохо. Если у вас появятся какие-нибудь возможности, дайте знать. Я ухожу.

Николай вышел из церкви, увидел на противоположной стороне улицы Юлю, перешел дорогу и ускорил шаг. У трамвайной остановки они расстались. Николай поехал в центр, слез на Вокзальной площади, пешком добрался до Дерибасовской и вдруг почти у ворот своего дома увидел Глашу Вагину.

— Что вы здесь делаете? — с беспокойством спросил он.

— Жду вас...

— Пройдите вперед, к спуску Кангуна!

Он осмотрелся, не заметив ничего подозрительного, пошел вперед и свернул за угол.

— Что случилось, Глаша? Откуда вы узнали мой адрес?

— Два дня назад я случайно встретила вас с Аркадием Дегтяревым.

— Дегтяревым? — удивился он, но фамилия показалась знакомой.

— Я подумала, что вам угрожает опасность, пошла за вами, видела, как вы вошли в этот дом...

— Постойте, Глаша, о какой опасности вы говорите?

— Вы шли с Дегтяревым, шутили и улыбались, а он работает в сигуранце...

— Откуда вам это известно?

— Аркадий вырос на Коблевской, в доме рядом со мной. Я хорошо помню его отца, профессора, его все знали на нашей улице, он был горбатый. Когда в тридцать третьем старик Дегтярев умер и гроб положили на дроги, Аркадий сел рядом и играл в кремешки на крышке гроба. Он всегда, еще мальчишкой, был злым и жестоким. Когда пришли оккупанты, Аркадий предал коммунистку Никитину и ее двух сыновей, беженцев из Львова, они жили в том же доме... У него руки в крови. Я увидела вас с Аркадием и подумала, что вы его не знаете, что надо вас предупредить.

— Спасибо, Глаша. Но прошу вас без очень большой нужды не искать со мной встречи. — Он пожал ее руку и, еще раз поблагодарив, ушел.

«Откуда взялся этот Дегтярев?» — подумал он и вспомнил: Аркадия привел к нему в кабинет Петелин и сказал: «Мальчик из хорошей семьи. К сожа-

лению, недоучка, но имеет склонность к технике. Не найдете ли возможность, Николай Артурович, использовать мальчика в отделе главного механика?» Это был конец рабочего дня, Николай собирался домой, на Дерибасовскую, и Аркадий вызвался его проводить. По дороге, разговаривая, он намекал на какие-то свои связи с подпольщиками в катакомбах. Разумеется, Николай на эту приманку не клюнул и высмеял его...

«По какому поводу была последняя стычка с Петелиным в кабинете майора Загнера? — пытался он вспомнить.— Да! Я приказал Рябошапченко укрупнить бригады слесарей на монтажных работах. Петелин опротестовал это распоряжение. Тогда я пожаловался майору, сказав, что Петелин снимает рабочих с немецких объектов на румынские коммерческие суда. Загнер разнес главного инженера в пух и прах! Теперь понятно — после этой стычки Петелин решил избавиться от меня при помощи провокатора Деттярева».

— Хорошо, Борис Васильевич, вы бросили мне перчатку...— невольно вслух сказал Николай.

ПЕРЧАТКА ПОДНЯТА

На утренней «говорильне» у баурата отсутствовал шеф завода Купер, его заменяли инженеры Сакотта и Петелин, но майор Загнер к ним и не обращался. Безоговорочно доверяя Гефту, все заказы стройуправления баурат направлял на завод через него.

— Завтра с утра в заводской ковш придут сторожевые катера «Д-9», «Д-10» и военный буксир

«Ваграин». Заказ на переливку рамовых и мотылевых подшипников. Срок исполнения — десять дней. Инженер Гефт, напишите заявление на выдачу вам под отчет трех тысяч марок на баббит и бронзу,— распорядился Загнер.

Гефт здесь же на листке из блокнота написал заявление, и баурат наложил резолюцию.

По тому, как майор, сбычившись, водил головой, словно хотел выдернуть шею из тугого воротничка, можно было предположить, что у него скверное настроение.

«Проигрался в покер, не сварил желудок или неважные сводки с Восточного фронта?» — гадал Гефт.

— Получена телеграмма из Сулина с борта быстроходного эсминца «П-187»...— после длительного молчания сказал Загнер.

«Так вот оно что! Быстроходный эсминец! Будет гром из тучи!» — подумал Гефт.

И гром не замедлил:

— Инженер Петелин, акт подписывали вы?

— Я, господин баурат.

— Когда эсминец вышел из ремонта?

— Приблизительно неделю назад...

— Точнее!

— Десятого июля,— подсказал Гефт.

— Так что же, позвольте вас спросить, подшипники не выдерживают одной недели эксплуатации?! — Загнер уже не сдерживал своего раздражения.— Вот! — он швырнул Петелину бумагу.— Примите рекламацию! Эсминец будет доставлен на перезаливку подшипников портовым буксиром. Какой позор! Немецкий военный корабль на буксире, как баржа, как... Как черт знает что! — бугристое лицо Загнера потемнело от гнева.

— Совершенно очевидно, что баббит низкого качества! — подлил масла в огонь Вагнер.

— Я сам видел баббит...— начал оправдываться Петелин.

— Чем же, позвольте вас спросить, можно объяснить эту телеграмму!? — перебил его баурат.

Когда совещание закончилось, Сакотта выжидательно задержался в дверях — они приехали на машине Купфера.

— К сожалению, я должен еще получить деньги,— сказал Гефт.— Доберусь на попутной, в крайнем случае пешком...

Как-то Вагнер проговорился, что майор Загнер в дружеских отношениях с начальником гестапо.

— Герр майор,— начал Гефт, как только они остались втроем,— интересный случай...

— Да, я вас слушаю,— Загнер снял очки и, протирая стекла, уставился на Гефта.

— Несколько дней тому назад главный инженер Петелин рекомендовал мне, как мальчика из хорошей семьи, некоего Дегтярева. Петелин просил использовать его на работе в отделе главного механика. В тот же день я беседовал с этим «мальчиком из хорошей семьи». Дегтярев признался в своих близких связях с партизанами и предложил мне сотрудничество...

— Что? Что?! — Загнер надел очки и даже поднялся с кресла.

— Он сказал: «Вы, как старший инженер-механик, пользующийся доверием немцев, могли бы быть полезны нашим друзьям в катакомбах...»

— Как вы сказали фамилия этого...— Загнер взял карандаш и листок бумаги.

— Дегтярев Аркадий...

— Он придет к вам?

— Да. Я сделал вид, что заинтересовался предложением, и назначил ему свидание на сегодня в шестнадцать ноль-ноль.

— Очень хорошо! По этому вопросу к вам заглянет наш человек... Идите получайте деньги. Вы можете воспользоваться моей машиной,— он подошел к окну.— Она стоит у подъезда.

День только начинался, а дела было невпроворот. Сегодня чуть свет приходила Зинаида и сказала, что в двенадцать по радио будет передано важное сообщение Совинформбюро. Надо к этому времени обязательно быть на Малороссийской. Затем началась тонкая и сложная игра с начальником медницкого цеха Василием Васильевичем Гнесиановым. Прошлый раз он дал ему деньги на баббит. Гнесианов баббит купил в добрых, еще советских слитках. Николай все слитки тайно переметил и отдал в цех. Кроме того, сегодня должна состояться встреча с Иваном Александровичем Рябошапченко, откладывать ее больше нельзя.

Получив под отчет три тысячи марок, Гефт в машине баурата поехал на завод и вызвал к себе Гнесианова.

Начальник медницкого цеха вошел в кабинет и робко поздоровался. Пригласив его садиться, Гефт сделал вид, что заканчивает деловую записку, но в блокноте писал первые пришедшие на память строки:

Он пел, озирая
Родные края:
Гренада, Гренада,
Гренада моя! [1]

[1] Строки из «Гренады» Михаила Светлова.

Гнесианов уже немолод. Невысокий худощавый шатен, с пробивающейся сединой, черными кустистыми бровями и тонкогубым ртом. Он близорук и носит очки. В одну из встреч Полтавский дал очень меткую характеристику Гнесианову. «Хапуга! — сказал он.— Все мы считаем, что так и надо, не на свою власть работаем, но он, Гнесианов... Из хапуг хапуга! При всем том, веришь мне или нет, ждет не дождется, когда это нашествие кончится. Вроде он видит тяжелый сон и во сне думает, как бы ему проснуться!» Все это Николай припомнил, обдумывая тактику, которой надо держаться, и сказал:

— Ну вот. Простите, Василий Васильевич, что задержал. В прошлый раз на заливку мотылевых и рамовых подшипников быстроходного эсминца «П-187» мы израсходовали весь наличный запас баббита. Если мне память не изменяет, баббит покупали вы?

— Да, я. Вы мне давали деньги, подписывали акт. Я вам, Николай Артурович, показывал все слитки.

— Да, да, помню. Отличный был баббит. Так вот, завтра у нашего пирса ошвартуются два сторожевых катера и один буксир. У всех перезаливка подшипников. Вот три тысячи марок, Василий Васильевич, купите баббит.

— Расписку написать? — спросил Гнесианов, деловито пересчитывая оккупационные марки, или «рейхскредиткассеншейн», или РККС, как попросту называли кредитки, выпущенные немцами для территории между Днестром и Бугом.

— Зачем же мне расписку? — усмехнулся Гефт.— Разве мы не доверяем друг другу?

— Баббит вам показать?

— Порядок этого требует... Можете прямо сейчас поехать за баббитом...

— Спасибо, мне в цех надо...

— Как вам угодно, но чтобы баббит сегодня же был на заводе.

Озабоченный, Гнесианов вышел, а Гефт следом отправился на поиски Полтавского и нашел его с бригадой все на той же шаланде. Двигатель был установлен, и механик готовился к ходовым испытаниям.

Вызвав Полтавского на верхнюю палубу, Гефт сказал:

— Давно дожидается обещанная бутылка. Как смотришь, Андрей Архипович, если сегодня, к вечеру? Вино знатное, крепкое, венгерское бренди. На закуску есть баночка бычков...

— До чего заманчиво! — Полтавский проглотил слюну.— А дислокация?

— Знаешь что, пригласи еще Ивана Александровича Рябошапченко! Посидим втроем у него в конторке. Не возражаешь?

— Дело хозяйское! Стало быть, в шесть у Ивана Александровича в конторке. Будет передано!

Увидев возле эллинга инженера Сакотту, Гефт пошел к нему просить машину: надо было срочно поехать «за материалом».

Сакотта разрешил, но потребовал, чтобы к двум часам дня машина заехала за Купфером — он на совещании в дирекции порта у Дорина Попеску.

«Ну что ж,— подумал Гефт,— важное сообщение в двенадцать, к двум машина будет свободна».

Ровно в одиннадцать сорок пять Гефт остановил машину на Болгарской улице возле дома с проходным двором и приказал шоферу ждать. Через второй двор он вышел на Малороссийскую и условно постучал в дверь квартиры Семашко.

Зинаида работала на железной дороге, но в этот день, сказавшись больной, осталась дома и ждала Николая.

Кроме них, в квартире никого не было, но, соблюдая предосторожность, они спустились в подвал и закрыли за собой творило.

Николай зажег лампу, включил радиоприемник. Наушники они поделили, блокноты и карандаши были у каждого.

Наступила томительная пауза.

Боясь пошевельнуться, они вслушивались в наушники, в их тихо шелестящий звук, словно шум морской раковины. Но вот лампы нагрелись, послышался мелодичный звон, легкое комариное пение, затем все явственнее, все слышнее проступал в наушниках отсчет метронома... Тик-так... Тик-так... Тик-так... Тик-так... Эти позывные станции, этот счет времени вызывал ответный взволнованный стук сердца.

Николай посмотрел на часы: было без пяти двенадцать.

Вдруг они услышали звонкий хлопок, точно где-то там, в штурманской рубке страны, сняли с переговорной трубы крышку... И долгожданно и неожиданно прозвучал взволнованный голос Левитана:

— В двенадцать часов по московскому времени слушайте важное сообщение Советского информбюро!..

Придерживая левой рукой наушник, правой Зина прижимала карандаш острием к бумаге, чтобы унять в руке дрожь ожидания.

Николай видел ее состояние, но и он не мог совладать со своими нервами, сердце билось учащенно и тревожно.

— В двенадцать часов по московскому времени слушайте важное сообщение Советского информбюро! — снова, как и в первый раз, прозвучал голос Левитана, но казалось, что сказано это было по-новому, с какой-то особой, захватывающей значительностью...

И снова звучит метроном, настойчиво, неумолимо, как часы, ведущие время к неизбежному взрыву победы.

Стрелка часов на руке Гефта приближается к двенадцати...

В подвале душно, или душит волнение, пот заливает глаза.

В наушники врываются звуки кремлевской площади, неясный говор, гудки автомобилей, рокот моторов и шелест шин по брусчатке... Но вот все эти шумы поглощает первый аккорд курантов, празднично вступают трубы, льется песнь страны... С последним звуком гимна они снова слышат голос Левитана, удивительный голос, он звучит торжественно и задушевно:

> — На днях наши войска, расположенные севернее и восточнее города *Орла*, после ряда контратак перешли в наступление против немецко-фашистских войск...
>
> В ходе наступления наших войск разбиты немецкие 56, 262, 293-я пехотные, 5-я и 18-я танковые дивизии. Нанесено сильное поражение немецким 112, 208 и 211-й пехотным, 25-й и 36-й немецким мотодивизиям.
>
> За три дня боев взято в плен более 2000 солдат и офицеров.
>
> За это же время, по неполным данным, нашими войсками *взяты* следующие трофеи:

танков — 40, орудий разного калибра — 210, минометов — 187, пулеметов — 99, складов разных — 26.

Уничтожено: танков — 109, самолетов — 294, орудий разного калибра — 47.

За три дня боев противник потерял только убитыми более 12 000 солдат и офицеров.

Наступление наших войск продолжается[1].

Выключив приемник, погасив лампу, они выбрались из подвала и сверили свои записи.

Чувство гордости и торжества, ощущение праздничной приподнятости не покидали их.

— Зина, надо сводку размножить. Пока у нас нет машинки, придется это делать от руки, печатными буквами. Да! — вспомнил он.— Если Артур дома, можешь его привлечь. Завтра же вечером сводка должна быть расклеена во всех районах города.

«Теперь понятно настроение Загнера и экстренное совещание в дирекции порта. Все ясно»,— подумал он, направляясь к поджидавшей его машине.

В центре он приказал остановиться возле киоска и купил газету «Одесса», одну из двух частных газет, принадлежащую Георгию Г. Пыслару. Очень было интересно взглянуть на немецкую сводку с фронтов войны.

«Берлин (Бугпресс),— читает он.— Германское верховное командование из генеральной ставки фюрера в сводке от 15 июля 1943 года передает: ...на участке у Орла все атаки большевиков отбиты с огромными потерями в живой силе и технике...» И все! Как будто советского наступления и не было!

[1] «Сообщения Советского информбюро», т. 5. М., 1944, стр. 26—27.

«Фюрер, как всегда, лжет»,— подумал Николай и перевернул страницу. Внимание его привлекла статья на третьей полосе: «Молебствие за упокой царя Николая II». Сотрудник господина Пыслару, не жалея сил, чтобы растрогать читателя, писал:

«...Стройно и задушевно пел хор церковных певчих. Будил окрест и замирал в голубой выси солнечного дня печальный перезвон колокольний. Впереди и по сторонам слышались сдержанные рыдания, виднелись слезы на юношеских лицах, словно росинки из белесых лепестков!!!»

«Барон Мюнхгаузен! — усмехнулся Николай.— Там и молодежи-то не было! А чтобы трубное сморкание в грязный платок господина Пустовойтова выдать за «росинки» на юношеских лицах, надо быть действительно бароном Мюнхгаузеном!»

Войдя к себе в кабинет, Гефт вздрогнул от неожиданности: за столом сидел толстый совершенно лысый человек с вислыми украинскими усами.

Осклабившись, толстяк пошел к нему навстречу:

— Извиняюсь, мы то лицо, касательно Аркадия Дегтярева. Зовут нас очень заковыристо, так, что не все запоминают,— Фортунат Стратонович!

— Здравствуйте, Фортунат Стратонович! Садитесь! — довольно четко выговорил Гефт, чем привел посетителя в умиление.

— Мы к вам, уважаемый господин инженер...— не закончив, толстяк, крадучись, подошел к двери, открыл ее рывком, оглядел пустой коридор и, тщательно притворив, вернулся к столу.— Попрошу удостоверение, для порядка...

Гефт показал документ.

Видимо удовлетворенный, Фортунат Стратонович

присел к столу и доверительно, как со своим человеком, начал:

— Мы к вам, уважаемый господин инженер, по весьма щекотливому делу...— Это вступление, надо полагать, было заготовлено заранее.— Извиняюсь, осечка вышла у нас с Аркадием Дегтяревым. Следователь третьего кабинета сигуранцы Мланович Думитру получил насчет вас, то есть Гефта Николая Артуровича, сигнальчик. Конечно, сигуранца на лиц немецкой национальности расследований не ведет, а передает дела в ГФП[1] на Пушкинскую... Но все же следователь решил на всякий случай заявление проверить и подбросил вам Дегтярева... Приносим вам, так сказать, извинение, а Аркадия Дегтярева... Словом, когда пес бросается на своих, его,— Фортунат Стратонович обвел пальцами вокруг шеи,— в ошейник и на цепь! Чтобы за зря не кусался! — От собственной шутки толстяк пришел в восторг и залился смехом.— Так что Аркадий в четыре к вам не придет, не ждите.

Вся закулисная сторона этого дела была Николаю понятна. Следователь сигуранцы Думитру Мланович — приятель Петелина, несколько раз он их видел вместе. «Сигнальчик», как говорит толстяк, поступил, разумеется, от Петелина. Ну, а в дальнейшем события развивались так: после его сообщения Загнеру тот передал начальнику гестапо, затем последовал окрик в адрес сигуранцы, а пострадал мелкий провокатор и шпик Дегтярев. Во всяком случае эту свою первую с Петелиным стычку он выиграл.

— Я глубоко возмущен всей этой историей,— сказал Гефт.— И с удовлетворением принимаю ваше

[1] ГФП — Гехайм-Фельд-Полицай — тайная полевая полиция.

извинение. Было бы желательно, Фортунат Стратонович, чтобы начальник «Стройнадзора» майор Загнер был поставлен в известность, письменно или устно.— Он протянул руку толстяку, пожал пухлую, влажную ладонь и, сунув руку в карман, вытер о платок.

— Ваше желание будет, извиняюсь, передано господину Млановичу. Рад был познакомиться! — Фортунат Стратонович даже шаркнул ножкой и выкатился из кабинета.

Гефт снял трубку и попросил медницкий цех. К телефону подошел Гнесианов.

— Как, Василий Васильевич, с баббитом? — спросил он.

— Купил. Лежит у меня в конторке. Зайдете, Николай Артурович, или принести к вам в кабинет?

— Зачем же таскать такую тяжесть. Я сейчас зайду...

Баббит в слитках был сложен на столе в конторке начальника медницкого цеха.

Гефт не ошибся: металл был тот же, на каждом слитке стояла его метка. Подтверждала это и паническая телеграмма с борта эсминца. Разумеется, подшипники на «П-187» Гнесианов залил старым баббитом, а этот металл спрятал где-то здесь, быть может под полом. Вот и следы земли на слитках.

— Хорош баббит? — спросил Гнесианов.

— Советский. Что, сторожевики и буксир пришли раньше времени?

— В ковше.

— Вот что я хочу вам предложить, Василий Васильевич, укрупните бригады. Ставьте на объект вместо трех-четырех рабочих восемь-девять.

— Что-то я не пойму вас, Николай Артурович...— удивился Гнесианов.

— Чего же тут непонятного? Оплата труда не сдельная, рабочий от этого не пострадает...

— Ну, а фронт работ? Что будет делать на объекте бригада в девять человек?.

— Зажигалки, вилки, ножи. Я слышал, они на базаре идут ходко... Что это? — спросил Гефт, указывая на отлитую муфту.

— Вторая муфта для буксирного теплохода «Лобау». Вчера одну отлили, обработали, вижу, ставить нельзя: металл при подгонке дал трещину. Приказал отлить другую... Вот отлили...

— Хорошо. Вы ее обработайте, покажите шефу, а поставьте первую...

— Опять я вас не понимаю, Николай Артурович...

— Экий вы, право, непонятливый!

— Стойте, стойте! Сообразил! На муфту затрачен материал, рабочая сила, а мы ее в сторону и ставим бракованную...

— Совершенно верно. А по поводу укрупнения бригад тоже сообразили?

— Тоже сообразил: видимость большой работы, а на деле — пшик!..

— Все правильно, Василий Васильевич.

— Так вот вам мое слово, Николай Артурович, я на такое дело не пойду. У меня жена, дети... Я свою голову подставлять не намерен...

— Вы хотите класть денежки в свой карман, а голову подставлять чужую? Так я вас понял?

— Опять же какая-то загадка...

— Загадка, да разгадка проста. Металл этот вы мне уже показывали, когда покупали баббит для эсминца «П-187». Вот видите метки,— он перевернул на торец несколько слитков и показал процарапанные буквы «Г. Н.».— Мои инициалы, я их поставил.

еще в прошлый раз. Вы этот баббит спрятали, а подшипники залили старым. Эсминец сделал переход до порта Сулин и вышел из строя. А теперь вы получили еще три тысячи марок и снова подсунули мне тот же самый баббит. Можете его спрятать и заливать старьем. Я вам не только не мешаю, но в случае неприятностей разрешаю сослаться на меня. Вам все ясно?

— Ясно-то ясно, да то, что вы мне предлагаете, знаете как называется? — Гнесианов втянул голову в плечи и замолчал.

— Что же вы замолчали? Это называется саботаж. Замораживание рабочей силы. Диверсия. Вы можете пойти к румынской администрации и доложить все как есть. Интересно, кому из нас поверят? Вам, после художеств на скоростном эсминце? Вам, дельцу по каким-то темным коммерческим операциям с металлом? Или мне, немцу, старшему инженер-механику, человеку, которому доверяет адмирал Цииб, начальник оберверфштаба?

— Так ведь боязно, Николай Артурович...

— Рисковали вы и раньше, но во имя чего?! Я предлагаю вам дело, сопряженное с риском, но во имя победы нашего оружия! Василий Васильевич, вы же русский человек!..

— А что, Николай Артурович, три тысячи марок я вам должен вернуть? — после паузы спросил Гнесианов.

— Зачем же? Баббит куплен. Качество отличное. Составьте акт, я подпишу.

— Понял вас. Все будет как в аптеке! — он оживился и стал прятать слитки в шкаф.

— Разумеется, вы можете эти три тысячи марок использовать по своему усмотрению, я постараюсь,

чтобы деньги у вас не переводились, но советую поддержать рабочих. Многие живут очень трудно, нуждаются. И вот еще что, Василий Васильевич, никому, слышите, никому ни слова о нашем с вами разговоре. Для всех я инженер-механик, представляющий на заводе интересы немецкой администрации. Ясно?

— Все ясно, Николай Артурович.

— Я очень рад, Василий Васильевич, что мы с вами нашли общий язык. До свидания!..

В шесть часов, когда масса рабочих хлынула через проходную завода, Николай, стоя у окна своего кабинета, еще раз увидел мастера Гнесианова. Он шел с большой и, видно, тяжелой кошелкой. Во всей его маленькой, приземистой фигуре, напряженной руке, выражении лица можно было угадать беспокойство за судьбу металла, который он выносил с завода.

Николай открыл окно и, готовый прийти ему на помощь, прислушался к тому, что делалось возле турникета. Но все сошло благополучно.

Из механического вышел Полтавский и, приложив ко лбу ладонь козырьком, посмотрел на окно кабинета. Закатное солнце, отражаясь в стекле, слепило ему глаза.

Николай понял, что Полтавский высматривает его. Он достал из стола бутылку, коробку консервов, сунул их в карман и пошел в механический.

В конторке механического «секретарши» уже не было, но присутствовал ее запах (Лизхен душилась эссенцией розового масла).

— Ушла? — спросил Николай.

— Сегодня на полчаса раньше. За ней заехал шофер баурата, кажется, его фамилия — Беккер.

— Будьте с ней осторожны. Лизхен — глаза и уши Загнера,— предупредил Николай.

— Я этого не знал, но чувствовал печенкой, она меня редко обманывает,— усмехнулся Рябошапченко.

Он расстелил на столе газету и поставил банки, добытые им в санчасти. Общими усилиями были открыты консервы и распечатана бутылка. Гефт налил бренди в банки. Полтавский извлек из кармана несколько ломтей хлеба. Вилка была одна на всех, в универсальном ноже Рябошапченко, но это не портило сервировку. Каждый сделал себе бутерброд, они чокнулись и...

— Постойте, товарищи, за что? — спросил Гефт.

— За «товарища»! — предложил Полтавский.

— Тост хороший! Выпьем за то, чтобы вернулось к нам доброе, человечное обращение — товарищ!

Они выпили и закусили.

Бутылка была опорожнена еще только наполовину, а Николай уже понял: нужного разговора не получится. Пригласив Полтавского, он совершил ошибку. Тогда под предлогом, что в шесть тридцать у баурата совещание, он простился и ушел.

— Как думаешь, Андрей Архипович, с кем Гефт? Неужели с немцами? — спросил Рябошапченко, когда они остались одни.

— Николай, конечно, немец, но, думается, с фрицами ему не по пути,— сказал Полтавский.— Лично я ему доверяю.

— А что, если он и нашим, и вашим?

— Как это? Не пойму...

— Служит рейху, а с нами заигрывает на всякий случай, вдруг Гитлер выйдет из игры. Обеспечивает свои тылы...

— Знаешь, Иван Александрович, я как-то привык о людях хорошо думать. Трудно жить, если в каждом видишь подлеца...

— Так-то оно так, да время, Андрей, трудное... Есть такие, не выдерживают испытаний, они думают про себя так: ну раз-другой сподличал, зато выжил! А гордые да чистые, они в братских могилах гниют, в крутоярах накиданы...

— Не пойму я тебя, с чего бы это Гефту перед нами заискивать? Сами за чечевичную похлебку продались!..— Полтавский замолчал.

— Понимаешь, Андрей, что-то во мне говорит: доверься! Наш человек! А вспомню, как он «ПС-3» доводил, думаю, нет, он на немцев работает. И посоветоваться не с кем. Была же у нас на Марти партийная организация! Были коммунисты — заводская совесть! Ну скажи ты мне, Андрей, куда они все подевались?!.

— Сигуранца их...

— Знаю! — перебил его Рябошапченко.— Не могла сигуранца всех перевести! Народ же это. Разве весь народ изничтожишь?!

— А знаешь, Ваня, я могу делу помочь...

— Да ну? Как?

— Я, конечно, не ручаюсь, но надежду имею.— Полтавский выглянул в дверь, прислушался, затем вышел в цех и пустил на холостую станок.

— Зачем это ты? — удивился Рябошапченко.

— Так говорить спокойнее! Вчера вышел я с территории, иду к Приморской. Ты видел, возле бабка семечками торгует?

— Она на этом месте со времен царя Гороха...

— Купил я стакан семечек, бабка мне фунтик свернула. Я на ходу пересыпал семечки в карман,

фунтик хотел было бросить, гляжу портрет: «Наш делегат на областную партийную конференцию, пограничник, старшина-сверхсрочник...» Фамилия оторвана, но лицо мне знакомое. Где-то я этого человека видел, и совсем недавно! Веришь, всю ночь думал. Сегодня пришел на завод — вспомнил: на материально-техническом складе работает, только внешность изменил, борода у него, усы... Я сходил на склад, словно бы невзначай, глянул — он! Голову об заклад — он! — Полтавский достал из записной книжки фотографию, вырезанную из газеты, и протянул Рябошапченко.— На, Иван Александрович. Я думаю так: если человека на областную конференцию выбирали, стало быть, он коммунист достойный и связи с партией не порвал!..

На Рябошапченко смотрело с фотографии простое русское лицо, умные глаза, хорошая улыбка, на петлицах по четыре треугольничка — такому довериться можно, но...

— Ты сбегай сейчас, склад работает до семи! — подсказал Андрей.

— А что же, и схожу,— решил Рябошапченко.— Ты меня извини, допьем в другой раз.— Он поставил бутылку в шкаф и прикрыл папкой.

На складе еще работали, грузчики разгружали котельное железо и бочки с карбидом.

Рябошапченко сразу узнал человека, изображенного на фотографии; конечно, борода и усы его очень изменили, но не настолько, чтобы не опознать. Украдкой он вынул из кармана фото, сличил, сомнений не было: он, делегат!

Дождался Рябошапченко, когда закроют склад, рабочие пошли к проходной, а тот, с бородой, задержался, вышел последним.

Иван Александрович нагнал его:

— Извиняюсь, можно с вами побеседовать?

— Я тороплюсь...— сказал бородач, но шаг замедлил.

— Вы были делегатом областной партийной конференции...

Бородач остановился, смерил его настороженным взглядом и тихо сказал:

— Ты что? Белены объелся?

— У меня доказательство есть! — напрямик сказал Рябошапченко.

— Это какое же доказательство? — усмехнулся бородач.

— Отойдем в сторонку! — предложил Рябошапченко и не оборачиваясь пошел в сторону электростанции, там была скамеечка.

Идет, а сам прислушивается, но шаги слышны, бородач следует за ним. Сели они на скамеечку:

— Вот, гляди! — Рябошапченко издали показал на ладони снимок.— «Наш делегат на областную партийную конференцию, пограничник, старшина-сверхсрочник»,— прочел он.

— Допустим. Что же дальше? — выжидательно произнес бородач.

— Нуждаюсь в совете...

— Ну-ка, дай портрет! — потребовал бородач.

Рябошапченко протянул ему фотографию. Тот взял, поглядел и, усмехнувшись, сказал:

— Отродясь такого не видывал! Лицо босое! — он вынул из кармана матерчатый кисет, насыпал на портрет самосада, свернул и закурил.

На Рябошапченко пахнуло горьким запахом крепкого табака. Огонек бежал по фотоснимку. Он ждал, что будет дальше.

Сделав затяжку, бородач спросил:

— Как ваша фамилия, имя?..

— Я начальник механического, Иван Рябошапченко...

— Вы и раньше были начальником? — прищурясь, спросил бородач.

— Нет. До войны был мастером. Петелин заставил, пришлось...

— Та-ак! — многозначительно протянул бородач.— Что же за совет вам нужен?

— Появился на заводе инженер, Николай Гефт, из местных немцев. Подбивает меня против оккупантов, а сам, если посмотреть на него, служит Гитлеру верой и правдой!..

— Та-ак! Дальше.

— Думаю, не провокатор ли? Можно ему довериться? Или опасаться? С человеком надо пуд соли съесть, а времени в обрез.

— Та-ак! — снова протянул бородач.

«Немногословный товарищ»,— подумал Рябошапченко.

— Меня на складе знают как Туленко Игната Ивановича. Поняли?

— Понял.

— Дня через три зайдите в обед, я вам скажу. Где взяли фото?

— Тут бабка семечками торгует, такой мне счастливый фунтик достался...

— Хороши семечки! — усмехнулся бородач и поднялся со скамьи.— Стало быть, через три дня. Если удастся раньше, приду сам в механический. Ну, бывайте! — бросил он на прощание и быстрым шагом пошел к проходной.

Только в десятом часу вечера Николай попал к Покалюхиной.

Зная его точность, граничащую с педантизмом, Юля беспокоилась, выходила на улицу, пыталась читать, но ничего не лезло в голову.

Увидев Николая Артуровича, от радости она забыла все обидные слова, припасенные для него в ожидании.

Николай выслушал собранную Юлией информацию, передал ей сводку Совинформбюро и собрался домой, на Дерибасовскую. Юля пошла его провожать.

В лицо дул освежающий ветер, насыщенный йодистым запахом моря. Мерцали крупные звезды, и тонкий серп молодой луны подсвечивал серебром темные кроны каштанов.

Они шли в полном молчании, потом, не сговариваясь, остановились возле скамейки и сели.

— Знаешь, Юля, каждый раз, когда кончается день, я мысленно подвожу черту,— сказал Николай.— Это вошло в привычку. Я припоминаю все, что сделано мною за день и что я мог бы сделать, но не сделал, не смог или не успел... И вот тут приходят сомнения... Кажется все мелким, незначительным... Хочется больших свершений, а главное, видеть, осязать их плоды! Я понимаю, что дело, которому мы служим, только тогда хорошо выполнено, когда ты сам остался в тени и никем не замечен...

Послышался топот кованых сапог, это шел патруль. Увидев на скамейке парочку, сержант подмигнул жандарму, бросил пошлую шутку, подошел к ним вплотную и потребовал документы.

Николай не спеша достал удостоверение старшего инженера немецкого военного флота.

У Юли сержант не стал смотреть ее студенческий матрикул, козырнув, он пошел вперед, а за ним жандарм.

— Мне приходится умерять свою жажду действия, переключать ее, сдерживать, вести наблюдение и предусмотрительный расчет...— продолжал он прерванную нить.— На все это должно хватить силы. Вот если бы... Знаешь, Юля, как трудно носить маску... Даже ночью я не имею права снять ее, как снимают на ночь протез, чтобы отдохнула культя. Жить в коллективе и быть окруженным ненавистью. Ловить на себе недобрые взгляды. Слышать сказанное вслед, сквозь зубы, с уничтожающим презрением: «Шку-ра! Немец-кая шку-ра!!.»

— Тебя кто-то взял за руку и повел по этой дороге? — спросила Юлия.

— Нет, я выбрал дорогу сам... Ты, конечно, права. Я не жалуюсь. Так, минутная слабость. Все мы человеки... Вот поплакался на дружеском плече, и стало легче.— Он поднялся.— Дальше, Юля, не провожай, уже поздно. Постарайся размножить сводку.

Через два дня к концу рабочего дня в конторку зашел Игнат Туленко. Он принес требование механического на резцы, для полного оформления не хватало подписи инженера Гефта.

Рябошапченко послал Лизхен с требованием к Гефту.

Когда они остались одни, бородач сказал:

— Можете Гефта не опасаться. Наш человек. Ясно?

— Ясно. Спасибо вам!

— Не за что. Без дела ко мне не ходите и никому ни слова. Ну, бывайте! — простился он и вышел из конторки.

Вместе с Лизхен в механический пришел и Гефт. Она забрала сумочку и ушла — на работе лишнее время Лизхен не задерживалась.

— Что нового? — спросил Гефт.

— Суматошный день. В двенадцать приезжал баурат, какой-то бешеный, носился по эллингу, пирсу. Так, ни за что, ударил рабочего — подвернулся под руку. Кричал на меня, брызгал слюной. В два часа шеф Купфер, всегда выдержанный, спокойный, а здесь устроил разнос бригаде Ляшенко. Сакотта, Миташерио, я не говорю о Петелине,— все словно с цепи сорвались...

— Это страх, Иван Александрович, страх перед будущим. Война проиграна...

— Допустим, но ведь они об этом узнали не вчера и не сегодня. Первый ветер надежды пришел к нам еще ранней весной с Волги, почему же именно сегодня так обострилось чувство страха?

— Сегодня они получили новое подтверждение...

— Какое? Я читал сводку: под Орлом бои местного значения, все атаки отбиты...

— Это из генеральной ставки фюрера?

— Газеты иных не печатают.

Вынув из кармана листок, Гефт положил его перед Рябошапченко:

— Сводка Информбюро. Передана сегодня ровно в двенадцать. Прочтите, и вы поймете бешенство Загнера.

Не вынимая рук из кармана, Рябошапченко все же бросил любопытный взгляд на сводку, но заинтересовался и взял листок в руки. Скулы на его лице пришли в движение, он волновался, но пытался волнение скрыть.

— Что же это, Николай Артурович?

— Закономерность. Вы говорите, что начало этому положено весной на Волге. Нет, Иван Александрович, началось это под Москвой в декабре сорок первого. Думаю, что через несколько месяцев наши войска будут в Одессе. Я часто закрываю глаза и вижу: по серой брусчатке Одессы, по улице Ленина идут вольным строем усталые, но гордые своей победой наши бойцы, пехотинцы... Вернется Советская власть, она поднимется из катакомб, из подполья, позовет нас и спросит: «А что сделали вы для победы?»

— Много ли мы можем?..

— Много. Хотите, Иван Александрович, будем работать на победу вместе?

— Да, хочу.

— Слово?

— Слово!

— Вот вам моя рука, Иван Александрович, но одно обязательное условие: кроме вас, ни один человек на заводе ничего не должен обо мне знать. Я немец. На заводе я представляю интересы немецкого командования.

— Понимаю.

— Привлекайте мастеров, рабочих высокой квалификации. Действуйте осторожно, тщательно проверяйте каждого, его искренность, патриотизм.

В «ЗВЕРИНЦЕ ВАГНЕРА»

«На заводе создана организация сопротивления, патриотическая подпольная группа. Основная задача: саботаж и диверсии на военно-морских судах оккупантов.

Начальник группы — я, Гефт Николай Артурович.

Мой помощник — начальник механического цеха Рябошапченко Иван Александрович, человек наблюдательный, живого и острого ума. Большой специалист своего дела. Пользуется авторитетом среди рабочих.

Вовлечены Рябошапченко и подчиняются только ему:

1. Слесарь механического цеха Тихонин Василий Лукьянович, смелый, находчивый двадцатилетний парень. Люто ненавидит оккупантов. К недостаткам надо отнести некоторую горячность, свойственную молодости.

2. Друг Василия Тихонина — бригадир механического цеха Мындра Иван Яковлевич, осторожный человек, с хитрецой. Прост в обращении с людьми. Исполнителен. Ярый враг оккупантов. Его недостаток — нерешительность, но во всяком случае не трусость.

3. Бригадир механического цеха Берещук Михаил Степанович, сложившийся кадровый рабочий, отличный мастер, рассудителен, спокоен, дисциплинирован. Пользуется влиянием в цехе. Человек советски настроенный.

Кроме этих трех человек Рябошапченко привлек к исполнению заданий, не посвящая их в существо дела, еще трех рабочих механического цеха.

Второй человек, вовлеченный мною в группу,— начальник медницкого цеха Гнесианов Василий Васильевич. Человек очень осторожный, храбрым его не назовешь, алчный, но в то же время, как это ни странно, патриотически настроенный. Ненавидит румыно-немецких оккупантов.

Гнесианов использовал двух рабочих своего цеха для выполнения отдельных заданий, не посвящая их в обстоятельства дела».

Третий час ночи. Окна плотно закрыты ковром — светомаскировка. Это хорошо: даже заглянув в окно, никто не увидит маленькую керосиновую лампочку и в ее зыбком свете человека, склонившегося с пером над клеенчатой тетрадью.

Николай пишет свой отчет между строк конспекта по богословию:

«Третий человек, вовлеченный в группу, связанный также непосредственно со мной,— студентка медицинского института Покалюхина Юлия Тимофеевна. Эта девушка обладает незаурядным даром разведчицы, у нее острая зрительная память. Она наблюдательна. Хорошо сопоставляет факты и логически мыслит. Умеет слушать и мало говорит. Смелая и настойчивая.

Четвертый человек, вовлеченный в группу, связанный также со мной,— инженер-радист Берндт Артур Густавович, человек советски настроенный. Саботировал свой призыв в немецкую армию. Обладает слабой инициативой, подвержен частой смене настроений, но исполнителен и точен. Непримиримый противник гитлеровцев.

Подпольная патриотическая группа создана и приступила к действию.

Диверсия на военно-сторожевых катерах типа «Д» и военном буксире «Ваграин»:

На четырех военно-сторожевых катерах и буксире подшипники залиты старой выплавкой с содержанием баббита не более восьми процентов. В результате этого: катера «Д-9» и «Д-10» совершили только по одному переходу до порта Галац и снова

поставлены на ремонт. Катер «Д-6» на буксире доставлен в ковш завода. Буксир «Ваграин» потерял ход на ответственном переходе с баржой, груженной боеприпасами. Судьба буксира неизвестна.

Прибыл на ремонт «Райнконтр» — буксирное судно, вооруженное скорострельной пушкой и спаренным пулеметом. Адмирал Цииб дал сжатые сроки и требует высокого качества ремонта. Объясняется это тем, что «Райнконтр» должен отбуксировать две баржи металлического лома и на обратном пути доставить в Одессу воинские части, перебрасываемые гитлеровским командованием с запада.

Адмирал требует качества, мы об этом позаботимся...

В ночь на 19-е были расклеены листовки с текстом сводки Совинформбюро от 15 июля.

В центре города, где больше всего жандармских патрулей, листовки расклеивала Юлия Покалюхина. Одну из них она укрепила на столбе на углу Пушкинской и Бебеля, в двухстах метрах от сигуранцы.

Иван Рябошапченко расклеил листовки на Куликовом поле и в рабочем поселке бывшем Марти.

Зинаида Семашко пристроила свои листовки на железной дороге, в районе Одесса-Товарная.

С рассветом возле листовок собрались значительные группы граждан. Весть о победном продвижении советских войск на запад быстро распространилась по городу.

Нашу «пробу пера» надо считать удачной. Основная задача: добыть пишущую машинку».

Николай отложил перо и взглянул на часы — три утра, а в восемь надо быть на заводе. Он спрятал флакон с раствором железно-кровяной соли, погасил лампу и лег, но уснуть не мог.

Мысль его настойчиво работала над решением задачи с «Райнконтром». Он придумывал разные варианты и отбрасывал их один за другим.

Когда сквозь узкие щели между оконной рамой и ковром просочились первые, еще робкие краски рассвета, он подумал: «Решим на месте с Иваном Александровичем Рябошапченко!» — и неожиданно крепко заснул.

Ровно в восемь Николай был на заводе. Рябошапченко он застал в конторке, но здесь же была и Лизхен. Увидев Гефта, она улыбнулась и поправила на лбу «зовуток», так назвали в Одессе пришедший с Запада модный локон.

— Иван Александрович, пойдем на эллинг,— хмуро бросил Гефт (он не выспался) и вышел из цеха.

На эллинге стоял бот марки «РО» 16-й охранно-портовой флотилии. Они по лесенке поднялись на палубу бота и вошли в рубку. Здесь можно было свободно поговорить, не опасаясь быть подслушанным.

— В Оберверфштабе удалось узнать,— начал Гефт,— что «Райнконтр» должен взять на буксир две баржи с железным ломом, рейс до Линца. На обратном пути буксир доставит эсэсовскую часть из Арденн, кажется, из Эхтернаха.

— Что будем делать?

— Надо, чтобы «Райнконтр» остался в Одессе. Мощный буксир, заменить его нечем...

— Нацелить Гнесианова на подшипники — в Браиле или Белграде их перезальют, и только...

— Нет, это не пойдет. А что, если при укладке валов и монтаже муфт переднего и заднего хода допустить небольшое смещение?..

— Будет обнаружено на первом же ходовом испытании, и твой авторитет у немцев полетит к чертовой бабушке!..

— Нет, Иван Александрович, на ходовых испытаниях к одной машине встану я сам, к другой бригадир... Кого ты думаешь поставить?

— Надо бы Михаила Степановича, но после истории с баржей «Мозель»...

— Что за история?

— Два дня назад — меня не было, я ходил в порт на приемку — Сакотта вызвал Михаила Степановича и поручил ему надеть руль на самоходную баржу «Мозель». Берещук посмотрел — вал не подходит к сектору. Приказал вал опилить. Надели сектор, но клиновую шпонку не забили. Ночью слегка штормило, петли поднялись из проушин, и руль пошел ко дну. Сегодня спустился водолаз, но руля не нашел.

— А Берещук признался, что не забил клиновую шпонку?

— Зачем признаваться? Забил. Бригада подтверждает. Плохо, говорит, охраняете объекты! Это Берещук румынскому инженеру...

— Скажи, какой молодчага! Так кого же на «Райнконтр»?

— Думаю, бригаду Ляшенко...

— Не подведет?

— Нет. Ты к нему присмотрись, стоящий человек. Верно, у Николая Федоровича повадки дерибасовские, и брючки фасон-пижон, и галстук — чистая радуга, и манишка, но под манишкой-то матросская тельняшка! Портрет у парня красивый, вот он о рамочке и беспокоится. Человек с юмором, бесстрашный, настоящий одессит!..

— С такой рекомендацией хоть в райские кущи! Так как же мой план?

— Если ходовые испытания берешь на себя, одобряю.

— Тогда пусть бригада Ляшенко приступит сегодня же. Николая Федоровича ни о чем не предупреждай, на сборке я буду сам.

— Договорились. Да! Сегодня приволокли на буксире «Д-8». Подшипники — в дым! Не слишком ли усердствует Гнесианов?

— Баурат спрашивал меня о причине аварий, я сказал, что конструктивно двигатели никуда не годятся, длинная валовая линия, большие обороты, к тому же команды неквалифицированные, нет специалистов. Вагнер меня поддержал. Баурат — инженер кабинетный, все принял за чистую монету. Натерпелся страху с листовками?

— Страшновато. Плохо только, что листовки из себя неказисты, буквочки кривые, в разные стороны...

— Где достать машинку?

— Ты послушай-ка, что я тебе скажу: старшая дочка Гнесианова, Лариса, принимала заказы на перепечатку. Бывало, идешь мимо их дома (мы ведь соседи), слышишь — стучит на машинке...

— Если только машинка у него есть, все в порядке! — Николай Артурович посмотрел на часы и заторопился: сегодня к десяти ему надо было быть у Вагнера.

К удивлению Гефта, Евгений Евгеньевич был в расстроенных чувствах: он сегодня с утра повздорил с бауратом.

— Понимаете, Николай Артурович,— жаловался он,— майор — легкомысленный, беспечный человек.

Покупка материалов проводится бесконтрольно, счета оформляются кое-как. Наличие металла в цехах не контролируется... По отчетам румынской администрации, план перевыполнен, в то же время ни одно судно не вышло из ковша в срок! Я вам очень доверяю, вы талантливый инженер и человек, преданный рейху, но... Вы меня понимаете.

— Думаю, Евгений Евгеньевич, что оккупационные марки стоят рейху ровно столько, сколько стоит бумага, на которой они напечатаны. Поэтому Загнеру марок и не жалко. Тысячей больше или меньше — лишь бы дело шло!

— Да, да, пожалуй, вы правы. Кстати, сегодня у меня круглая дата. Я приглашаю вас на пирушку... Вот адрес,— он вырвал из блокнота листок.— Будут интересные люди. Приходите!

Гефт поблагодарил и вышел из кабинета. Надо было раздобыть денег. Неудобно же на «круглую дату» явиться без подарка, а шестьсот марок зарплаты давно кончились.

Он подумал и решил наведаться к баурату. Постучал в дверь, но ответа не было. Потянул ручку на себя и перешагнул порог... Загнер спал на диване, китель на нем был расстегнут, очки лежали на столе и рядом дамский носовой платок, надушенный эссенцией розового масла.

На письменном столе он увидел стопку ночных пропусков с допуском на территорию завода и порта. Было очень соблазнительно, но какой-то внутренний голос предостерег его... Почувствовав на себе взгляд, Николай повернулся к Загнеру, тот, близоруко щурясь, смотрел в его сторону, пошарил рукой по столу в поисках очков, нашел их, надел, кряхтя и позевывая, поднялся:

— А, Гефт! — сказал он доброжелательно.— На рождество поеду домой, в Мюльбах, и высплюсь. Просто мечтаю об этом. Что вас привело ко мне?

— Господин майор, я осмотрел буксир «Райнконтр», потребуется значительное количество цветных металлов...

— Нужны деньги?

— Да, две тысячи марок.

— Пишите заявление. За этот буксир вы, Гефт, отвечаете персонально. На ходовых испытаниях я буду сам.— Он наложил резолюцию на заявление.— Идите получайте. Кассир, кажется, на месте.

— Нельзя ли воспользоваться вашей машиной до часа?

— Хорошо. Скажите Беккеру.

Николай разыскал в швейцарской Беккера и передал распоряжение. Прежде всего он поехал в комиссионный магазин.

Помнится еще по студенческим годам, Вагнер собирал датский фарфор.

В комиссионном магазине Николай столкнулся с «чесучевым пиджаком». Пирог узнал его, поздоровался, как со старым знакомым, и спросил:

— Чем могу служить?

— Что-нибудь из фарфора... Желательно датского. «Три волны»...

— Обслужить пер-со-наль-но! — приказал Пирог продавщице.— Мой личный друг!

Положительно, мир тесен: из-за прилавка ему улыбалась Брунгильда.

— Давно вы здесь? — спросил, растерявшись, Гефт.

— Третий день, мой рыцарь. Захотелось красивой жизни, а здесь столько шикарных вещей!.. Вы

просили две-три волны, вот, смотрите сюда, женщина выходит из волны — правда, она худышка...— Брунгильда поставила на стойку фаянсовую статуэтку купальщицы.

— Она мне не подойдет.

— Я так и знала... Хотя Глаша тоже худенькая... Кожа и кости...

— Покажите мне вон ту собачку, мопсика...

— Эту? Пожалуйста! Хотите собачку — получайте собачку. Я давно замечала, что разочарованные в женщинах покупают собак...

Это была копенгагенская собачка «три волны». Грустный вислоухий мопс сидел, опираясь на передние лапы.

Мысленно проклиная Вагнера, Гефт заплатил пятьсот марок и сунул покупку в карман.

У Николая был ключ от квартиры Семашко, и он мог прослушать двенадцатичасовую сводку.

— На Болгарскую! — приказал он, но Беккер сладко спал. С трудом разбудив его, он снова дал адрес, пошутив:

— Майор Загнер спит в кабинете, водитель в машине. Где-то вы с шефом развлекались этой ночью...

Беккер, мрачный мужчина с всегда прилипшей к нижней губе сигаретой, шутку не понял:

— Кто развлекается, а кто баранку крутит. Всю ночь хороводился с вашей Лизхен. То их свези в номера, то на пляж — они купаться хотят, то проголодались — в бодегу... За всю ночь глаз не сомкнул.

На Болгарской Гефт остановил машину, проходным двором вышел на Малороссийскую и заглянул во двор: на антенне висело белье, Анастасия Семеновна сидела здесь же на табурете и штопала носки, а Никита Константинович читал. Своим ключом

Николай открыл дверь в квартиру Семашко. Он торопился: до передачи сводки оставалось семь минут. Как на зло, медленно разогревались лампы, сел аккумулятор, слышно было плохо, но все же он записал:

«...С занятием города *Болхова* наши войска закончили ликвидацию сильно укрепленного района противника *севернее Орла*.

За десять дней наступления на *Орловском* направлении нашими войсками взяты следующие трофеи: танков — 372, орудий разного калибра — 720, минометов — 800, пулеметов — 1400, складов разных — 128.

Взято в плен более 6000 немецких солдат и офицеров.

За это же время подбито и уничтожено танков — 776, уничтожено самолетов — более 900, орудий разного калибра — 882.

За десять дней боев противник потерял убитыми свыше 50 000 солдат и офицеров» [1].

Выключив приемник, он погасил лампу, вылез из подвала и надвинул на творило сундук. Надо было зайти к Берндту по поводу листовки к местным немцам, пора бы написать ее.

Условно постучав, Николай ждал недолго. Артур, видимо, читал, потому что на диване лежала открытая книга Анри Барбюса.

— Стаканчик вина? — предложил он.

Николай отказался:

— Тороплюсь, ждет машина. Как, Артур, с листовкой?

---

[1] «Сообщения Советского информбюро», т. 5, стр. 37.

Покраснев, Берндт развел руками.
— Не было времени или желания?
— Ни то и ни другое...
— Что же?
— Несколько раз принимался, но совесть не позволяет... Чтобы обращаться с призывом, надо иметь моральное право, а я... Ты верно сказал: с мировой скорбью на лице сидеть в лавочке... Я часто, Николай, вспоминаю твои слова.
— Никогда не думал, что ты унылый хлюпик! — обозлился Николай.— Борись, черт возьми! Борись, Артур, если ты понимаешь всю глупость пассивного протеста. Борись всеми доступными тебе средствами! Пиши листовки! Монтируй передаточную рацию! Выходи в эфир!..
— Хорошо, Николай, обещаю, листовка будет.
— Так-то оно лучше. Вечером свяжись с Зинаидой: сел аккумулятор, надо подзарядить. Сегодня было еле-еле слышно.
— Ты записал сводку?
— Да. Читай, только быстрей.
Берндт взял листок, прочел, и складка на его лбу разгладилась, он предложил:
— Ну, по такому-то случаю ты от стаканчика не откажешься?!
— Извини, Артур, тороплюсь на завод. В другой раз. Чем дальше, тем больше будет таких случаев. Только запасай вина!..
Николай вышел от Берндта, проходным двором выбрался на Болгарскую и в тени шаровидной акации нашел машину. Беккер спал, а на кузове мелом было написано категорически: «Гитлер капут!»
Он с трудом добудился шофера, заставил его вылезти из машины и полюбоваться написанным.

Послав в адрес автора тысячу проклятий, Беккер стер тряпкой надпись, раскурил сигарету, которая тут же погасла, и сел за руль.

На заводе Николай ненадолго забежал к Рябошапченко, показал ему сводку Совинформбюро, справился о делах и пошел в медницкий цех. Мастера Гнесианова он застал за обедом. Этот худой невзрачный человек не ел, а принимал пищу. Делал он это с каким-то особым смаком, вдохновением. Откусив от куска хлеба, он брал с тарелки острием перочинного ножа и отправлял в рот розовые ломти украинского сала, густо намазанные горчицей.

Увидев инженера, Гнесианов накрыл сало газетой и сверху придавил шарикоподшипником, лежавшим здесь же на столе.

— Василий Васильевич, вы знаете, что «Д-8» вернулся в ковш? — спросил его Гефт.

— Знаю.— Лицо Гнесианова как-то сразу потускнело, стало скорбным.

— Так вот, если по этому вопросу вас вызовет шеф, скажете, что причина аварии вам непонятна, что баббит отличного качества, и в подтверждение сошлетесь на меня. Упомяните низкую квалификацию команды. Ясно?

— Да, конечно.

— Скажите, Василий Васильевич, кажется, ваша дочь Лариса печатала на машинке? — неожиданно спросил Гефт.

— Как же, печатала. Но был приказ всем частным лицам сдать машинки в комендатуру...

— И вы...

— Сдал. Я маленький человек, приказ есть приказ.

— А если я сейчас поеду к вам домой на Тенистую, вызову Ларису и скажу: «Отец прислал за машинкой!»

— Вы этого не сделаете!

— Нет, сделаю.

— Зачем? Вам нужна машинка?

— Да, нужна. Не мне, всем нам нужна машинка. А у вас где-нибудь на чердаке она валяется без дела и ржавеет... Вот сегодняшняя сводка Совинформбюро, прочтите!..— протянул он Гнесианову листок.

Василий Васильевич прочел сводку раз, затем второй... Николай это понял потому, что окончание сводки было написано на обороте листка.

Вернув сводку, Гнесианов спокойно спросил:

— Куда вам доставить машинку?

— Завтра в семь часов утра на остановку Люстдорфской линии трамвая у вокзала. Впереди меня будет стоять девушка. Вы поставите около нее сверток и уйдете. Упакуйте машинку так, чтобы со стороны не было видно, что в свертке. Ясно?

— В семь у вокзала. Девушка впереди вас,— и, помолчав, он спросил: — Скажите, Николай Артурович, я могу надеяться, что со временем вы вернете машинку Ларисе?

— Обязательно верну! Не за горами то время, когда Лариса сможет снова брать работу на дом,— сказал Гефт, и Гнесианов понял — его рот на некоторое время утратил скорбные складки, он улыбался.

После окончания работы предстоял серьезный разговор с отцом по поводу выходного костюма. В последние годы перед войной Артур Готлибович занимал должность директора немецкого передвижного театра, и у него был отличный представительский костюм, которым он очень дорожил.

Неожиданно просьба Николая не встретила особых возражений, и, поворчав, отец повесил на спинку кровати вешалку с черным костюмом, пахнувшим нафталином и всеми теми запахами, что вбирал в себя и стойко хранил старый платяной шкаф, друг его детства.

Уже намыливая помазком щеки, Николай думал: правильно ли он поступил, приняв предложение Вагнера? Он потратился на подарок, а деньги надо было использовать в интересах группы, поддержать людей.

«Но группа сопротивления не была предусмотрена заданием. Правда, я ничего не сделал особенного, рабочие и до моего прихода на завод боролись, в одиночку, как могли, но боролись. Мне только удалось организовать их в боевую группу. И все-таки главное, то, зачем я послан в Одессу,— разведка! А где, позвольте вас спросить,— он обратился к своему изображению в зеркале, тщательно выбривая подбородок,— где, как не в зверинце предателя Вагнера, я могу почерпнуть самую свежую информацию?»

Чисто выбритый, в несколько старомодном, но хорошо сохранившемся костюме, он выглядел отлично.

Николай торопился: он хотел быть у Вагнера одним из первых, чтобы познакомиться с каждым приглашенным отдельно.

Дом в Колодезном переулке он нашел сразу. На парадной двери проступал темный квадрат от дощечки прежнего владельца квартиры. В бельэтаж вел широкий марш с цветными витражами и балюстрадой затейливого чугунного литья. Не питая особой надежды на то, что звонок работает, он нажал

кнопку, но звонок отозвался. Послышалась мелкая дробь каблучков, и дверь распахнулась.

На пороге стояла миловидная женщина с утомленным лицом, одетая хоть сейчас на эстраду.

— Здравствуйте! — сказала она по-немецки.— Я Берта Шрамм. Вы Николай Гефт?

Николай поклонился.

— Евгений Евгеньевич ждет. Пойдемте, я провожу вас.

Закрыв за ним дверь, она пошла вперед. Они миновали большую столовую в готическом стиле, с камином. Бросив взгляд на сервированный стол, Гефт насчитал четырнадцать приборов. Из столовой они вышли в холл и свернули вправо, здесь был кабинет. На отдельном столике стояли бутылки с настойками и ликерами, рядом в палисандровой коробочке — сигареты. За стеклами большого, во всю стену, приземистого шкафа книги — русская и немецкая классика.

Навстречу поднялся Вагнер:

— Рад вас видеть, молодой человек! Вы первый!

— Евгений Евгеньевич, простите, но у меня еще много дел! — по-немецки сказала Берта и вышла из кабинета.

— Я поспешил, чтобы поздравить вас первым,— Николай крепко тряхнул руку хозяина.— Примите мой скромный подарок!..

Осторожно Вагнер принял фарфорового мопса. Его холеные пальцы с какой-то особой лаской прошлись по статуэтке. Бережно он поставил ее на стол, сделал шаг назад, наклонил голову, любуясь, и сказал:

— Вы знаете мою слабость! Настоящий «копенгаген»! Большего удовольствия вы мне доставить

не могли. Спасибо, Николя! Можно, я буду звать вас Николя? Я старше вас, гожусь вам в отцы.

— Пожалуйста. Скажите, Евгений Евгеньевич, кто эта дама, Берта Шрамм? — спросил он.

— Это хозяйка, если хотите, экономка квартиры, одна за всех. Нет, нет, квартира не моя! — пояснил он, заметив удивление Гефта.— Это холостяцкая квартира для развлечений. Она принадлежит в одинаковой мере и мне, и адмиралу Циибу, и майору Загнеру, и капитану Ришу — словом, здесь хозяйничают несколько чинов немецкого флота. У этой квартиры забавная история: ее занимал один из янкелей, врач,— Вагнер назвал известную в Одессе фамилию.— Двадцать третьего октября сорок первого года патриоты великой Германии в состоянии справедливого гнева вытащили этого голого иудея из постели на улицу и распяли, как Христа, прибив гвоздями к забору, а под ноги ему укрепили дощечку с двери: «Принимает от 10 до 2-х». Труп висел на заборе несколько дней...

Образно представив себе эту «забавную историю», Николай почувствовал приступ тошноты. Его выручил звонок в прихожей.

— У меня к вам просьба, Евгений Евгеньевич...— сказал он.— Я у вас впервые, никого из ваших друзей не знаю. Прошу меня познакомить, хотя бы в общих чертах...

— Сегодня у меня дорогой гость — Иоганн Вольф-Гросс, мой дальний родственник. Полковник, офицер генерального штаба, здесь в инспекторской поездке. Очень светский, вежливый, а главное, осведомленный человек. Гросс всегда знает что-то такое, чего не знает еще никто! Я вас с ним познакомлю. Затем Илинич Михаил Александрович, крупный

инженер, кончил Одесский индустриальный, очень тонкого ума господин. В начале войны был мобилизован Советами, уехал, а вернулся в Одессу в конце сорок второго офицером вермахта! Награжден фюрером четырьмя орденами. Был главным редактором газеты в оккупированном Орле, часто пишет в нашей газете, его псевдоним — Михаил Октан! Ну, кто еще? Да! Олег Загоруйченко! Боксер, президент общества «Ринг», драчун, но веселый человек и...

В кабинет вошел новый гость. Это был высокий, крупный человек, с маленькой головой и брезгливым выражением лица — профессор химии Хайлов.

— Михаил Федорович! — представился он Гефту, поставив на стол корзину цветов.

Разговор стал общим, пока не появился новый гость — офицер генерального штаба в форме СС.

Совсем не по-родственному, Вагнер бросился к нему навстречу, угодливо пожал протянутую руку и по-немецки представил Хайлова, затем Гефта:

— Наш самый талантливый инженер! Ярый сторонник рейха! Верный слуга фюрера!

— Господин Вагнер ко мне очень добр, — также по-немецки сказал Николай, внимательно рассматривая эсэсовца и в то же время пытаясь уйти от тяжелого взгляда его серых глаз со склеротическими веками.

— У вас хорошее берлинское произношение! — похвалил его Иоганн Вольф-Гросс, он ни слова не понимал по-русски.

Вагнер занимал профессора Хайлова, так как тот не владел немецким, а Гефт разговаривал с Вольф-Гроссом:

— Вы, господин полковник, давно из Берлина?

— Что-то я вижу там, не анисовую? — спросил полковник.

— Пожалуйста! — пригласил он эсэсовца к столику.— Анисовую?

Вольф-Гросс оживился и, кивнув головой, сказал:

— Вы спрашиваете, когда я выехал из Берлина...— сделав паузу, он опрокинул рюмку в рот.— Неделю... Неделю тому назад...

— Как настроение в штабе? В ставке фюрера? — снова наливая рюмки, спросил Гефт.

— Ве-ли-ко-леп-ное! — отчеканил полковник и, только проглотив вторую анисовой, добавил: — Отчего бы ему быть плохим?! Операция на Востоке по выпрямлению фронта не вызывает опасений. Боевое счастье с нами! — он поманил Гефта пальцем и, понизив голос, сказал: — Фюрер кует новое чудо-оружие! Под ударом этого оружия Англия капитулирует, и мы всю мощь нашего оружия бросим против Советов!

— Господин полковник, я понимаю, военная тайна, но я инженер, поймите меня... Чудо-оружие — это сверхмощная пушка Круппа?

— Пушка — экспонат исторического музея.

Гефт налил снова рюмки анисовой и, чтобы полковник не подумал, что его спаивают, выпил сам. Расчет оказался верным. Вольф-Гросс выпил рюмку и вытер слезу на склеротическом веке. В его глазах появился блеск.

— Крупповская пушка! — усмехнулся он, взял Гефта за лацкан пиджака, привлек его ближе и конфиденциально сказал: — Чудо-оружие! В Пенемюнде ракеты подняли свои острые рыла на неприступный

Альбион. Поверьте мне, инженер, один удар — и Англия капитулирует! Что̀ Крупп? Над решением этой задачи работают десятки немецких концернов: «Рейнметалл — Борзи», «АЭГ», «Тиссен — Хитон», «Сименс», ну и конечно «Крупп»...

Берта Шрамм ввела в кабинет даму, очень тонкую, плоскую, одетую в золотисто-парчовое платье с большим вырезом сзади и спереди. Ее крупный рот был откровенно накрашен.

— Знакомьтесь, прима-балерина нашего театра оперы и балета Гривцова,— представил ее Вагнер.

Скользнув равнодушным взглядом по плоскому бюсту и острым ключицам балерины, полковник отвернулся.

Хайлов поцеловал Гривцовой ручку и, закатывая глаза, шепнул ей на ухо какую-то пошлость.

Через некоторое время в кабинет вошла еще одна дама, жгучая брюнетка лет тридцати,— это была Ася Квак, жена Мавромати, хозяина пивной «Гамбринус». Женщину сопровождали двое: компаньон ее мужа — племянник итальянского консула Москетти и боксер Олег Загоруйченко. Только их представили присутствующим, как появился врач-гомеопат Гарах, в смокинге, со свастикой в петлице. Этот откровенный фашист приветствовал всех жестом римских легионеров.

Последним пришел Илинич, человек с неподвижным, словно застывшим лицом и живыми, проницательными глазами. Его тонкогубый, макиавеллиевский рот и массивный подбородок выдавали в нем человека жестокого и скрытного.

— Должен был быть еще господин Мавромати, но он просил не ждать его: дела, ничего не поделаешь. Господа, прошу к столу!

Усилиями Берты Шрамм замешательство за столом было ликвидировано. Николай оказался справа от Илинича и слева от Берты. Он пытался ухаживать за своей дамой, в то время как дама прилагала все усилия, чтобы очаровать сидевшего с нею рядом Вольф-Гросса.

Напротив Николая была Ася Квак, по правую ее руку — Загоруйченко, по левую — Москетти. Напротив Илинича — профессор Хайлов. Стол обслуживали два официанта из ресторана для немцев «Фатерланд», оба в смокингах с черными бантиками — гомеопат Гарах среди них выглядел третьим.

После того как гости выпили за юбиляра, за победу немецкого оружия, за фюрера и за «нашу очаровательную хозяйку», за столом стало шумно.

Николай с интересом прислушался к разговору между Илиничем и профессором Хайловым:

— Если не ошибаюсь, профессор,— говорил Илинич,— после начала войны с Германией вы по заданию Артиллерийского управления занимались взрывчатыми веществами. Насколько мне не изменяет память, вам не удалось поставить производство гремучей ртути и взрывателей?

— Совершенно верно. Я затянул решение практических вопросов до сентября сорок первого. Но пригласили Лопатто, и моя тысяча и одна хитрость полетели в тартарары!

— Эдуард Ксаверьевич Лопатто?

— Вы его знаете?

— Я работал с ним на суперфосфатном. Где же он теперь?

— Преподает в университете...

— Беспартийный коммунист!

— Он вас интересует?

На вопрос профессора Илинич не ответил.

В столовой появилось новое лицо: хорошо одетый человек в темном гражданском костюме, но с военной выправкой. Светлые седеющие волосы, сонные полуопущенные веки, из-под которых цепкий, настороженный взгляд. Он подошел к Вагнеру, поздравил его, прицепил к лацкану юбиляра какой-то значок и занял за столом место Мавромати.

— Кто это? — по-немецки спросил Берту Николай.

— Это Сергей Николаевич Стрельников,— улыбаясь и не глядя в его сторону, сказала Берта.— Есть такое «общество бывших офицеров царской армии». Стрельников у них главная фигура...

Как ни тихо было это сказано, Илинич услышал и вставил реплику:

— Смотрите, чтобы Стрельников не завербовал вас в добровольческую армию для борьбы с партизанами Югославии. Его добровольцы так отличились, что воодушевили своим примером немецкие войска в Сербии!..

— Благодарю за предупреждение. Буду держаться от него подальше.

Но видно, эта тема себя еще не исчерпала, и Илинич добавил с философским раздумьем:

— Кто знал, что ничем себя не проявивший, незаметный советский служащий так развернется! Теперь Сергей Николаевич — персона: шеф топливного отдела муниципалитета! Душа общества, устав которого одобрен немецким командованием. Вот уважаемый профессор Хайлов, как бывший офицер царской армии, также член этого прославленного общества... Я вам советую, поговорите со Стрельниковым, у него далеко идущие планы.

Илинич поднялся из-за стола и пошел в кабинет, за ним последовала троица Аси Квак.

Пользуясь тем, что полковника отвлек Вагнер, Берта, наклонившись к Гефту, сказала:

— Каждое слово Илинича — серная кислота, шипит, дымится и прожигает дырку... Хотя все, что он сказал о Стрельникове, чистая правда. Устав действительно утвержден, но с обязательным условием: каждый член общества должен быть сотрудником сигуранцы!.. Не люблю я тайной полиции...— закончила Шрамм и потянулась за рюмкой.

Полковник снова завладел вниманием Берты, поэтому Николай направился в кабинет. Там среди плотных облаков табачного дыма Ася Квак рассказывала какой-то скабрезный анекдот; Олег и Москетти дружно смеялись, а Илинич, стоя к ним спиной у открытого книжного шкафа, просматривал томик Гете, неизвестно как уцелевший в этой библиотеке.

— Вы мне составите компанию! — увидев Николая, сказал Загоруйченко, он был уже изрядно пьян.

Они подошли к столику, и Николай налил «Шерри-бренди».

— Не люблю сладкого, нет ли чего-нибудь...

— Анисовой?

— Вот! Давайте анисовой!

Они выпили.

— Ты инженер? — неожиданно Олег перешел на «ты».

— Да.

— Одессит?

— Коренной.

— Остался здесь, когда ушли Советы?

— Нет, я перешел линию фронта.

— Когда?

— В этом году.

— Я догадался это сделать раньше! В мае тридцать девятого!..

— Но в мае тридцать девятого не было войны и не было фронта!

— Фронт был всегда, тайный...

— Понимаю, ты связался с немецкой разведкой! — сообразил Гефт.

— История — скачки с препятствиями. Я знал, на какую лошадь ставить, и, как видишь, выиграл!

Илинич, от внимания которого не ускользнул этот диалог, повернулся к Гефту:

— Переведите вашему милому собеседнику две строки из «Фауста»,— подчеркнув ногтем строчки, он передал Николаю томик Гете.

— «Тайна известная двум — уже не тайна». Я плохой переводчик...

— Отличный перевод! Но боюсь, что Гете не понят. Когда кулаки развиваются за счет черепной коробки, глубокая мысль...

— Глубокую мысль переходят вброд! — скаламбурил Загоруйченко.

— Михаил Александрович, почему вы всегда обижаете Олега? — вмешалась Ася Квак.

— Обидишь его, как же! — Илинич криво улыбнулся и вышел из кабинета.

— А ты, инженер, мне нравишься! — сказал Загоруйченко.— Забыл, как тебя зовут?

— Николай Гефт.

— Бокс любишь?

— Люблю.

— Приходи в клуб «Ринг», я тебе покажу такое... Знаешь где? Ланжероновская, 24. А десятого августа

ты должен быть в цирке, я буду драться с Астремским! Ты знаешь, что говорил обо мне Марсель Тиль? Он приезжал из Парижа... Олег Загоруйченко, сказал Марсель,— боксер мирового класса!

— Пойдем, Олег, в «Гамбринус», здесь становится скучно...— предложила Ася Квак.

— Пойдем, Николай, в «Гамбринус»,— сказал Олег, взяв его под руку.

— Мне неудобно перед Вагнером, я приду!

— Приходи обязательно! — уже в дверях крикнул Загоруйченко.

Троица Аси Квак через кухню и черный ход сбежала в «Гамбринус».

Николай опустился в кресло и закрыл глаза, хотелось собраться с мыслями.

«Стало быть, Олег Загоруйченко еще в мае тридцать девятого был завербован немецкой разведкой. С тридцать девятого ходил в волчьей стае и ждал своего времени! Илинич — волк матерый. Он вернулся в Одессу с четырьмя гитлеровскими орденами, заработал их не вдруг, был на службе у Канариса, не в пример Загоруйченко, раньше!..»

В кабинет вошли балерина Гривцова и профессор Хайлов, они искали уединения. Николай понял и вернулся в столовую. Здесь многих не было, и только полковник Вольф-Гросс, Вагнер и Берта все еще сидели за столом.

— Послушайте, молодой человек,— сказал полковник, увидев Николая.— Истинный немец не выносит французов, но с удовольствием пьет французские вина! Хотите «Бургонского»?

Боясь растерять добытые сведения, Николай раскланялся и вышел из столовой. В прихожей его нагнала Берта и, прощаясь, прижалась к нему:

— Мне кажется, что вы не такой, как все... Приходите, Николай!.. Хорошо? Я все время на людях, но устала от одиночества...

«Пренебрегать этим знакомством не следует,— думал он по дороге домой.— Эта женщина знает много и может быть полезна».

Старики уже спали. Пользуясь этим, Николай засел за отчет и подробно записал всю собранную в «зверинце Вагнера» информацию.

Оставив в ручке двери записку отцу с просьбой разбудить его ровно в шесть, Николай уснул.

Проснулся он от того, что солнечный лучик шарил по его лицу. Посмотрел на часы: было четверть седьмого. Отец еще спал. Хорошо, что перед сном он снял с окна светомаскировку. Николай наскоро оделся и выбежал на улицу. До Вокзальной площади было не очень далеко, но в его распоряжении оставалось только тридцать минут.

Еще издали он заметил в трамвайной очереди Юлю. Подошел, поздоровался. В очереди запротестовали, но показался трамвай, граждане бросились на штурм вагонов, а Юля и Николай остались на месте.

Было пять минут восьмого.

«Неужели Гнесианов струсил?!» — подумал Николай и в это время увидел Василия Васильевича со свертком из цветастого ситца, перевязанным пеньковым линем. На лице Гнесианова было написано: «Я совершаю что-то тайное, страшное!» Он вороват огляну лся по сторонам, очень заметно, но с его точки зрения никем не замеченный, положил у ног Юли сверток и, глядя в сторону, отошел и затерялся в толпе.

Они выждали. Собралась новая очередь. Подошел трамвай, и, когда граждане бросились в бой

за места, Юля нагнулась, взяла сверток и пошла к Пушкинской. На некотором расстоянии от нее шел Николай. Так они добрались до Большой Арнаутской. Он подождал, пока Юля вошла в дом, открыла окно и махнула ему рукой. Только тогда Николай отправился на Дерибасовскую, чтобы позавтракать, а главное, доспать. Хотя бы час, хотя бы полчаса!..

КРУПНАЯ ИГРА

День был воскресный, Николай поднялся позже обычного. Завтракали все вместе, но в томительном молчании. Артур Готлибович не разговаривал с сыном.

За кофе Вера Иосифовна сделала неловкую попытку примирить стороны.

— Слушай, отец,— сказала она,— ты уже совсем стал Артур-Бурч! Бурчишь и бурчишь себе под нос. С тех пор как сын работает, я не ломаю голову над тем, что положить в кастрюлю. В доме есть все: и настоящий кофе, и даже сливочное масло к завтраку...

Во время этого монолога Артур Готлибович придвинул к себе масло, чтобы сделать бутерброд, но, как только до него дошло сказанное женой, демонстративно отодвинул масленку и посыпал хлеб солью.

— Знаешь, Артур,— возмутилась Вера Иосифовна,— это у тебя от театра, где ты был директором! Играешь благородного героя, как на сцене!

— Я не мо-гу мириться с тем, что мой сын работает на оккупантов! У меня это масло встает поперек горла! Мы жили и проживем без гитлеровских

подачек! — резко сказал старик, встал из-за стола и вышел из комнаты.

— Ну, сын, что ты скажешь на это? — спросила Вера Иосифовна.

— Мне думается, надо относиться терпимо к чужим убеждениям, если они искренни,— сквозь улыбку сказал Николай.— Спасибо, мама, за вкусный завтрак.— Он посмотрел на часы. Было десять, а в одиннадцать — свидание с Зиной на Арнаутской.

Николай шел кратчайшим путем по Канатной.

С тех пор как он был на пирушке у Вагнера, его неотступно преследовала одна мысль: связаться с профессором Лопатто по вопросу производства детонаторов и взрывчатых веществ.

«Диверсии на ремонтируемых судах, как бы мы их ни разнообразили, неизбежно привлекут внимание сигуранцы и гестапо,— думал он.— Почерк-то один. Потянут за ниточку и доберутся до клубка. А вот взрывчатка, скажем, в куске антрацита подброшенная в бункер... Корабль выходит в открытое море — и вдруг взрыв! Попробуй найди виноватого. Но можно ли доверять Лопатто? Характеристика, данная профессору Илиничем, исчерпывающе ясна: «беспартийный коммунист»! Это не мешает Лопатто преподавать в университете, и сигуранца его не трогает... Правда, оккупанты заигрывают с интеллигенцией. После жестокого террора они демонстрируют свой гуманизм. Нет, здесь что-то не так... Если я приду к профессору домой и с глазу на глаз... Хорошо, предположим, Илинич прав, Лопатто советский человек, но, чтобы вызвать его на откровенность, я сам должен внушать доверие, а я — немец! Перебежчик, работающий на германскую администрацию! Черт, какой-то заколдованный круг!..»

Так и не решив этого вопроса, он пришел на Арнаутскую. Юля была дома одна, мать ушла на базар, а Зина опаздывала.

Просматривая отпечатанные на машинке сводки Совинформбюро, Николай сказал:

— Помнишь, ты рассказывала о Пироге: он услышал детский плач и отправился с доносом в сигуранцу. А что, если он услышит стук машинки?

— Приходится печатать в часы, когда господин Пирог занимается коммерцией, плотно закрывать обе рамы, занавешивать окно ватным одеялом.

— Листовки будешь клеить в районе Преображенской и Екатерининской. Повторяться не следует. Каждый раз будем выходить с листовками в другой район. Да, Юля, есть поручение...

— Подождем Зинаиду? — предложила она.

— Нет, поручение тебе. Придется еще раз посмотреть подшивку «Одесской газеты» за вторую половину прошлого года и первую этого. Прочти все, что опубликовано под псевдонимом Михаил Октан, и составь краткую аннотацию.

— «Михаил Октан»,— повторила она,— «Михаил Октан»...

— И второе: постарайся узнать у студентов, в крайнем случае в канцелярии университета, домашний адрес профессора химии Эдуарда Ксаверьевича Лопатто.

— Эдуард... Немец? — спросила она.

— Нет, поляк или белорус.

— «Эдуард Ксаверьевич Лопатто»...— повторила она.

Раздался стук.

— Это Семашко,— сказала Юля и пошла открывать дверь.

— Простите за опоздание,— извинилась Зина.— Мне Берндт велел утром, когда Лена уйдет в магазин, занести ему этот аккумулятор, а Лена сегодня, как на зло, не торопилась...

— Судом присяжных оправдана... Юля, дай ей десять штук листовок. Будешь клеить в районе мельниц.

— Ясно.— Зина свернула листовки в трубочку и сунула их под подкладку сумки.

— Слушайте, девушки, внимательно: сейчас мы с вами идем в Колодезный переулок. Я захожу в дом, вы остаетесь на улице. Из дома я выйду с женщиной, ее зовут Берта Шрамм. Постарайтесь хорошо запомнить ее лицо, походку, манеры, платье. Вы будете наблюдать за домом в Колодезном переулке, за Бертой Шрамм, когда она выйдет на улицу. Необходимо выяснить, с какими людьми связана эта женщина.

— Один вопрос: чем, какой необходимостью это вызвано? — спросила Зина.

— Берта Шрамм общается с офицерами оберверфштаба, с крупными чиновниками оккупантов, со всякими предателями из ОРА [1], из «общества бывших офицеров царской армии». Эта женщина может служить источником информации. Но у меня есть подозрение, что она завербована сигуранцей!

— Какие для этого основания? — настаивала Зина.

— Случайно оброненная фраза: «Не люблю я тайной полиции!» Так может сказать человек, испытавший на своей шкуре, что такое тайная полиция.

---

[1] ОРА — «освободительная русская армия», так именовали себя наемники изменника Власова.

— Задал ты нам задачку...— вздохнула Зина.

— Задача не из легких,— поддержала ее Юля.— Представь себе, зайдет она в подъезд дома, а в нем десятки квартир... В какую же из них вошла эта женщина?

— В каждом отдельном случае придется ориентироваться на месте, подсказать готовое решение нельзя.

Они вышли на улицу. До угла Полицейской и Колодезного шли вместе, потом Николай пошел вперед, а девушки за ним на некотором расстоянии.

Дверь ему открыла Берта. Просто одетая, без косметики на лице, с волосами, собранными на затылке в тугой узел, она казалась моложе и миловиднее.

— Вы опоздали! — вместо приветствия сказала она.

— Не в моих правилах, но что поделаешь!.. Я проспал...

— Асина троица ждет нас на пляже. Я сейчас, только возьму сумку и зонтик. Вы на машине?

— У меня нет машины. Вы, Берта, избалованы. Мы поедем трамваем, как все смертные...

Опираясь на зонтик, с большой пляжной сумкой, она вышла в прихожую, и они спустились вниз. На улице Николай увидел Зину: не спеша, она шла им навстречу. Затем Юля, поравнявшись с ними, неожиданно протянула его даме букет махровой гвоздики:

— Купите, мадам, цветы!

Пришлось Николаю раскошелиться на десять марок.

Берта взяла гвоздики, благодарно взглянула на Гефта и сунула их стеблями в сумку.

До Ланжерона добирались долго — трамваем и пешком. На пляже разыскали троицу Аси Квак,

выслушали упреки за опоздание, разделись и бросились в море.

Публика на пляже была самая пестрая: румынские господа офицеры с дамами и денщиками, которые под палящим солнцем оберегали господскую одежду; жены чиновников румынской администрации, жирные, малоподвижные, в откровенных купальниках; дельцы, спекулянты, целые компании, каждая со своим тентом и винами в ведерках со льдом.

Ася Квак, как всегда, с Москетти и Загоруйченко. Боксер в трусах с вышитым трезубцем — эмблемой украинских националистов. Он позирует, играет мышцами, жадно ловит все сказанное ему вслед. Они приехали в машине итальянского консула, большом семиместном «Фиате», в которой было холодное пиво и бутерброды — забота хозяина «Гамбринуса» Мавромати.

Устроившись на лежаке рядом с Загоруйченко, Николай пытался навести разговор на интересующую его тему:

— В прошлый раз этот самовлюбленный Нарцисс — Илинич вмешался в нашу беседу...

— О чем? — спросил Загоруйченко.

— Мы говорили о том, кто и когда перешел линию фронта...

— А, помню!

— Я это сделал с большим опозданием, тебе удалось в тридцать девятом, хотя я и не могу себе представить как...

— Очень просто. На соревнованиях в Ленинграде ко мне в раздевалку зашел тренер немецкой команды и сказал... Ну, что он сказал, не так важно. Он назначил мне свидание. С ним пришел еще один,

помощник военного атташе посольства... Меня долго уговаривать не надо было, я быстро сообразил что к чему... Это Илинич считает, что у меня мускулы развиты за счет мозгового вещества...

«Илинич прав,— подумал Николай,— он просто глуп, этот Загоруйченко, по-кулацки расчетлив. И с Асей Квак он путается не без корысти: кредит в «Гамбринусе», да и Мавромати — член правления клуба «Ринг», один из его учредителей. Мелкая, продажная душонка! Беда, что с ним общается молодежь. Некоторые юнцы считают Загоруйченко своим идеалом, подражают ему, идут за ним... Куда же он их ведет, человек без родины?» Но вслух Николай сказал:

— Свое предложение дипломат подкрепил чем-нибудь существенным?

— Хохол словам не верит, деньги на бочку!

— А что же за эти деньги?

— Так, разное... Получить, передать, укрыть, посветить...

— А ты когда-нибудь думал, Олег, что придется держать ответ?

— Перед кем? — Лицо его приняло настороженное выражение, бугры мышц напряглись и замерли в ожидании ответа.

Подняв с земли камень, Николай сказал, словно думая вслух:

— Перед тем, что хранит этот ракушечник... Перед теми, кто в землю ушел... Из земли выйдет...

— Ха! — облегченно выдохнул Загоруйченко и перевернулся на спину.— Ты, случаем, вирши не кропаешь?

— Нет, стихов не пишу...— сказал Николай и сквозь усмешку добавил: — Богословием занимаюсь...

Как ни тихо было это сказано, Загоруйченко услышал и удивленно вскинул на него глаза.

Потом, закусывая ломтями сыра, они пили пиво в посольской машине, ели мидии, приготовленные по-гречески, купались, лежали на солнце...

Были и встречи — к ним подходили разные и совершенно незнакомые Николаю люди. Расслабленные солнцем, они вели безразличные неторопливые разговоры обо всем и ни о чем, двусмысленные и пошлые...

И все же Николаю удалось разбудить в Берте какие-то человеческие чувства, вызвать ее на откровенный разговор. Случилось это так.

— Мне нравится Илинич,— сказал Николай, когда они остались вдвоем в машине.— Сильный человек. Он знает, чего он хочет.

— Вы так думаете? — Берта иронически улыбнулась.

— Конечно, я его совершенно не знаю. Впервые увидел в тот вечер. Но я читал его статьи, присматривался издали... Человек он яркий, самобытный...

Этого оказалось достаточным, чтобы Берта, вспыхнув от негодования, заговорила... Она говорила так, словно долго хранимое молчание ей стало невыносимым.

Берта Шрамм, это ее девичья фамилия, родилась в Люстдорфе в зажиточной семье немецкого колониста. В тридцать пятом году, шестнадцати лет, вышла замуж за судового механика. Муж взял ее из дома, где вся жизнь была подчинена накопительству, власти денег. С двенадцати лет Берте внушали: ты у нас одна, все, доченька, тебе, твое приданое, твои сундуки. Но пришел человек и взял ее без приданого, без сундуков... Мир оказался новым и сказочно

красивым. Но однажды среди ночи, в этот день муж вернулся из загранплавания, в их комнату, громко топоча сапогами, вошли люди, все перерыли в доме, забрали какие-то бумаги и увели мужа... Берта стала женой «врага народа». Ей сказали, что муж ее продался за тридцать сребреников. Теперь ей было все равно, что станется с ее жизнью...

— И вот что из меня сделали,— проглотив слезный ком, сказала она.— Вы, наверное, думали, что мне сорок, а мне двадцать четыре... К чему я все это? Да! Илинич! «Человек яркий, самобытный». Было время, так думала и я... Скажите, Николай, после того что сделали со мной люди, вы понимаете, как я очутилась в доме на Колодезном? — и не дожидаясь ответа: — Вот я думаю об Илиниче и не могу понять: зачем он появился в Колодезном переулке? У меня все отняли, ничего не дав взамен. Ему было все дано: он кончил институт с отличием, стал инженером, занимал высокий пост, перед ним открывалась возможность научной деятельности. И вот в тридцать седьмом его по дешевке купили... А в конце сорок первого он перешел фронт, был офицером в отряде «Тодт», получил гитлеровские награды, ездил в оккупированную Варшаву, в Брюссель и Париж. Он и сейчас делает что-то и где-то... А внешне — благородная грусть и разочарованная улыбка... «Человек самобытный и яркий». Когда он появился в Одессе, я тоже клюнула на этого «самобытного червячка»... Я женщина, мне простительно, но вы...

— Живете по закону инерции,— неопределенно сказал Николай.

— Специальности у меня нет. Что я умею делать? Ничего. На Колодезном я хоть сыта и крыша над головой...

В машину вернулась троица Квак, стало тесно и шумно. Они одевались, и, если Николай и Берта хотели, чтобы их подвезли до центра, надо было торопиться.

Позже, оставшись наедине с клеенчатой тетрадью, анализируя сегодняшний день, Николай пришел к заключению, что время не прошло даром. Но мысленно он был уже в завтрашнем дне, на завтра назначено испытание «Райнконтра».

Два дня назад бригадир Ляшенко пришел к Рябошапченко в большом смятении:

— Что будем делать, Иван Александрович? — сказал он.— При укладке валов и монтаже муфт переднего и заднего хода смещение на полтора миллиметра!..

— А что говорит инженер Гефт?

— Он вроде ничего не видит, говорит: «Гут!» За такое «гут» нам головы оторвут! — мрачно сострил Ляшенко.

— Будем собирать, как есть,— подумав, решил Рябошапченко.

— А как же испытание?

— Что же, у вас и маховики не проворачиваются? — спросил Рябошапченко.

— Да нет, поднатужиться — можно провернуть...

— Ну и хорошо. Святой Микола Мирликийский вывезет.

Этот диалог, переданный Иваном Александровичем, Николай вспомнил сейчас со всеми подробностями. Утром на испытаниях будут майор Загнер и капитан Риш из оберверфштаба. К двигателям встанут он сам и Ляшенко. Механика и его помощника они спровадят на верхнюю палубу.

Солнце его разморило, охватила усталость, хотелось спать. Он погасил лампу и хотел было лечь, как послышался осторожный стук в дверь. Николай открыл первую дверь, прислушался и тихо спросил:

— Кто?

— Рябошапченко! — услышал он и с удивлением и тревогой открыл дверь.

Иван Александрович в комнату не вошел, а поманил Николая во двор. Они спустились вниз.

— Что случилось, Иван Александрович? — спросил Николай.

Он понимал, что так поздно из Аркадии, где жил Рябошапченко, сюда, в центр, его могло привести только важное, неотложное дело.

— Случилось такое, что я решил, не дожидаясь утра, повидаться с тобой и предупредить,— начал Рябошапченко.— Сегодня, часов в восемь вечера, ко мне пришли Иван Мындра и Василий Тихонин. Со всей категоричностью Тихонин сказал, что после того, как они прочли сводку Совинформбюро — каюсь, я показал,— они решили не «чикаться». Василий так и сказал: не «чикаться» с оккупантами по мелочам, а во время ходовых испытаний «Райнконтра» в понедельник, завтра, выбросить в море гитлеровскую шкуру Гефта, изолировать команду и увести буксир в расположение частей Советской Армии. В этом деле, по его словам, принимают участие Сушило, Кучма и Кудым-Васильев. Тихонин, как машинист первого класса, встанет к машинам, а Иван Мындра — яхтсмен, капитан малого плавания — будет штурманом.

— Ха-ро-ший парень!..— не удержался Николай.— Ну, а что же ты, Иван Александрович?

— Что я? Не мог же я сказать Тихонину правду!.. Выругал его за авантюризм. Потребовал строгой дисциплины. Запретил даже думать о захвате «Райнконтра». Поначалу я даже посмеялся, потом появилась у меня тревожная мысль: а вдруг они не послушают? Свербит и свербит в мозгу. Я не выдержал — и к тебе, благо, у меня ночной пропуск...

— А знаешь, Иван Александрович, ведь ты маху дал.

— Неужели?

— Ты бы похвалил Тихонина за боевитость, за патриотизм, за интересное решение, а потом невзначай сказал, что на «Райнконтре» далеко не уйдешь. Что муфты переднего и заднего хода смонтированы с тайным расчетом лишить его возможности маневра. А план Тихонина можно осуществить на быстроходном эсминце, и ты, мол, об этом склонен подумать.

— Да, Николай Артурович, вижу, ошибся. Что теперь делать?

— Завтра с утра, до начала ходовых испытаний, вызови к себе в конторку Тихонина и Мындру — разумеется, куда-нибудь отошли Лизхен — и скажи, что ты всю ночь не спал, думал над их предложением.

— Понимаю.

— Ты давно знаешь Василия Тихонина? Откуда у него эта боевая романтика и ненависть?

— В двадцать лет биография у человека простая. Кончил Черноморскую школу плавсостава. В декабре сорокового поступил в техфлот, попал машинистом на паровую шаланду. Война застала под Херсоном. Шаланду утопили, чтобы не досталась врагу. Парень пешком пробирался в Одессу. Где-то, кажется под селом Елинка, схватили его румыны,

приняли за советского разведчика. Привезли в Александровку, допрашивали и били, били и допрашивали. Потом повели за околицу расстреливать. В этом селе у него жила родная тетка, увидела она Василия, опознала, бросилась солдатам в ноги, умолила... Пришел парень в Одессу, узнал от матери, что отец погиб у мыса Сарыч, под Севастополем. Долгое время Василий скрывался, ничего не делал, затем собрал ватагу сверстников, и стали они срывать со стен приказы оккупантов. Снова его поймали, привели в сигуранцу, нещадно били, думали — не выживет, отдали матери. А он выжил... По трудповинности пришел на завод...

— Теперь парень вырисовывается яснее. Ты, я вижу, знаешь своих людей!..

— Сам же говорил: присматривайся к людям, проверяй силу их ненависти. Личных дел с анкетой не завожу, но в памяти держу каждого.

— Что будешь делать, Иван Александрович? Двенадцатый час ночи. Трамваи уже не ходят. Может быть, останешься? У меня на кровати два тюфяка...

Тихо они вошли в комнату, Николай положил один тюфяк на пол и предложил гостю кровать, но тот заупрямился, лег на полу.

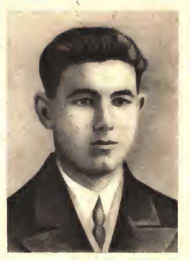
Утром на завод они пошли вместе, а спустя полчаса в кабинет Гефта пришла Лизхен с запиской:

«Уважаемый Николай Артурович!

Напоминаю Вам, что сегодня в 11.00 состоятся ходовые испытания буксирного судна «Райнконтр», на которых Вы обещали быть.

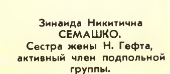
И. А. Рябошапченко».

Михаил Степанович
БЕРЕЩУК.
Бригадир механического цеха,
активный член подпольной
группы.



Николай Федорович
ЛЯШЕНКО.
Бригадир механического цеха,
активный член подпольной
группы.

Иван Яковлевич
МЫНДРА.
Рабочий механического цеха,
активный участник подполья.



Зинаида Никитична
СЕМАШКО.
Сестра жены Н. Гефта,
активный член подпольной
группы.

«Что за черт! — подумал Николай.— Какая-то дурацкая записка! Как будто я сам не знаю о ходовых испытаниях!? — и, только взглянув на Лизхен, понял: — Рябошапченко вызвал к себе Тихонина и Мындру, а «длинные уши» отправил ко мне!»

— Как живете, Лизхен? — спросил ее Гефт, чтобы потянуть время.

— Скучно, скучно, скучно...— она сделала грустное лицо и уселась без приглашения в кресло.

«Ну да, тебе бы каждый вечер разъезжать на машине и принимать лунные ванны...» — подумал он, но сказал:

— Очень жалко, Лизхен, что вы скучаете. Как-нибудь мы выберем время и... Впрочем, он такой ревнивец...

— Не понимаю, о ком вы говорите...— она жеманно повела плечами.

— О майоре.

— У нас служебные взаимоотношения,— сказала она, поджав губы.

— Ну, если служебные...— начал было он, но в кабинет вошел главный инженер Петелин.

— Я могу идти? — спросила Лизхен.

— Да, пожалуйста.

Лизхен вышла из кабинета, а Петелин, посмотрев ей вслед, подмигнул Николаю:

— Переманиваете секретаря у Рябошапченко?

— Занялись стиркой чужого белья, Борис Васильевич! — не сдержался Николай и открыл технический справочник, лежащий на столе.

— Я не знал, что белье ваше! — парировал Петелин.

Николай не ответил. Словно забыв о главном инженере, он выписывал из справочника колонку цифр.

Помолчав, Петелин спросил:

— Состоится у нас с вами, Николай Артурович, откровенный разговор?

— Если вы, Борис Васильевич, способны на откровенность! — усмехнулся Николай.

— Рабочих рук не хватает. Господа заводские пролетарии работают из-под палки. Вы это отлично знаете. Зачем вам понадобилось увеличивать вдвое бригады Гнесианова? У них нет фронта работ.

— Я рекомендовал Гнесианову усилить бригады на военных судах германского флота! Они должны быть обеспечены рабочей силой в первую очередь!

— Ну, знаете!.. Вы не Гефт! Нет! Вы Гифт[1]! Настоящий Гифт!..

— Смотрите, Борис Васильевич, не отравитесь! — предупредил его Николай.

Постучав, в кабинет вошел бригадир Ляшенко, поздоровался.

— Николай Артурович,— сказал он,— на «Райнконтре» двигатели запущены. Вы хотели лично присутствовать на регулировке.

— Идите, Николай Федорович, я сейчас приду.

После того как Ляшенко вышел из кабинета, не без иронии Гефт сказал:

— Не знаю, Борис Васильевич, довольны вы нашим разговором или нет, но во всяком случае он был откровенным. Очень сожалею, но вы меня поймите, служба! — закончил он и ушел, оставив Петелина в состоянии бешенства.

В машинном отделении «Райнконтра» Гефт застал машиниста и помощника из команды буксира. Они выглядели точь-в-точь, как привередливые по-

---

[1] Яд *(нем.)*.

купатели воскресным днем в лавке. Попросив обоих подняться на верхнюю палубу, он приступил к регулировке.

Когда они закончили регулировку дизелей и проверили вспомогательные механизмы, время близилось к одиннадцати. По существу, можно было начинать ходовые испытания.

В машинное отделение спустились майор Загнер, капитан Риш, командир «Райконтра» Курт Цинглер — судетский немец, тучный человек с вонючей сигарой, шеф Купфер и механик Сакотта.

С видом человека, до тонкости знающего технику, Загнер повертелся возле двигателей, затем, точно фугу в оркестре, послушал работу цилиндров: закрыв глаза и приложив ладонь к уху, чем привел в восторг Тихонина, прыснувшего в кулак. Похвалив инженера Гефта, покровительственно похлопав его по плечу, Загнер закончил церемонию личного осмотра, и кортеж поднялся наверх, проследовав в довольно вместительную для буксира ходовую рубку.

Ровно в одиннадцать, с немецкой пунктуальностью, в машинное отделение поступила первая команда. У пускового маховика левого дизеля встал Гефт, у правого — Ляшенко. Казалось, перекос муфты сцепления был незначительный, но приходилось прилагать огромные усилия, чтобы выполнять команды. Николай представлял себе, что делается наверху. Вот отдали швартовы на баке — сверху поступила команда:

— Левый, малый задний!

— Есть левый, малый задний! — ответил Гефт.

Отрабатывая левым винтом назад, на малом ходу буксир отворачивает нос от пирса. Вот отданы кормовые швартовы и следует команда:

— Оба, средний вперед!

Медленно, совершая сложную эволюцию — в ковше всякой посуды что бычков в консервной банке,— буксир выходит из гавани. Двигатели работают четко. Вот они идут по чистой воде — стала сильней волна.

— Полный вперед!

— Есть полный вперед! — отвечает Гефт, с интересом наблюдая за Ляшенко — это ладно скроенный человек, лет тридцати, голубоглазый, светловолосый, с правильными чертами лица.

Николая Федоровича жизнь формовала жестоко. Родился в Одессе, восьми лет остался сиротой — родители умерли в двадцатом. Долгие годы приютского воспитания. Потом ученичество в котельном. С восемнадцати лет — слесарь, в тридцать — мастер, да еще какой! Человек с юмором, каждое слово норовит сказать остро, с подковырочкой, на типичном диалекте одесской Слободки, где он родился и вырос.

— Стоп! — следует команда.

— Есть стоп!

— Полный назад!

— Есть полный назад! — отвечает Гефт, с огромным напряжением сил вращая маховик. Он представляет себе, что будет, когда на их место заступит машинная команда буксира.

— Стоп! — снова команда сверху.— Левый средний вперед! Правый средний назад!

— Есть правый средний назад! — отвечает Ляшенко.

Совершая крутой разворот, буксир ложится на борт.

Гефт представляет себе наверху Курта Цинглера с его вонючей сигарой, как он там рассыпается

мелким бесом перед майором Загнером: вот, мол, смотрите, какое у меня маневренное судно!

— Стоп! — следует команда и следом другая: — Полный вперед! Стоп! Полный назад! Стоп! Полный вперед!

Вибрируя, дрожа всем корпусом, буксир, точно сорвавшийся с привязи бык, прыгает вперед, назад, вперед! Но вот долгое время команда не поступает. Усердие Цинглера исчерпано. «Райнконтр» разворачивается и идет в ковш, а вниз спускается машинная команда буксира. Они довольны. Механик жмет руку Гефта, благодарит, прижимая ладонь к сердцу. Команда занимает вахту, а Гефт, Ляшенко и Тихонин поднимаются на верхнюю палубу.

Здесь свежий ветер несет в лицо морские брызги. Чайки с криком вьются за кормой.

Загнер встречает Гефта аплодисментами, он доволен, очень доволен.

— Завтра же «Райнконтр» возьмет на буксир две баржи и уйдет в порт назначения! — говорит он Цинглеру, зажимая нос дамским платочком (нестерпимо воняет сигара).

Близится волнолом, прикрывающий гавань.

С каждой минутой нарастает тревога.

Предупреждая события, Гефт, наклонившись к майору, вполголоса говорит:

— Сдал дизеля механику буксира, но душа не на месте... Очень низкая квалификация команды. Набор этого года из Судет, людишки так себе. Плавали по Дунаю на речной посуде...

«Райнконтр» огибает волнолом, лишь сбавив скорость до средней, входит в гавань...

Впереди по курсу на швартовах несколько грунтовозных шаланд и землечерпалка.

Цинглер дает команду по переговорной трубе:

— Полный назад!

Буксир продолжает катиться вперед, и борт шаланды угрожающе растет на глазах...

— Полный назад! — еще раз истерически крикнул Цинглер, но было поздно: с грохотом и скрежетом «Райнконтр» врезался в борт шаланды!..

Как-то там, внизу, все же удалось переключить с переднего на задний ход, буксир вытащил смятый форштевень, и все увидели зияющую пробоину в борту шаланды.

— Полный вперед! — крикнул Цинглер, но буксир катастрофически катился назад и врезался кормой в землечерпалку...

— Расстреляю, свиньи! Подлые свиньи!...— закричал Загнер и выбежал из рубки на верхнюю палубу.

Команда землечерпалки сгрудилась у фальшборта, изощряясь в ругани.

— Я вас предупреждал, господин майор! Предупреждал! — едва поспевая за бауратом, твердил Гефт.

Бугристое лицо Загнера посинело от злости. Брызгая слюной, он выкрикивал ругательства на всех языках, какие только знал.

После удара кормой у буксира заклинило руль. Почему-то работал только один двигатель, судно катилось по кривой... К Загнеру подошел шеф Купфер и по-немецки сказал:

— Господин майор, пока не поздно, надо, чтобы инженер Гефт с бригадой спустился в машинное отделение. Иначе мы покалечим еще не одно судно в ковше...

— Идите, Гефт! — И уже обращаясь к Купферу: — Вот, учитесь работать у немецкого инженера! — сипло крикнул Загнер (он охрип от крика).

— Пусть Цинглер отзовет из машинного команду буксира! — поставил условие Гефт.

Не теряя времени, Купфер направился в рубку.

Последовала команда Цинглера, и на верхней палубе появились механик и машинисты. Перебивая друг друга, они жаловались на качество ремонта, на бригаду, на инженера Гефта, пока майор не крикнул:

— Молчать! Нечего сваливать собственную бездарность на чужую голову!..

Тем временем Гефт, Ляшенко и Тихонин спустились в машинное отделение. Им удалось выполнить команду Цинглера, и буксир с трудом, не слушаясь руля, на одних двигателях, но ошвартовался у заводского пирса. Форштевень был смят до привальных брусьев и планшира. Руль заклинен, сорван кормовой фальшборт и сломан флагшток...

Рябошапченко встретил Гефта на пирсе. Он видел, как «Райнконтр» таранил шаланду, и волновался, не зная, кто в это время был у машины.

— Все в порядке, Иван Александрович,— успокоил его Николай,— «Райнконтр» надолго вышел из строя. Кроме того, баурат обещал списать команду. Словом, мы еще на буксире поработаем! — У него было отличное настроение, хотя усталость давала себя знать.

Пользуясь тем, что на заводе никто не контролировал его время, Николай ушел домой. Ему не терпелось остаться наедине с клеенчатой тетрадью. Но мать была дома, а отец вот-вот должен был прийти, и Николай решил компенсировать себя за плохо проведенную ночь.

Все еще горели плечи, обожженные накануне на пляже, ныли руки от непрерывного физического

напряжения, но только он коснулся головой подушки, как уснул...

Проснулся он от ощущения того, что кто-то на него пристально смотрит. Николай открыл глаза и осмотрелся. Окно закрыто светомаскировкой, на столе горит лампа, рядом, пододвинув кресло к кровати, сидит отец. Артур Готлибович в темном костюме, при галстуке. Вернулся из гостей или собирается в гости? Николай посмотрел на часы: стрелки показывали десять минут одиннадцатого. Спал восемь часов!

Заметив, что сын проснулся, Артур Готлибович сказал:

— Я хочу серьезно с тобой поговорить.

«Мне сегодня везет на «серьезные» разговоры! Днем Петелин, ночью отец»,— подумал Николай, но сказал:

— Я слушаю тебя,— и спустил ноги с кровати.

— Сперва прочти вот это,— отец положил на столе перед ним листок бумаги. Это была сводка Совинформбюро, напечатанная Юлей. С обратной стороны еще не высох клейстер.

— Где ты это взял?

— Я снял листовку со стены дома на Екатерининской... Ты прочитал?

— Да! — он знал эту листовку наизусть.

— Что скажешь? — в голосе отца слышались драматические ноты.

— Очень интересные сведения...

— Ты веришь им?

— А почему бы нет?!

— Но это значит, что через несколько месяцев Советская Армия будет в Одессе!..

— Надо думать.

— Удивительное спокойствие! — возмутился Артур Готлибович.— Что же будет тогда с тобой?

— Ты полагаешь, отец, что я не найду общего языка с советским командованием?

— Я говорю с тобой серьезно, а ты ведешь себя как гороховый шут! Отвечай, что ты думаешь делать?

— Хорошо, папа, я подумаю...

— Думай! Думай, черт возьми! Но смотри, чтобы не было поздно! — Артур Готлибович поднялся и ушел в свою комнату, хлопнув дверью. Сводку Совинформбюро он захватил с собой.

Николай еще долго слышал голоса родителей, беседа их затянулась за полночь...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ГРАССИРОВАЛ

Интерес к связям Берты Шрамм стоил Юле нескольких пропущенных лекций. Было бы не так обидно, если бы наблюдение дало ощутимые результаты. Зина могла помочь ей только после окончания рабочего дня, но в вечернее время Шрамм вообще не покидала квартиры.

Дом на Колодезном жил своей обособленной жизнью. Утром — открытые настежь рамы, в окнах ни души. Вечером сквозь щели неплотной светомаскировки — тени, звуки музыки, говор, смех.

За три дня Берта Шрамм выходила из дому несколько раз. Она была в цветочном магазине, купила корзину гиацинтов и просила прислать на Колодезный. Дважды была в ресторане, заказывала ужин на десять и двенадцать персон. Один раз была в «Гамбринусе», где встречалась с Асей Квак. Они вдвоем

сидели за столиком и пили пиво, потом к ним подсел Мавромати. Один раз Шрамм заходила в комиссионный магазин, долго перебирала всякие безделушки, а купила старинный веер, резной, слоновой кости.

На четвертый день, в пятницу, Берта вышла из дома, натягивая на руки длинные белые перчатки. На ее согнутом локте висел зонтик. Сумки при ней не было — она не собиралась делать покупки. Около ювелирного магазина на Дерибасовской Берта остановилась и внимательно оглядела себя в зеркало. Одетая в светло-серый строгий костюм с кружевным жабо, она выглядела просто и нарядно. Чем-то она была озабочена. По Дерибасовской Шрамм дошла до Пушкинской и свернула направо. Здесь, взвизгнув тормозами, немного опередив ее, остановился черный «Хорьх», открыв дверцу, из машины высунулся адмирал Цииб. Она подошла к машине и поздоровалась. Видимо, адмирал предложил ей сесть в машину, потому что она отрицательно покачала головой. Дверца захлопнулась, «Хорьх» развернулся и уехал в сторону порта. Некоторое время Шрамм оставалась на месте, наблюдая за машиной, и, только убедившись в том, что Цииб уехал, она пошла в прежнем направлении.

Берта остановилась возле подъезда пятиэтажного серого дома, осмотрелась и вошла в парадное.

Юля перешла на противоположную сторону улицы, наблюдая за стрельчатыми окнами лестничного проема. Вот фигура Шрамм мелькнула на площадке между вторым и третьим этажом, затем между третьим и четвертым. Площадку следующего этажа она не проходила.

Юля снова перешла улицу и вошла в парадное. Ее встретило гулкое эхо, словно в пустой церкви. Она

медленно начала подниматься по лестнице. Сердце билось так, точно хотело выпрыгнуть. На площадке четвертого этажа три квартиры — десятая, одиннадцатая и двенадцатая. В какую же из них вошла Берта Шрамм? Юля поднялась выше, притаилась за поворотом марша и приготовилась ждать.

Прошло минут тридцать.

Вдруг открылась дверь на площадке пятого этажа, сначала появилась детская коляска, за ней немолодая женщина с ребенком на руках. Увидев Юлю, она бесцеремонно сказала:

— Вот кстати! Подержите ребенка, пока я снесу вниз коляску.

Юля с ребенком на руках начала медленно спускаться на площадку четвертого этажа...

Щелкнул замок, и открылась дверь двенадцатой квартиры. Вышла Берта Шрамм, глаза ее были красны от слез.

— В следующий га-аз, Игма, не опаздывать! — кто-то резко сказал ей вслед, и дверь захлопнулась.

Шрамм спускалась вниз не торопясь, долго рассматривала свое отражение в стекле окна, вытерла платочком глаза.

«Что такое «Игма»? — думала Юля.— «В следующий гас»? Наверное, раз! Он грассирует, не выговаривает букву «р»! Тогда не Игма, а Ирма! Почему же на Колодезном ее знали как Берту, а здесь, в квартире двенадцать, как Ирму? «Не опаздывать» сказано жестоко и требовательно. Этот человек имеет какие-то на нее права!»

Женщина с пятого этажа вернулась и, принимая у нее ребенка, спросила:

— Не плакала?

— Нет. Очень милый, спокойный ребенок,— ответила Юля и торопливо спустилась вниз. В последнее мгновение ей удалось увидеть Берту, она свернула на Дерибасовскую.

У соседнего дома шаркал метлой дворник, маленький, щуплый, но волосатый до такой степени, что, казалось, волосы у него растут даже там, где им расти не положено. Юля подошла к «волосатику», как мысленно его окрестила, справилась:

— Не скажете, папаша, где можно найти дворника соседнего дома?

— Какой же я те папаша? Моих годов полста нету! — Голос у него оказался густой и низкий.— Величают нас Трофим Родионович.

— Простите, я не хотела вас обидеть.

— Тебе, что же, Манефу, стало быть?

— Стало быть, Манефу. Голос какой у вас, Трофим Родионович, богатый! — польстила она дворнику.

— В церковном хоре басом поем. Весьма уважают. Так, говоришь, тебе надо Манефу?

— Точно, Манефу.

— А где же ей быть? То ли во хмелю, то ли с похмелья, то ли в ожидании, когда поднесут. А нора ее, как в парадное войдешь, вниз, об эту руку котельная,— он показал правую,— об эту — дворницкая. Хитрющая баба, не приведи господь с ней дело иметь!..

После такой характеристики Юля решила к Манефе без спиртного не ходить и отправилась на Арнаутскую.

Только под вечер Юля вернулась к дому на Пушкинской, вошла в парадное и спустилась по лестнице вниз, здесь на двери была эмалированная дощечка:

«Дворник». Она постучала, никто не ответил. Дверь оказалась незапертой. В лицо пахнул спертый воздух, насыщенный запахами капусты, табака и винного перегара. За столом сидела очень крупная, дородная, еще молодая женщина.

— Мне нужна Манефа,— сказала Юля.

— Ну? Я Манефа! — женщина облизнула пересохшие, потрескавшиеся губы.

— Я к вам по делу, а чтобы вы не думали, я вот...— смутившись, Юля поставила на стол четвертинку белой.

Манефа взяла бутылку, посмотрела содержимое на свет и с опаской спросила:

— А что за дело? Может, не по моей, дворницкой, части?

— По вашей, Манефа! По вашей! — убеждала ее Юля.— Мне сказали, что в вашем доме сдается комната...

— Это где же у нас сдается комната? — удивилась Манефа, но из бутылки плеснула в граненый стаканчик и, уцепив пальцами соленый огурчик из макитры, вытерла рассол о юбку.

Юля подождала, пока дворничиха выпьет, затем, когда на ее лице появилось блаженное выражение, сказала:

— Говорят, в двенадцатой...

— В какой, говоришь? — переспросила Манефа.

— В двенадцатой...

Манефой овладел смех. Все ее большое тело тряслось. При каждом новом раскате смеха она охала и била себя по животу растопыренной ладонью, приговаривая:

— Ой, не могу! Ой, ба-тю-шки! Комната в двенад-ца-той! Ей приготовили! Ждут не дождутся!

Так же неожиданно, как начался у нее припадок смеха, так же неожиданно и кончился. Она деловито налила в стаканчик водки, выпила, хрупнула огурцом, вытерла руки и спросила:

— Говоришь, в двенадцатой? Не может того быть. Двенадцатую снимает один пожилой обходительный господин. Нынче утром мету я тротуар, он выходит из парадного и говорит мне: «У нас с тобой, Манефа, одна профессия, ты чистишь улицу, а я... гогот!» — он букву «р» не выговаривает. Смекаешь, чем занимается? Город чистит! Я думаю, девонька, прожить бы тебе без двенадцатой. А попадешь в нее — не обрадуешься.

— Мне комната нужна,— вздохнула Юля.

— А ты ко мне заходи, глядишь, чего-нибудь и придумаем. Я тебе такое в другой раз расскажу... Ко мне заглядывает Фортунат Стратонович. Он при господине из двенадцатой в архангелях состоит. Такое иной раз узнаешь — кино!

От Манефы Юля пошла прямо на Дерибасовскую, но Николая не было. Он еще не вернулся. Не дождавшись, она перед уходом просила Веру Иосифовну передать сыну, что, мол, была Юля и очень сожалела, что не застала.

Николай пришел поздно, родители уже спали. Он виделся с Бертой Шрамм, и надо было обязательно записать полученную информацию.

«Основная цель «общества воинских чинов бывшей русской армии», по словам Стрельникова,— писал он,— активная борьба против большевизма. Создание добровольческих формирований, которые после войны будут главной опорой нового правительства России. Конечная цель — монархический строй, в крайнем случае монархия с ограничениями. Идеоло-

гом и душой этого общества является Стрельников Сергей Николаевич. Он же вербует добровольцев и отправляет их в Сербию для подавления движения Сопротивления. Кроме этой основной фигуры общество возглавляют Пустовойтов и Батюшков. Господа эти занимаются и крупной спекуляцией, осуществляя сделки через принадлежащий им технический магазин на Ришельевской.

Из Бухареста приехал господин Чубук, бывший русский эмигрант, принявший румынское подданство. Чубук занимает пост директора табачной монополии, но не гнушается и другими делами. Как представитель румынской фирмы, Чубук хотел арендовать Одесский суперфосфатный завод, но в губернаторстве запросили такую взятку, что Чубук отступился. Теперь он пытается вывезти в Румынию оборудование завода. Если это ему удастся, город лишится очень важного промышленного предприятия!

Информация получена от Берты Шрамм. Рассказывая о нравах верхушки оккупационной администрации, она сообщила и об этом факте, известном ей со слов Чубука».

Николай отложил перо и задумался.

«Суперфосфатный. Что-то об этом заводе не так давно мне приходилось слышать. Да! «Я работал с ним на суперфосфатном!» — сказал Илинич о Лопатто. На суперфосфатном заводе работал Эдуард Ксаверьевич Лопатто, и ему не может быть безразлична судьба завода. Что, если пойти к профессору и поговорить с ним на эту тему? Во всяком случае, это повод для разговора...»

Утром Николай заглянул в приемную администрации завода. Здесь в позе ожидания у двери

главного инженера Петелина рядком, словно воробьи на жердочке, сидели начальник электроцеха Лазюк, инженер-калькулятор Грипченко и инженер Наследников.

«Хорошая собралась компания!» — подумал он, спустился вниз и на территории встретился нос к носу с Петелиным.

«Кто же тогда в кабинете главного инженера?»

Но долго задумываться над этим не пришлось.

Когда он был в конторке Рябошапченко, вошел рабочий Федор Шамрай и, не глядя в глаза, переминаясь с ноги на ногу, сказал:

— Иван Александрович, вызывают к главному...

— Я только что видел главного, он пошел к фабрике-кухне,— вмешался Гефт.

— Хорошо, идите, Шамрай,— отпустил его Рябошапченко и, когда тот вышел из цеха, объяснил: — Раз в два месяца на заводе появляется дружок Петелина, следователь сигуранцы. Он вызывает в кабинет главного своих осведомителей и беседует с ними. Даю голову на отсечение, там сейчас Лазюк, Грипченко и Наследников!..

— Ты не ошибся, они там, дожидаются очереди в приемной. Этот Шамрай в их компании?

— Одна шайка-лавочка! Мы все знаем, держимся от него на расстоянии...

— А с тобой этот господин из сигуранцы не заигрывал?

— Было такое. Я ему прямо сказал: «Неужели вам подлецов не хватает?!» А он: «У вас огигинальное мышление, господин Гябошапченко!» Он букву «р» не выговаривает, а так по-русски говорит чисто.

— Сколько ему?

— Лет пятьдесят с лишним. Военная выправка.

— Белогвардеец, какой-нибудь деникинский контрразведчик...

— Все может быть. Сегодня на буксире привели пароход «Антрахт», говорят, будем переоборудовать в рефрижераторное судно.

— Пока ничего об этом не знаю. Что с «Райнконтром»?

— Работают корпусники и такелажники...

— Так-так, мы им еще работенки подбросим.

От Рябошапченко он пошел к Полтавскому, его бригада принимала пароход «Драч». Андрей Архипович завидел его издали и спустился по трапу на пирс.

— Осмотрел посуду? — здороваясь, спросил Гефт.

— Всё облазил.

— Ну, что там?

— Надо менять питательные средства, инжектор и донку.

— Какой номер?

— Инжектор — десятый, а донка — два дюйма...

— Детали найдешь?

— Видел я у одного человека инжектор, только номер пятый...

— Вот и хорошо!

— Но пятый оба котла сразу питать не сможет.

— Вот и хорошо. Сегодня суббота? Деньги я получу... в понедельник, на «говорильне».

Хотя установка пятого номера и сулила немалый барыш — этот инжектор продавался по дешевке,— Андрей Архипович остался в полном недоумении. Позиция Гефта ему была неясна и даже, более того, непонятна. Размышляя над тем, что бы это могло значить, Полтавский присел на трап и задумался.

Тем временем Николай поднялся к себе в кабинет, но, не выдержав, еще раз заглянул в приемную: по-прежнему три воробья сидели на жердочке, только в другом составе: Грипченко, Наследников и Шамрай, а Лазюк, надо полагать, был в «чистилище».

«Я себе представляю, что там наговорит эта гадина!» — подумал Николай.

За оберверфштабом и «Стройнадзором» Гефт чувствовал себя как за каменной стеной. Ему не угрожало разоблачение, он сумел себя поставить. Репутация отличного инженера-специалиста заставляла считаться с ним и шефа Купфера, и механика Сакотту, и даже Петелина, который помимо ненависти испытывал к нему чувство почтительного уважения. И все-таки пришло время всерьез задуматься над переходом линии фронта или по крайней мере о посылке связного. Накопилась информация, выявлены предатели, изменники родины. Отчет о диверсионной деятельности группы занимает половину клеенчатой тетради. Уйти самому? А завод? Если наступление Советской Армии будет развиваться так же стремительно, гитлеровцы уже этой осенью эвакуируют Одессу, но они камня на камне не оставят от завода. Нет, уходить нельзя. Он должен остаться здесь, хотя бы для того, чтобы сохранить завод. А как хотелось бы, однажды проснувшись, оказаться по ту сторону! Быть самим собой, человеком! Гражданином!

Он вспомнил далекий железнодорожный полустанок в алтайском предгорье, саманную хатенку... Сосновый бор на берегу Алея... Он уехал из Аула в середине января сорок второго, накануне дня рождения сыновей. Перед отъездом они вчетвером ходили в бор, собирать шишки... Николай так явственно представил себе морозный солнечный полдень, рыжую

бронзу сосен, кружевные голубоватые тени от деревьев на снегу, усыпанном хвоей. Следы разных зверюшек и тысячу всяких «почему» его двух сыновей, Вовки и Котьки. Воспоминания вызвали такую щемящую тоску, так захотелось к родным, близким его сердцу людям, что решил он поехать к родителям Анки, хоть поговорить, отвести душу, посмотреть ее старые любительские снимки.

Николай пошел к Купферу, сказал, что должен поискать инжектор для парохода «Драч» и ему нужна машина. А уже спустя полчаса он отпустил шофера на Болгарской, вышел проходным двором на Малороссийскую, остановился перед домом номер шестьдесят четыре и постучал.

Дверь открыла мать жены, Анастасия Семеновна. Он поздоровался и спросил:

— Никита Константинович дома?

— Дома, дома, заходи, Коля!

— Я к вам, мама, запросто. Соскучился по Анке, по сыновьям, по вас...

Никита Константинович отложил в сторону книгу и внимательно посмотрел на него поверх очков. Со дня его первого появления в Одессе между ними разговора не было, но старик узнал все от дочери и молчаливо одобрил.

В комнате было душно, хотя окна и открыты настежь. На кухне Анастасия Семеновна накачивала примус, видно собираясь угощать зятя чаем. Мужчины помолчали, потом Никита Константинович спросил:

— Поди, жара там такая же, как здесь?

— Там прохладный ветерок с Алтая, река, могучие сосны...

— Соскучился, Коля?

— Мало сказать, соскучился... Бывает, жалею, что Анка не здесь, со мной. Хотя понимаю, что как ни плохо ей там одной, а все же лучше, чем здесь. Дышит привольем, и ребята растут, не зная, что за слово такое «оккупация». Вырастут на воле — становой хребет будет крепче!..

— Теперь ждать осталось недолго! — опасливо глянув на дверь в кухню, старик добавил: — Показывала мне дочка сводку, читал.

— Дайте хоть фото Анкины поглядеть,— попросил Николай.

Старик поднялся и принес толстый плюшевый альбом, в котором фотографии по большей части были не наклеены, а лежали пухлыми пачками между страниц.

Вот такой он знал Анку, когда еще ухаживал за ней. С косами, тоненькую, озорную... Она стояла на камне, и ситцевое платье на ней обтягивал ветер... Вот они в лодке, Анка на корме в купальнике, подевичьи статная и по-мальчишечьи голенастая... Она полулежит, перебирая косу, перекинутую на грудь...

Больше часа просидел Николай у родителей жены, вспоминая различные эпизоды, смеясь и грустя... Потом старик достал «заветную», и они выпили по рюмочке за победу. По второй за Анку и сынов.

От Семашко он вышел в три часа дня и решил зайти к Берндту, поинтересоваться листовкой к немцам, но Артура не застал. Дверь открыла его сестра Эрна и, не узнав Николая, сказала:

— Артура нет, он в лавке!

Медленно, еще во власти воспоминаний Николай пошел по Малороссийской к центру, на углу глянул на дощечку, прочел: «Мясоедовская улица». Здесь, на Молдаванке, жил профессор Лопатто. Адрес ему

дала еще позавчера Юля. Он порылся в кармане и нашел обрывок газеты, на котором было записано: «Мясоедовская, 11, квартира 12».

«А что, если рискнуть, зайти?»

Он еще раздумывал, а ноги его несли по Мясоедовской в сторону Прохоровской...

«Как Прохоровская называлась раньше? Да, Хворостина!» — вспомнил он и почему-то обрадовался.

Дом одиннадцать большой, четырехэтажный. Николай поднялся на второй этаж, постучал.

— Кто там? — послышался женский голос.

— Мне нужно видеть Эдуарда Ксаверьевича! — ответил Николай.

Дверь открылась на ширину цепочки, его внимательно оглядели, затем дверь закрылась и распахнулась совсем.

Николай вошел в полутемную, маленькую, тесно заставленную прихожую.

— Вы по какому вопросу? — спросила женщина, пытливо всматриваясь в его лицо.— Я Мария Трофимовна Лопатто.

— Гончаренко. Николай Гончаренко,— повторил он.— Мне нужен профессор по вопросу диссертации...

— Пройдите в кабинет, профессор обедает.— Она открыла перед ним дверь и ушла.

Это была крупная женщина с энергичными чертами лица и уже знакомой Николаю суровой складкой у рта.

Он очутился в небольшой комнате, служившей профессору кабинетом. Справа у двери стояла кровать, заправленная пледом. У стены пианино, в углу книжный шкаф, возле окна письменный стол. Стекол в окнах не было, видимо их выбило взрывной волной. Рамы забиты фанерой, одна из них приоткрыта,

и в комнату проникает скупой свет. Николай взглянул на книги. Здесь были толстые фолианты с корешками, тисненными золотом, и книги совсем без переплетов. Соседствовали рядом тома Ломоносова и Дж. Дальтона, «Основы химии» Менделеева и «Органическая химия» П. Керрера. Книги, изданные на немецком, английском и польском языках. Были книги профессора Лопатто, одна — по вопросу производства серной кислоты, другая — о методе получения суперфосфата.

Над пианино висела старинная картина «Сборы на охоту», с очень мрачным передним планом и ярким, солнечным вторым...

— Это работа Мавлина, голландского живописца конца шестнадцатого века,— за его спиной сказал профессор. Говорил Лопатто, так же как и двигался, очень экономно и тихо.

Жестом профессор пригласил Николая садиться, занял кресло за столом, поправил очки с толстыми стеклами, провел согнутым пальцем по светлым, седеющим усам и выжидательно посмотрел на него своими серыми спокойно-внимательными глазами:

— Так на какую же тему, молодой человек, у вас диссертация?

— Диссертация — это первое, что пришло мне в голову. Не хотелось волновать Марию Трофимовну. Я инженер-механик, дизелист, и очень далек, как вы понимаете, от проблем химии. Но меня взволновала судьба суперфосфатного завода, и мне казалось, что вы, профессор, не можете быть безучастны... Я решил пойти к вам и посоветоваться...

— Судьба завода мне неизвестна.

— Некий господин Чубук, представитель румынской фирмы, пытался арендовать суперфосфатный

завод, но губернаторство запросило крупную взятку. Тогда возник вопрос о демонтаже и вывозе завода в Румынию, где предприятий такого масштаба нет вообще...

— В примарии шеф дирекции по промышленности — инженер Виноградский. Если убедить его в том, что демонтировать завод невозможно, а собрать на месте тем более, то...

— То наложит свою лапу «Решица», акционерное общество, оно растащит завод по частям, вывезет в Румынию котельное железо, свинец и цветные металлы.

— А если войти с предложением о пуске завода? Получить хотя бы небольшое количество серной кислоты для выработки медного купороса? Как вы думаете, это не соблазнит примарию? — Лопатто говорил тихо, так же очевидно он читал в аудитории, зная что его слушают.

— Не знаю, насколько это предложение их заинтересует. Мне, как инженеру, известно очень ограниченное применение медного купороса. В гальванотехнике, в такелажных работах для пропитки дерева...

— Большинство чиновников губернаторства — помещики, они владеют крупными виноградниками и знают, что такое медный купорос. Это бордоская жидкость для борьбы с блек-ротом — гнилостным заболеванием винограда. Медный купорос — отличное средство против грибка большинства плодовых и овощных культур. А Румыния — страна аграрная...

— Я не знал о таком широком применении. В таком случае губернаторство должно ухватиться за это предложение.

— Завтра же я осмотрю завод и предприму необходимые шаги.

— Разрешите, профессор, зайти к вам еще раз? — Николай поднялся с кресла.

— Пожалуйста,— поднялся и Лопатто.— Простите, но не знаю вашего имени, отчества, фамилии...

— Николай Артурович Гончаренко. Хотелось бы, профессор, предупредить вас: остерегайтесь профессора Хайлова и господина Илинича... Последний проявляет особый интерес к вашей деятельности периода производства детонаторов и взрывчатки.

— Вряд ли меня можно упрекнуть в нелояльности, но... Власть на местах,— он иронически улыбнулся.— Спасибо за предупреждение. Вы, что же, Николай Артурович, общались с этими... господами?

— Нет. Однажды довелось встретиться. До свидания, Эдуард Ксаверьевич!

Лопатто вышел с ним в прихожую, открыл дверь.

«Профессор очень осторожный человек. Хорошо, что я воздержался от вопроса, что вертелся у меня на языке,— думал Николай, спускаясь с лестницы.— И все-таки чутье меня не обманывает, я уверен, что Лопатто пойдет на мое предложение и проблема взрывчатки будет решена».

По улице Хворостина он дошел до Большой Арнаутской и направился к Юле. В этот час она должна была быть дома.

— Наконец-то! — обрадовалась Юля, поднимаясь к нему навстречу.— Неужели ты не мог зайти раньше?

— Что-нибудь случилось?

— Разве Вера Иосифовна тебе не передавала, что вчера я была у вас, целый час ждала?..

— Я пришел поздно, мать уже спала, а утром рано ушла на рынок. Что произошло, Юля?

— Твое предположение оказалось верным: Берта Шрамм — осведомитель сигуранцы...

— Неужели она была на улице Бебеля?!

— Нет, Шрамм была на явочной квартире.

— Подробнее.

Юля рассказала все, что ей было известно из собственных наблюдений и со слов дворничихи Манефы.

— Так, говоришь, он букву «р» не выговаривает?

— Да, он грассирует.

— Как дворничиха назвала «архангела»?

— Фортунат Стратонович.

— Что ж, дело ясное. Фортунат Стратонович, толстяк с вислыми усами, мне знаком. Это человек Думитру Млановича, следователя сигуранцы. Сегодня Мланович на заводе... Кличка Шрамм — Ирма?

— Так Берту назвал Мланович.

— На этом, Юля, твоя миссия не кончилась. Тебе придется поддерживать связь с Манефой. Видимо, Фортунат Стратонович слабоват и во хмелю развязывает язык. Угости Манефу, послушай. Спиртное я тебе принесу сегодня же. Как с подшивкой «Одесской газеты»?

— Закончила просмотр подшивки сорок второго — ни одной статьи за подписью Михаила Октана. С понедельника буду смотреть подшивку первой половины сорок третьего...

— Хорошо. Предупреди Зину, что Берта Шрамм нас больше не интересует.

— Ты хочешь от Шрамм отказаться? — спросила Юля.

— Подумаю. Быть может, просто буду с ней осторожнее. Жалко терять такой источник информации...

— Тебе виднее. Ты сегодня еще зайдешь?

— Да, занесу спиртное. Завтра воскресенье, наведайся к Манефе. Будь сдержанна, ничего не старайся выпытать. Потчуй ее вином и как можно искреннее удивляйся...

— Понимаю.

— А может быть, ты выйдешь со мной, я куплю пару бутылок...

— Хорошо.

Юля взяла сумку, и они вышли на улицу. На углу Пушкинской Николай купил две бутылки вина, и они расстались.

В этот субботний вечер была назначена встреча с Бертой, но Николай решил на свидание не ходить. Вызвав Берту на откровенность, слушая ее взволнованное излияние, он поставил себя в несколько ложное положение человека, пользующегося доверием однажды обманутой женщины. Если он не придет на встречу, что подумает о нем Берта? От Млановича она вышла в слезах... Может быть, она оказалась на этом скользком пути в силу стечения каких-нибудь обстоятельств? Она говорила Николаю: «Вы не похожи на других, вы человечнее, честнее, бескорыстнее...» Скверно... Быть может, она действительно запуталась и нуждается в помощи?

Николай пил кофе с молоком, поданный матерью, но тревожные мысли придавали ему горечь.

Субботний кофе — семейная традиция Гефтов. Вся семья за большим столом, священнодействуя в молчании, пьет кофе.

«Нет, положительно, я не знаю, как поступить,— думал он.— Плохо, что в деловых вопросах, решение которых требует холодного и трезвого расчета, примешиваются чувства жалости и сомнений...»

Он вышел из дома и пошел в сторону Александровского парка.

Вечер был удивительно тихий, безветренный. Луна еще не взошла, и море казалось действительно черным. Кроны деревьев застыли, словно в оцепенении. Парк не освещен, в аллеях темно и безлюдно. Редко-редко пройдет парочка, и становится слышна чужая, нерусская речь...

Николай долго сидел на скамейке и смотрел на море, пока сквозь редкие облака не проглянула луна, раскинув по морю сверкающую, светлую дорожку. И сразу море заговорило языком прибоя. Гривастые волны, с шумом накатываясь, разбивались о берег, и ветерок сперва несмело перебрал листья, потом по-хозяйски зашумел в кронах.

Николай направился домой в надежде, что родители уже спят и ему удастся сделать записи, но в окнах их квартиры был свет и слышались голоса.

В комнате родителей пила кофе и вела светскую беседу Берта Шрамм. Она прилагала все усилия для того, чтобы понравиться, и, судя по оживлению стариков, это ей удалось.

— Откуда, Берта, вы узнали мой адрес? — здороваясь, спросил Николай.

Зная вашу точность, я встревожилась, подумала, что вы заболели... Позвонила Евгению Евгеньевичу и узнала ваш адрес.

Действительно, Вагнер однажды подвез его на машине из оберверфштаба к дому.

— Зная, что больной — сладкоежка, я захватила коробку шоколада...

— Я должен, Берта, перед вами извиниться, меня задержали непредвиденные дела...

— Я не сержусь на вас.

«Ван Гуттен»,— прочел Николай на коробке шоколада.

«Голландский! Гитлеровцы не теряются, грабят и врагов и союзников, где только можно!» — подумал он.

— Ну что же, Берта, пойдемте пройдемся? Ночь тихая, лунная... Ночной пропуск у вас есть?

— Да. Спасибо за кофе,— и, протянув руку Вере Иосифовне, она добавила: — Я давно так не проводила время. У вас очень хорошо!

— Заходите. Мы будем рады вас видеть,— прощаясь, сказал Артур Готлибович.

Они вышли молча. В коридоре Николай предупредил:

— Осторожно, здесь порожек...

Она оперлась о его руку и вдруг вспомнила:

— Веер! Я забыла у ваших родителей веер!

— Занесу завтра...

— Нет, сейчас! Прошу! Этот веер приносит счастье. Я суеверна...

Николай вернулся домой и нашел веер, резной, слоновой кости, с изображением семи слонов на каждой стороне.

Они вышли из ворот на улицу и свернули вправо, к спуску Кунгуна. Остановились на мосту, отсюда было хорошо видно море, пронизанное лунным светом.

Неожиданно Берта упала к нему на грудь и разрыдалась. Она плакала долго, безутешно, вздрагивая всем телом. Он молча гладил ее плечи, и эта скупая ласка дружеского участия ее успокоила. Берта отвернулась, достала из сумочки платок, вытерла глаза.

— Мне не хочется на Колодезный...— сказала она глухо.

— Тут внизу есть скамейка...— вспомнил он, взял ее под руку и помог сойти по лестнице.

Скамейка оказалась занята, и они медленно по Карантинному спуску пошли к морю.

— У меня беда, Коля...— сказала она.— Большая беда...— Признание давалось ей нелегко.— Запуталась, не знаю, как жить дальше...

— Чего вы хотите от меня?

— Помогите мне. Только вы, больше некому...

— Чтобы помочь, я должен знать...

— Понимаю. Мне очень трудно говорить об этом, но я расскажу... Я верю вам. Сейчас, только соберусь с силами... Помню, это было в феврале,— начала она,— Илинич предложил мне пойти проведать его больного друга, Митю Мланова. Он знал его, когда Мланов, еще прапорщик, служил в деникинской разведке, а Миша был гимназистом. Я согласилась. Илинич захватил несколько бутылок вина, фрукты, и мы отправились на Пушкинскую, где жил Мланов. Дверь нам открыл веселый толстяк с усами, помог снять шубу. В комнате по-женски уютно, на маленьком столике возле дивана — вино, фрукты и шоколад. Мланов — лет пятидесяти, очень корректный, располагающий к себе человек. Он мне понравился, и, когда по телефону срочно вызвали в редакцию Илинича, я осталась. С Млановым мы говорили обо всем, вернее, говорила я, он слушал и направлял беседу. С насмешкой я отзывалась о консуле рейха Стефани, оберфюрере Гофмайере, адмирале, майоре Загнере. Мланов смеялся, говорил комплименты и всячески поощрял мои колкие замечания в адрес немцев. Я действительно видела их вот так близко, в подтяж-

ках... Все они скоты!.. Часа через полтора за мной зашел Илинич и проводил на Колодезный. Прошло несколько дней. Однажды ко мне пришел Мланов, это был совсем другой человек — жесткий, сухой... Он сказал: «Газведка центга погучила вгучить вам деньги за сведения, пегеданные газведке», вынул из кармана пачку марок и положил на стол. Увидев мое недоумение, Мланов добавил: «Вы будете иметь дело со мной. Вам пгисвоен псевдоним Игма (он не выговаривает букву «р»). Все интегесующие нас сведения вы будете также пегедавать чегез меня. Адгес вам известен». Возмущенная, я заявила, что никаких сведений разведке я не передавала и передавать не буду! Что денег не приму и вообще прошу его удалиться! Но Мланов молча открыл чемодан, и я услышала и узнала свой голос... Это была запись всего, что я говорила тогда у Мланова... «Как вы думаете, Игма, вас помилует адмигал Цииб, если услышит ваши кгитические суждения?» Я поняла, что погибла...— Некоторое время они шли молча, Берта теребила зубами платок, чтобы унять волнение.— Так я стала Ирмой, сотрудницей отдела разведки. С каждым разом претензии Мланова росли. Сейчас он требует от меня такой подлости, на которую я не способна... Что делать? Как вырваться из липкой паутины, которой опутал меня Мланов...

— Думитру Мланович? — спросил Николай.

— Да. Он принял румынское подданство и переменил фамилию.

— Если вы, Берта, искренни, выход есть, и я вам могу его подсказать.

— Какой?

— Идите к Гофмайеру и так же, как мне, расскажите ему всю правду.

— Но ведь я не пощадила и Гофмайера!

— Гофмайер придет в бешенство, но не от того, что сказали о нем вы. В конце концов вы женщина, и женщина хорошенькая. Дело в том, что румынская разведка собирала информацию о немецком командовании. Вот где зарыта собака! Сотрудник сигуранцы напоил немку, гражданку великой Германии, спровоцировал ее на легкомысленный поступок и теперь шантажирует!.. Вы знаете, что произойдет после вашего визита к Гофмайеру? Гестапо вцепится в горло сигуранцы, и полковник Жиоржеску принесет в жертву Думитру Млановича. Вас они не тронут.

— Завтра воскресенье, и Гофмайер с Загнером отправляются на морскую прогулку.

— Тогда в понедельник с утра.

— Хорошо, я пойду в понедельник к Гофмайеру. Пожалуй, вы правы, это единственный выход. Мне холодно...

Николай набросил на ее плечи пиджак.

Поднялись они в центр Потемкинской лестницей. Когда с Дерибасовской вошли в Колодезный переулок, Берта вздрогнула и остановилась. Недалеко от подъезда дома стояла черная крытая машина «БМВ».

У Берты начался озноб, ее трясло, как в лихорадке.

— Хотите, я посмотрю, кто в машине?

— Нет, это может вам повредить. Я пойду.

— Прошу вас, Берта, включите в столовой люстру и трижды чуть приподнимите светомаскировку. Я буду стоять здесь и не уйду, пока не буду знать, что у вас все в порядке.

— Спасибо, Коля! Я не знаю, что бы я сейчас делала, если бы вас не было со мной... Как хорошо, что вы есть на свете!..

Сбросив на его руки пиджак, она решительно двинулась вперед, махнула рукой на пороге и скрылась в подъезде.

Ему очень хотелось подойти и посмотреть, кто в черной машине, но он понимал, что ввязываться в эту историю не имеет права.

Прошло минут десять, прежде чем мигнул в окне свет. Николай медленно побрел домой. Где-то слышался топот ног, свистки, выстрелы, крики... В ночной Одессе оккупанты наводили порядок. Дважды у Николая проверяли документы. Мимо него жандарм за ногу волочил по брусчатке подростка, и на серых камнях за его головой оставался темный след...

— За что вы его? — не выдержал Николай.

— Сопляк, написал «Гитлер капут» на заборе! Вот такими буквами! — капрал показал, расставив ладони на уровне плеч, и бросил с усмешкой жандарму: — Ты его мельничкой! Мельничкой!

Жандарм понимающе осклабился — не впервой — и, держа подростка за ногу, начал кружиться на месте... Тело мальчика поднялось и поплыло над брусчаткой, а жандарм крутился быстрей, быстрей, переступая сапогами все ближе к чугунному столбу...

Николай всем своим сердцем ощутил этот удар...

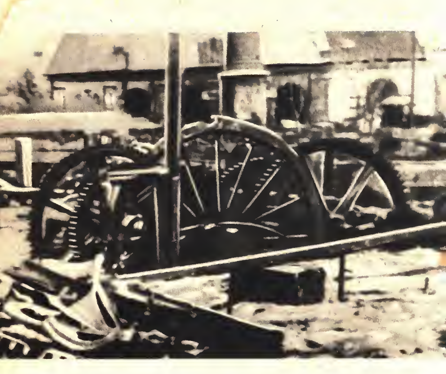
Капрал перевернул тело мальчика на спину и безответно спросил:

— Ну что, капут?

Задыхаясь от гнева и ненависти, Николай пошел прочь.

В ушах его еще стоял этот хрусткий звук удара. Молча, он шел под уклон Дерибасовской, шатаясь, словно пьяный...

Дерибасовская, 3. Дом, где жил Николай Гефт.



Эллинг, взорванный немцами перед уходом из Одессы.
На заднем плане видна электростанция,
взрыв которой был предотвращен Н. Гефтом.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Совещание затянулось. Майор Загнер был, как всегда, не в духе, перебивал выступавших грубыми репликами, задавал язвительные вопросы.

Шел доклад главного инженера по вопросу переоборудования парохода «Антрахт» в рефрижераторное судно. Петелин говорил длинно и долго.

Доклад сводился к тому, что из Галаца прибыл инженер Озорнов, специалист по холодильным установкам. Оборудование, которое частью он привез, частью приобрел в Одессе, было не судовое, а стационарное. Проект был сделан из расчета имеющегося оборудования, смета расходов утверждена в сумме четырехсот двадцати тысяч марок.

Слушая главного инженера, Гефт думал о том, что переоборудование парохода «Антрахт» его не минет. Холодильную установку они покалечат, но Озорнов, так же как и Петелин, проявляет излишнее рвение, путается под ногами. Надо приложить все усилия, чтобы Озорнова из Одессы убрать.

— У кого есть вопросы к главному инженеру? — спросил Загнер.

— Разрешите? — И, получив молчаливое согласие, Гефт обратился к Петелину: — Мне не совсем понятна роль инженера Озорнова. Что, у нас на заводе «Шантьер-Новаль»,— польстил он румынской фирме,— нет специалистов? Если переоборудование «Антрахта» будет выполнено недобросовестно, кто будет отвечать? Мифическая организация, направившая инженера Озорнова в Одессу, или дирекция судоремонтного завода?

— В своем кратком сообщении я объективно изложил факты,— ответил Петелин.— Я не утверждал

инженера Озорнова, но и не брал под сомнение его производственную необходимость. Я даже...

— Предложите инженеру Озорнову,— перебил его Загнер,— сдать проектные чертежи, схему и оборудование инженеру Гефту! Перейдем к следующему вопросу. Ремонт парохода «Драч». Слово инженеру Гефту.

— Технический осмотр парохода «Драч»,— начал докладывать Гефт,— выявил полный износ насоснопитательной системы котельной. Необходимо сменить инжектор и донку. Это оборудование можно приобрести в Одессе...

— Сколько? — перебил его Загнер.

— Семь тысяч марок.

— Пишите заявление. Переходим к следующему вопросу...

Только к девяти часам утра Николай попал на завод и, не заходя в кабинет, пошел прямо на пирс, где был ошвартован пароход «Драч», разыскал бригадира Полтавского и уединился с ним в штурманской рубке.

— Ну, Андрей Архипович, сколько тебе бумажек на инжектор и донку? Только чтобы без запроса...— улыбнулся Николай.

— Тысяч шесть...— глядя испытующе на Гефта, сказал Полтавский.— Пять, пять! Уложусь в пять!

— Другое дело. На, получай.— Николай отсчитал пять тысяч марок.

— Только, Николай Артурович, я тебя предупреждал. Чтобы потом разговора не было, инжектор — пятый номер. Насчет донки не знаю, может быть, удастся добыть в два дюйма, но инжектор пятый...

— До чего ты, Андрей Архипович, человек стал нудный. Ни огонька у тебя, ни творческого размаха...— прикрывая ладонью зевок, сказал Гефт.

— То есть как это нудный?! — обиделся Полтавский.

— Принимать-то судно у тебя буду я. Понял? Ну, будь здоров! Я еще у себя не был! — и, хлопнув Полтавского по спине, Гефт пошел в дирекцию.

В кабинете на столе его дожидалась повестка:

«Николаю Артуровичу Гефту.

С получением сего вам надлежит явиться в комиссию по призыву в доблестную германскую армию.

При себе необходимо иметь аусвайс и отзыв с места работы. Комиссия заседает в помещении немецкой школы».

«Плохи дела фюрера, если начали выметать подчистую фольксдейчей»,— подумал Николай и, захватив повестку, направился к шефу Купферу.

В приемной, возле кабинета Петелина, толпилось несколько человек рабочих, а главный инженер был на территории — надо полагать, бдения сигуранцы продолжались.

«Обязательно надо выяснить, чего добивается на заводе Мланович. Сегодня же поговорю с Рябошапченко»,— решил Гефт и открыл дверь в кабинет Купфера.

Шеф прочел повестку, схватился за голову, позвонил Загнеру и доложил.

Из трубки послышалась такая брань, что Купфер отнял трубку от уха. Алюминиевая пластинка мембраны вспучивалась, словно банка протухших

консервов. Затем баурат, видимо, выдохся, и шеф приложил трубку к уху:

— Да. Здесь, рядом со мной! — Купфер передал трубку Гефту.

— Черт с ними! Идите на эту идиотскую комиссию! Я возьму на себя штурмфюрера Винергофа! — услышал Гефт возмущенного баурата.

Купфер дал ему свою машину, и Николай спустился вниз.

Высматривая шофера, он завернул за угол фабрики-кухни и увидел черный крытый «БМВ». Гефт вспомнил субботний эпизод в Колодезном переулке и заглянул в кузов — за рулем дремал шофер, а на заднем сиденье спал с открытым ртом Фортунат Стратонович.

«Почему в субботу ночью эта машина была в Колодезном? — думал Николай.— Если Млянович, проникнув в дом, поджидал Берту, она не дала бы условного сигнала».

В воскресенье они не виделись — Николай ездил к Рябошапченко, вернулся домой под вечер. Родителей не было, и он занялся отчетом.

Так и не решив этого вопроса, он поехал в немецкую школу, которая помещалась в здании бывшего строительного института.

Медицинскую комиссию он прошел. Медики, в числе которых был почему-то фашиствующий гомеопат Гарах, браковали только инвалидов. В кабинете заседала комиссия — три офицера СС во главе с штурмфюрером доктором Винергофом.

Николай слышал разговор со своим предшественником — высоким немолодым человеком с воробьиной грудью и острым кадыком. Мужчина жаловался, что у него сахарный диабет и он не может служить

в доблестной германской армии. Но, протянув ему ручку, лейтенант — старый служака — сердито прорычал:

— Если ты настоящий фольксдейч и ты действительно хочешь победы Германии, подпиши! Если ты, глиста в манной каше, ждешь большевиков, можешь не подписывать!..

Услышав это категорическое предложение, Гефт не разговаривая подписал стандартный бланк-заявление о добровольном вступлении в германскую армию. Здесь же за другим столом у него отобрали аусвайс и выдали справку, где было сказано, что предъявитель сего — доброволец германской части СС.

С этим документом Гефт поехал в Стройуправление к баурату.

Загнер прочел бумажку, покровительственно похлопал его по плечу и сказал:

— Я, как майор германской армии, чрезвычайно рад тому, что патриот рейха занял место в строю его доблестных защитников!

Потом, правда не так торжественно, майор пояснил, что с доктором Винергофом он договорился. Гефт будет представлять германские интересы на заводе. Военные занятия он может не посещать, но в качестве военнослужащего германского флота должен носить форменную фуражку и нарукавную повязку с германским орлом и свастикой.

«С этим собачьим ярлыком,— подумал Николай,— в любое время я могу показаться в городе без всяких проверок. Только неприязнь рабочих ко мне станет еще сильней».

С такими нерадостными мыслями он поехал к Лопатто, без особой надежды застать профессора

дома. Просто в его распоряжении была машина, и он решил ее использовать.

Эдуард Ксаверьевич оказался дома, сам открыл дверь и проводил его в кабинет.

— Вас, Николай Артурович, интересует судьба завода? — спросил он, когда тот сел в предложенное кресло.

— Признаться, да.

— Прошло всего два дня,— сказал Лопатто,— и, разумеется, я многого сделать не мог. Был на заводе. Положение скверное: насосное отделение затоплено. Я взял пробы воды и сегодня в лаборатории университета сделал анализ — двадцать процентов серной кислоты! Вы знаете, что это значит? Через несколько месяцев завод рухнет. Необходимо срочно осушить грунт. Как раз перед вашим приходом я писал письмо в примарию.

— У вас есть надежда?

— Давайте рассуждать логично. Разобрать оборудование и вывезти в Румынию не представляется возможным. Оставить все без изменения — завод превратится в развалины. А при небольшом капиталовложении можно получить десятки тонн серной кислоты для производства медного купороса. О значении бордосской жидкости для виноградников Румынии я вам уже говорил.

— Вы сказали: «Будем рассуждать логично». Но логос — разум — не всегда в наличии у руководящих деятелей примарии. Несколько тысяч марок в лапу чиновника могут решить дело в пользу акционеров «Решицы», и котельное железо поплывет в Румынию...

— В меру своих сил будем бороться.

— Если ваши усилия окажутся безрезультат-

ными, есть у меня в резерве одна мысль... Чему вы, профессор, улыбаетесь?

— Так. Область лирических воспоминаний. Одесский суперфосфатный — второй в моей жизни завод, спасением которого я занимаюсь. В девятнадцатом году белополяки пытались вывезти суперфосфатный завод из Винницы — я был техническим директором...

— Вам удалось завод отстоять?

— Да, удалось,— Лопатто внимательно посмотрел на него, провел согнутым пальцем по усам и, преодолевая неловкость, сказал: — В прошлый раз я ни о чем вас не спрашивал. Не спросил бы вас и в этот... Но вы снова в моем доме... В это смутное время надо знать, кто переступает порог твоего дома... Фамилию вы назвали вымышленную...

— Почему вымышленную? — спросил Гефт, не сдержав улыбку.

— Какой же хохол Гончаренко назовется Артуром? Вы немец?

— А вы что-нибудь имеете против немцев?

— Нет. Я романтик и поклоняюсь Шиллеру, люблю и понимаю Гете... Великие немцы мне близки. Я с уважением отношусь к немецкой технике и научной мысли, если она без примеси расового шарлатанства. Я за Германию и даже Великую Германию, но без...

— Гитлера! — после паузы подсказал Николай.

— Без гитлеризма! Без национал-шовинизма! Без прусской военщины! Без расового превосходства!

— Отличная программа! — улыбнулся Николай.— Я горжусь, Эдуард Ксаверьевич, вашим доверием и, еще немного терпения, отплачу вам тем же.

Я не прошу вас уверовать в бесспорность названной фамилии, но хотелось бы, чтобы вы поверили в мое искреннее к вам расположение.— Он поднялся с кресла и, прощаясь, протянул руку.

Лопатто, как и в прошлый раз, проводил его и открыл дверь.

И снова Николай мысленно пожалел, что не сделал вертевшееся на языке предложение. Но чем больше он думал об этом, тем больше убеждался в том, что это преждевременно. Их отношения не созрели для откровенного разговора. Лопатто очень осторожен, и он, Николай, еще ничем не заслужил его доверия. Разговор о взрывчатке профессор мог счесть за провокацию.

Гефт вернулся на завод, позвонил в механический цех и вызвал к себе Рябошапченко.

— Меня беспокоит этот господин из сигуранцы! — сказал он Ивану Александровичу.— Что ему на заводе нужно?

— Точно сказать не могу.— Рябошапченко пожевал губами, усмехнулся и высказал свое предположение: — Судя по всему, подыскивает осведомителей. Вербует, покупает, запугивает...

— А уточнить нельзя?

— Можно.

— Если это поручить Ивану Мындре? Мне кажется, он человек умный и осторожный.

— Мындра справится,— поддержал его Рябошапченко.

— Тогда сегодня же вызови Ивана Яковлевича и дай ему задание. Неплохо бы ему прикинуться эдаким Иваном, не помнящим родства. Вызовут в кабинет Петелина на «беседу», пусть идет. Предложат сотрудничать в сигуранце, пусть соглашается.

В кабинет вошла секретарь дирекции и попросила Гефта к городскому телефону (аппарат в его кабинете был подключен только к коммутатору). Он извинился перед Рябошапченко и вышел из кабинета.

Взяв трубку, он услышал:

— Николай Артурович?! Это я, Юля!

— Откуда ты говоришь? — удивился он.

— Из деканата. Я кончила работу по «М. О.».

Николай понял, что она имеет в виду Михаила Октана.

— Хорошо. Когда ты будешь дома?

— Через час.

— Я зайду к тебе.

Николай вернулся в кабинет, убрал в стол бумаги и пошел в центр. Он не спеша поднялся по улице Гоголя, по Гаванной, вышел на Дерибасовскую, и вот тут бы ему свернуть влево, а ноги его, словно сами, понесли вправо, в сторону Колодезного переулка.

Окна были плотно закрыты, дом выглядел необитаемым.

Николай вошел в ворота, поднялся по лестнице черного хода и в нерешительности, раздумывая, остановился.

Когда в последний раз он был в этом доме, то познакомился с Таней, горничной, живущей в маленькой комнате при кухне. Еще молодая женщина, вдова, мать двоих детей, она пошла на Колодезный за кусок хлеба. Работящая, сердечная женщина. Вот Таню-то и имел в виду Николай, когда поднимался со двора по лестнице.

На кухне кто-то загремел кастрюлями, слышались шаги...

Николай осторожно постучал в дверь. Шаги замерли у порога... Сквозь филенку двери слышалось сдерживаемое дыхание. Он постучал едва-едва, согнутым пальцем...

— Кто там?

Голос ему показался знакомым.

— Таня? Это я, Николай Артурович. Откройте.

Громыхнув массивным крючком, женщина открыла дверь и пропустила Николая на кухню.

— Здравствуйте, Таня! Что, Берта Францевна дома? — спросил он.

— Хозяйка уехала к своим в Люстдорф...

— Когда?

— Еще в субботу...

Женщина была чем-то смущена, разговаривая с ним, смотрела в сторону.

— Берта Францевна не могла уехать в Люстдорф. Таня, вы что-то путаете. В субботу, часов в одиннадцать ночи, я проводил ее до самого дома. Я видел, как она вошла в парадное...

Женщина опустилась на табурет и, уронив голову на руку, тоненько, по-детски, всхлипнула...

— Ну полно, полно, Таня...— Он положил руку ей на плечо.— Вы меня знаете, я хорошо отношусь к Берте Францевне... Скажите, пожалуйста, что случилось?

Из сказанного сквозь слезы можно было представить себе, что произошло здесь в ночь на воскресенье.

Примерно часов в десять вечера Таня на звонок открыла парадную дверь. Вошел мужчина, не молодой, но и не старый, в хорошем темном костюме. Мужчина резко спросил: «Где комната Берты Шрамм?» Таня пыталась объяснить пришедшему,

что она только горничная, что хозяйки нет дома и она не вправе пускать постороннего в квартиру. Но мужчина, больно сжав ее плечо, потребовал: «Проводи в комнату Шрамм!» Таня привела его к двери. Он вошел в комнату и включил свет. Окно было не занавешено. По его требованию Таня опустила светомаскировку. Потом он спросил: «Где твоя комната?» Женщина пошла вперед. Когда они пришли в каморку горничной, он предупредил: «Я буду ждать хозяйку в ее комнате. Перед уходом я тебя выпущу. Сиди тихо, как мышь!» Он закрыл дверь, дважды повернул ключ в замке. В квартире наступила такая тишина, что Таня слышала, как на кухне из крана каплет в раковину вода. Прошел, наверное, час, не меньше, когда открылась парадная дверь и каблучки Берты Францевны быстро простучали по столовой, коридору и снова по столовой. Затем хозяйка, видимо, вошла в свою комнату, потому что было слышно, как скрипнула дверь и почти одновременно раздался приглушенный крик. Потом Таня слышала голоса, взволнованный — Берты Францевны и ровный, холодный — посетителя. Потом шум борьбы, крик, тяжелые мужские шаги, очень тяжелые, в сторону передней, и все стихло... Таня думала, что о ней забыли, но через некоторое время снова открылась входная дверь. Шаги все ближе и ближе, повернулся в замке ключ. На пороге стоял тот же мужчина. «Если тебя спросят,— сказал он,— где Берта Шрамм, ты ответишь: уехала в субботу к родным в Люстдорф! Чтобы дети твои не остались без матери, ты скажешь: уехала в субботу к родным в Люстдорф!» — повторил он и ушел.

Вчера вечером приезжал адмирал Цииб с двумя военными, спрашивал Берту Шрамм. Таня ответила

так, как от нее требовал тот человек. Адмирал очень рассердился и уехал.

— Скажите, Таня, какой из себя этот ночной гость?

— Как все. Ничего в нем особого не было. Только глаза тяжелые...

— А как он сказал Люстдорф, он повторил это название дважды,— не Люст-до-гф?

— Да, он так сказал. Вы его знаете?

— Мы можем на минуту зайти в комнату Берты Францевны?

— Да. Я вас провожу.— Она пошла вперед по коридору и открыла перед ним дверь.

Очень скромная, но уютная комната. В крышке хрустальной пудреницы много пепла. Здесь в кресле ее ждал Мланович и курил одну за другой сигареты. В шифоньере на плечиках висели платья Берты, слева белье. Портрет! Из рамы был вырван портрет Берты! Это заметила Таня.

— И здесь, на ночном столике, стояла красивая карточка Берты Францевны, ее нет! — волнуясь, сказала она.

Что же произошло здесь в ночь на воскресенье?

Открыв своим ключом дверь, Берта вошла в прихожую и прислушалась — тихо. Она захлопнула дверь и быстро обежала квартиру — никого. Предчувствие ее обмануло. Успокоенная, она зажгла люстру в столовой и дала условный сигнал. Затем Берта вошла к себе в комнату и от неожиданности вскрикнула: в кресле сидел Мланович! Он пришел выяснить, почему Берта не выполнила его задание. Берта держала себя независимо. Она сказала, что отныне не будет выполнять заданий румынской разведки. Она немка и намерена воспользоваться сво-

ими правами! В понедельник она отправится к Гофмайеру и сама ему все расскажет! Тогда Мланович ударил ее чем-то тяжелым по голове, быть может рукояткой пистолета. Берта потеряла сознание. Мланович отнес ее в черный «БМВ», вернулся назад, изъял все фотографии Берты, выпустил горничную из ее комнаты и ушел.

Так, восстанавливая по частям целое, он представил себе, что могло произойти в ночь под воскресенье в этой большой мрачной квартире.

— Я, Таня, не берусь что-нибудь вам советовать, поступайте, как найдете нужным. Но просил бы вас о моем посещении никому не говорить. Думаю, что в недалеком будущем квартира получит новую хозяйку, ну, а когда в доме есть хозяйка, нужна и горничная...

Так же как пришел, черным ходом, Николай вышел из дома, свернул направо и пошел по Полицейской...

На сердце было нехорошо. Он не мог Берту причислить к числу своих друзей, но и врагов тем более. По существу, человек она неплохой, попала в сложное сплетение обстоятельств, запуталась и покатилась вниз... Такую со стороны можно пожалеть, зная ближе — посочувствовать.

За этими мыслями он не заметил, как добрался до Большой Арнаутской, поднялся в парадное и постучал в дверь.

— Зачем тебе понадобилось звонить мне на завод? — здороваясь, спросил он Юлю.

— Я так была возмущена писаниной этого мерзавца, что мне не терпелось поделиться...

— Поделиться мерзавцем...— усмехнулся он и сказал: — Выкладывай свое возмущение.

— Начну не с главного. «Одесская газета» собирается печатать автобиографическую повесть Владимира Шихматова. Об этом «событии» бойко пишет Михаил Октан. Он превозносит до небес серию очерков Шихматова, известную читателям под общим названием: «За кулисами советской литературы». Прочла я несколько очерков из этой серии и до сих пор не могу отделаться от гадливого чувства. Словно проглотила дохлую муху... Шихматов собрал всякие сплетни, придал им антисемитский, погромный и в то же время сенсационный характер и тиснул десяток очерков в «Одесской газете». Он «все свое знание закулисной жизни «божков» советской литературы обратил в острое оружие борьбы с большевизмом»,— пишет о нем Михаил Октан, рекомендуя будущую повесть «писателя», как «страницу книги жизни». Вот, я здесь набросала краткую аннотацию...— Она вырвала из ученической тетради лист и протянула его Николаю.

— Гражданский темперамент — вещь неплохая,— сказал он, просматривая листок.— Но пишешь ты длинно... Так. Давай дальше.

— В трех номерах газеты напечатан большой наукообразный очерк Михаила Октана. Называется он: «Кто несет ответственность за эту войну». Автор цитирует Клаузевица и даже «Программу Коммунистического Интернационала», силясь доказать, что войну против Германии развязал Советский Союз. Михаил Октан уверяет, что гитлеровские полчища бросились на нашу страну исключительно из соображений обороны. Всячески расписывая агрессивность коммунистической доктрины, Октан договорился до того, что даже нападение Германии на Польшу было спровоцировано американцами и ан-

гличанами! В этой войне «Германия и ее союзники являются не нападающей, а обороняющейся стороной!» — пишет Октан.

— Конечно, когда война проиграна, дело идет к концу и перед судом народов должны предстать подлинные виновники преступной войны, появляются такие адвокаты фашизма, как Михаил Октан! Эти адвокаты пытаются доказать, что матерый волк — сахарный барашек!.. Теперь ты понимаешь, как опасен этот Михаил Октан?! Кстати, его настоящая фамилия Илинич. Сейчас меня занимает его дружок Митя Мланов, он же Думитро Мланович. Ты была в воскресенье у Манефы?

— Была. Отнесла пол-литра. В нее сколько не лей — бездонная бочка. Рассказывала она какие-то страшные истории — мороз по коже! В Манефе погибает Конан-Дойль!

— А конкретнее!

— Разбудил ее в ночь на воскресенье Фортунат Стратонович...— начала Юля, накрывая на стол. Она собиралась угощать гостя чаем.

— Да, да, это очень важно, Юля! — заинтересовался Николай.

— Ты понимаешь, в моем лице Манефа нашла благодарного слушателя...

— А нельзя ли, Юля, без твоих комментариев! — перебил ее Николай, он начинал злиться.

— Я не знала, что это тебя так заинтересует. Пришел к Манефе Фортунат Стратонович, нервный такой, принес с собой бутылку водки, выпил сразу стакан, но не захмелел, только стал «какой-то психованный», сказала Манефа. Подарил ей дамскую сумочку. Манефа подарок показывала. Фортунат рассказал, что только вернулся с Балтской дороги,

возил какую-то строптивую дамочку... Очень она просила сохранить ей жизнь, но служба, говорит. Выбросил ее из машины на Полях орошения, и с того часа мучает его жажда, горит внутри, ничем не зальешь... Вот что рассказала Манефа.

— Сумочка белая, кожаная, замок бронзовый — две змеиные головы...

— Точно! — удивилась Юля.

— Сумка Берты Шрамм... Ты меня извини, Юля, но чай пить я не буду. Ты сделала аннотацию очерка Октана?

Николай быстро пробежал глазами аннотацию, поблагодарил Юлю и ушел. Он шел по Канатной к Дерибасовской, но домой не тянуло, хотелось побыть одному, и Николай свернул в сторону Александровского парка.

Долго, до самого вечера, он бродил по аллеям парка, воскрешая в памяти эпизод за эпизодом драматическую судьбу Берты Шрамм. Раздумывая, он пришел к выводу, что, хотя Мланович и избавился от хозяйки дома на Колодезном, сигуранце не удастся спрятать концы в воду! Мертвая Берта Шрамм для них опаснее живой. Он напишет, разумеется анонимно, письмо Гофмайеру, в котором расскажет об убийстве разведкой Берты Шрамм. Он подчеркнет интерес Думитро Млановича к жизни офицеров рейха, и главным образом к деятельности оберфюрера Гофмайера! Он укажет множество фактов и улики, он не забудет и подарка «архангела», сделанного Манефе! Тогда... Слишком часто на его пути начал попадаться Думитру Мланович! Пора убрать этого подлеца с дороги!

Спустя несколько дней в вечерней газете «Буг» в отделе происшествий появилась такая заметка:

«ЗАГАДОЧНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В нескольких метрах от Балтской дороги, на Полях орошения, был обнаружен труп неизвестной женщины. При убитой никаких документов не оказалось. В нескольких шагах от трупа найден старинный веер, очевидно принадлежавший убитой. Веер резной, с изображением семи слонов.

Тело находится в морге городской больницы. Опознание ежедневно с 12 до 18 часов».

Эта заметка не прибавила ничего нового к тому, что уже было Николаю известно, тем более что письмо к оберфюреру Гофмайеру он все же написал, отпечатал на машинке и по почте отправил адресату.

Ночь на пятое августа была жаркая, душная. Воздух недвижим. Море застыло, словно раскаленный асфальт. В домах распахнуты окна, подняты занавески. Люди спали во дворах, на террасах, на крышах сараев.

В подвале дворничихи Манефы и вовсе не было воздуха — окно не откроешь, а дверь, ведущая на лестничную клетку, хоть и настежь, но прохлады не дает. На жаркой перине дворничихи, обливаясь потом, спал Фортунат Стратонович, его одолевали кошмары, во сне он хрипел, скрежетал зубами и выл от страха. Манефа дремала во дворе на лавочке возле белой акации.

Проснулась Манефа от скрипа ворот, открыла глаза и села, ослепленная ярким светом автомобильных фар. Во двор въехала черная крытая машина. Открылась в кузове дверка с решеткой, и на землю спрыгнули немецкие солдаты с автоматами. Офицер

вылез из кабины шофера, он был без галстука и головного убора.

— Чего надо? — спросила Манефа.

— Твор-ник? — сказал по-русски офицер, расстегивая кобуру с пистолетом.

— Ну, я дворник! — У нее еще не прошел хмель, а вместе с ним и вызывающая самоуверенность.

Офицер вынул из кобуры пистолет и рукояткой ударил ее по лицу.

Манефа ахнула и закрыла ладонью окровавленный рот.

— Иди домой! Твор-ник! Иди! — почти ласково сказал офицер, подталкивая ее в спину пистолетом.

Манефа вошла в лестничную клетку и начала спускаться вниз.

Офицер включил яркий электрический фонарь.

По ступеням гремели кованые сапоги немцев.

Манефа вошла в свою каморку и остановилась возле двери.

Электрический луч пробежал по комнате и остановился на «архангеле». Офицер что-то сказал понемецки солдатам и выстрелил возле уха спящего. Скользнув по стене, пуля отвалила кусок штукатурки, пискнув по-комариному, отскочила в макитру с огурцами, разбив ее вдребезги...

Ничего не понимая, Фортунат Стратонович сел на кровати, утер рукавом с подбородка пьяную слюну.

— Это не есть сигуранца! Это геста-по! — мягко, ласково сказал офицер по-русски и на своем языке что-то бросил солдатам.

Гестаповцы вывернули полупустые ящики комода, нашли белую кожаную сумку — подарок «архангела» и передали офицеру.

Дворничиху и Фортуната Стратоновича вывели во двор, швырнули в кузов и приказали сесть на противоположные скамейки вдоль бортов.

Посередине, широко расставив ноги, стал солдат, положив обе руки на висящий на шее автомат.

Не выдержав, Фортунат Стратонович решил утешить всхлипывающую дворничиху:

— Не трусь, Манефа! Хозяин не допустит! Немчура обмишурилась!..

— Швейген! [1] — бросил солдат.

Снова наступила тишина.

Минут двадцать спустя послышался топот сапог, немецкий говор, и в машину впихнули Млановича; он был в бриджах, ночной рубахе и комнатных туфлях на босу ногу.

— Я буду жаловаться немецкому консулу! — пригрозил он, барабаня кулаками в обшивку машины.

Солдат ударил Млановича прикладом автомата в затылок, тот упал.

В кузов поднялись остальные солдаты и сели в тамбуре.

Взвыл стартер, и машина тронулась.

Солдата, стоящего в кузове, на поворотах швыряло с места на место, он переступал ногами, попадая на Млановича, но тот всю дорогу не приходил в себя.

Машина въехала во двор дома по Маразлиевской улице.

Солдаты вытащили Млановича из кузова и волоком потащили вниз, в подвальное помещение, куда затем ввели Манефу и «архангела».

---

[1] Молчать!

Под утро Мланович пришел в себя, и немцы увели его на допрос, а вслед за ним вызвали и Фортуната Стратоновича.

В комнате следователя в углу в отдельном кресле сидел штурмфюрер Гофмайер. В стороне стоял стол, уставленный какими-то громоздкими вещами, накрытыми сверху болгарским ковром.

Мланович отрицал вербовку сигуранцей Берты Шрамм, а тем более ее убийство:

— К смерти фрау Шрамм я не имею никакого отношения! Никаких дел с этой женщиной у меня не было!

— Это ваш магнитофон? — спросил следователь, откинув ковер с части стола.

— Мой...

— Эта пленка ваша? — настаивал следователь.

— Не знаю...

— Включите пленку!

Включили магнитофон, и Мланович понял, что отпираться бессмысленно: это была спровоцированная им запись высказываний Берты Шрамм:

«...Так называемый хранитель лоции штурмфюрер Гофмайер,— говорила Шрамм,— самодовольная скотина! Этот благородный отец семейства любит поговорить о своих милых детках, иной раз он даже прольет сентиментальную слезу, а на самом деле он жесток и руки его по локти в крови!.. Когда он ко мне прикасается, я не могу преодолеть чувство брезгливого отвращения!..»

— Довольно! — бросил Гофмайер, и следователь, подскочив к магнитофону, выдернул из розетки вилку.

— Подведем итог! Вы спровоцировали Берту Шрамм, затем шантажировали ее этой записью, а когда женщина пригрозила вам разоблачением, убили ее! Так?

Не получив ответа на поставленный вопрос, следователь приоткрыл дверь и поманил пальцем «архангела».

— Ты служил в секретной полиции? — спросил следователь.

Толстяк бросил быстрый взгляд в сторону Млановича, подкрутил пальцами кончики вислых усов и молодцевато рявкнул:

— Так точно, служил!

— Когда надо было развязать язык, что делали в полиции?

Толстяк, стиснув кулак, выразительно положил его на открытую ладонь.

— Заставь эту сволочь разговаривать! — приказал следователь.

Фортунат Стратонович сделал шаг к своему «хозяину» и виновато улыбнулся:

— Извиняюсь!..— сказал и ударил Млановича кулаком в подбородок, тот упал и потерял сознание.

Гофмайер поднялся с кресла и сказал по-немецки:

— Все ясно. Кончайте эту комедию! — и, позевывая от скуки, вышел из кабинета.

Фортунат Стратонович проводил гестаповца улыбкой. Когда за ним закрылась дверь и толстяк повернулся к столу, улыбка сбежала с его лица: в руках следователя была сумочка Берты Шрамм, подаренная им Манефе...

А Николай под влиянием быстро развивающихся событий даже мысленно не возвращался к Берте Шрамм и лишь однажды вспомнил ее при таких

обстоятельствах: офицеры оберверфштаба, решив отпраздновать день рождения Карла Деница, который вот-вот должен был приехать в Одессу, собрались на Колодезном. Майор Загнер позвал на пирушку Николая:

— Пойдем, инженер, на Колодезный! Там теперь новая хозяйка — Брунгильда! Адмирал Цииб где-то ее раскопал, кажется в комиссионном магазине!

Сказавшись больным, Николай отказался.

Так взошла звезда Брунгильды из «фазаньего заповедника» на Коблевской, сперва в комиссионном магазине Пирога, затем в увеселительном доме на Колодезном.

В тот же день Николай вместе с Зиной и Юлей слушал в подвале Семашко важное сообщение Советского информбюро. Войска Брянского фронта при содействии войск Западного и Центрального фронтов разгромили отборные немецкие части, ликвидировали Орловский плацдарм врага и 5 августа заняли город Орел!

Этим же днем войска Степного и Воронежского фронтов овладели Белгородом!

КНИГА ВТОРАЯ

ЗЕМЛЯ ГОРИТ

СИЛА ЖИЗНИ

Конец сентября в Ауле выдался на редкость сухой, теплый. В прозрачном воздухе, терпком от запаха скошенных трав, носилась паутина. Белые струги облаков, гонимые ветром, мчались на юго-запад.

Под вечер Анна сидела возле дома и, щурясь, глядела на бегущие облака. Сыновья здесь же, на огороде, орудуя молотком и гвоздями, «чинили» хозяйскую тачку. Эти два мужичка, Вова и Котя, всегда находили себе в доме работу.

Закрыв глаза, Анна представила себе дом на Малороссийской, где она выросла, сестер, Лиду и Зину, отца... Как часто во сне она видела Колю в Одессе — он сидит у родителей и спорит с ее отцом о политике.

Из плена воспоминаний вывел Вовка. Парень промахнулся молотком, попал по ногтю и отправил палец на лечение в рот. Нахохлился, но не заплакал. Мужчины не плачут! — это он усвоил хорошо.

Снова Анна мысленно вернулась к мужу, ей вспомнились строчки его письма: «...Думаю и надеюсь, что все кончится хорошо! Слез я не лью — мужчины не плачут!»

Затем она припомнила и другие строчки, непонятные, нерасшифрованные: «...Не позднее первого июня отправлюсь в путь. Может быть, повидаю Н. К., снова поспорим со стариком, поцапаемся». Получив это письмо, она долго ломала голову над таинственными буквами «Н. К.» и решила, что под этими инициалами Николай имел в виду кого-то из однополчан, с кем за время войны его свела судьба. Но появилась волнующая мысль и уже неотступно преследовала ее. Эта мысль заставила подняться, войти в дом, открыть шкатулку, разыскать это письмо, предпоследнее, от двадцать седьмого мая сорок третьего года, и прочесть: «Может быть, повидаю Н. К., снова поспорим со стариком...»

«Господи! Да ведь «Н. К.» — это же Никита Константинович, мой отец! — словно прозрела она.— Стало быть, «в путь» — в Одессу! Николай в Одессе!»

Взволнованная открытием, она вышла на порог дома. Облака, подсвеченные солнцем, все мчались и мчались туда, на юго-запад, в сторону Одессы. Тоска обуяла Анну, тоска по городу, в котором она родилась и выросла, родила детей, тоска по родным, по Николаю... Теперь-то она уже знала: он в Одессе! Он ходит по серой одесской брусчатке! Он видит зеленовато-синее море! Почему-то она вспомнила свидание с Николаем на Пушкинской, под платаном, возле биржи,— тогда они еще не были женаты. Собирались в концерт, она опоздала; встретились, а концерт давно начался. Они долго бродили по улицам, целуясь в тени каждого дерева... Представив,

увидев, вновь все пережив, Анна вошла в комнату, упала ничком на постель и, скомкав руками подушку, в голос запричитала...

С тех пор тоска уже не оставляла ее ни днем ни ночью. Она ходила в красный уголок пимокатной артели, где стоял радиоприемник, и с замиранием сердца, со все возрастающим волнением слушала сводки Информбюро.

Когда нашими войсками был взят Геническ, это было тридцатого октября, Анна поехала в Семипалатинск, пришла к военному и потребовала, чтобы ей дали пропуск: она хочет уехать на юг, на Черное море, ближе к родным, к своему городу!

— Теперь уже скоро! Ведь правда скоро! — говорила она.

Три дня Анна прожила в Семипалатинске у чужой женщины, работавшей медицинской сестрой в госпитале,— они познакомились в поезде. Первого ноября радио принесло новую весть: нашими войсками был взят Армянск, отрезаны пути к отступлению крымской группировке немцев!

Анна пошла вновь к военкому, но комиссар держался стойко, он говорил:

— Ну куда вы поедете, женщина с двумя детьми? Подумайте, через весь Казахстан, Туркмению, Каспий, Закавказье! Да вы, Анна Никитична, застрянете где-нибудь на полустанке...

Анна уехала в Аул ни с чем, а шестого ноября, в канун праздника, радио принесло новую весть: войсками 1-го Украинского фронта в результате стремительного маневра взят Киев, столица Украины!

Когда же Анна получила письмо от подруги, ей стало и совсем не по себе, Мария звала ее в Батуми:

«...Приезжай, Анка! Потеснимся, будем жить вместе, а там, глядишь, и в Одессу! Теперь не за горами!..»

Захватив письмо, Анна снова поехала в Семипалатинск. На этот раз комиссар не устоял: ей выдали пропуск. Радостная, возбужденная, Анна вернулась в Аул. Сборы были недолгими. Она получила деньги по аттестату мужа, ликвидировала на базаре Переменовки все, без чего могла обойтись, и покинула маленький поселок в предгорье Алтая, где прожила с сыновьями два нелегких года своей жизни.

Военком оказался прав: путешествие было трудным. Поначалу добирались они с эшелоном сибиряков, догонявших свою гвардейскую часть, где-то между Талды-Курганом и Кандагачем. Ехали в вагонах московского метрополитена, в санитарных поездах, на платформах с техникой. Стоило Анне только рассказать свою бесхитростную историю, и люди, стосковавшиеся по своим близким, озабоченно искали малейшую возможность, чтобы помочь им продвинуться вперед хотя бы на десяток километров. Через Арысь, Мары и Небит-Даг добрались они до Красноводска. Здесь им повезло: друг мужа капитан Крамаренко уступил свою каюту, снабдил продуктами и в Баку помог сесть на поезд, идущий в Батуми.

Они приехали в Сухуми солнечным декабрьским днем.

Анна разыскала свою подругу в доме номер четыре по улице Камо, познакомилась с хозяйкой дома Лизой Небелидзе.

Все принимали участие в ее судьбе. Ей помогли устроить ребят в детский сад, получить работу в Морском клубе.

Долгими вечерами Анна просиживала на набе-

режной, вслушиваясь в голос морского прибоя, всматриваясь туда, в северо-запад, где в тысяче километрах на крутых холмах высилась родная Одесса.

Теперь, думая о Николае, она не представляла его на Малороссийской в политических баталиях с отцом, нет. Она чувствовала страшное дыхание войны, оно приходило и сюда, в этот далекий южный порт. Здесь сгружали на пирс покалеченную технику и истерзанные войной люди сходили по трапу, некоторые на костылях, другие держа на перевязи руку, иные поддерживаемые сестрами, ведомые поводырями, несомые на носилках. Теперь, вызывая в своем воображении Николая, она думала и о той страшной опасности, которая подстерегает его на каждом шагу. Она слушала сводки Информбюро и обсуждала их с женщинами, как и она, усталыми от ожидания, страдающими от неизвестности.

Анна ходила по госпиталям, настойчиво предлагая свои услуги, но таких, как она, было много. Женщина хотела приложить свою силу к общим усилиям в этой огромной, очистительной борьбе, но не знала, как это сделать. Увидев плакат, она отправилась в донорский пункт, но врачи сказали, что у нее самой недостаточно крови. Анна работала на всех субботниках. Ходила на прибывающие в порт военные транспорты, мыла и скребла палубы.

Ночи Анна проводила без сна, в каком-то напряженном, волнующем ожидании. С первыми красками рассвета она выходила на улицу, быстрым деловым шагом шла на набережную и долго стояла у парапета, устремив взгляд на юго-запад; но там, за едва уловимым горизонтом, еще была непроглядная мгла...

Семьсот восемьдесят семь дней как пала над Одессой гнетущая мгла...

Но и во мгле оккупации, террора и репрессий Одесса не покорилась, город жил и боролся.

Многих унесла борьба.

Одни были замучены в застенках сигуранцы, другие по приговору куртя марциала [1] и без всякого приговора расстреляны, повешены, заживо сожжены, зарыты в балках и буераках Одесщины, сброшены в Черное море.

В этой схватке с врагом немало погибло коммунистов и комсомольцев, руководителей подполья. Но как нельзя обратить в рабство сильный, вольнолюбивый народ, так и нельзя истребить лучших людей народа — партию! Коммунистическая партия, Советская власть, несмотря ни на что, были душой народного сопротивления, боролись всеми доступными им средствами.

Седьмого ноября над колокольней Успенского собора вспыхнул алым пламенем стяг с эмблемой Советского государства — серпом и молотом. В праздник Конституции морозным утром на Дерибасовской, Тираспольской и Соборной площади взметнулись тысячи маленьких красных звездочек — они были на покрытых инеем деревьях, на подоконниках домов, тротуарах и мостовых. Одесситы выходили на улицы, не скрывая своих праздничных, торжествующих улыбок. Каждый день в городе появлялись листовки, сводки Информбюро. Их было много, написанных от руки, напечатанных на машинке, размноженных на стеклографе и даже набранных в подпольных типографиях. Это было живое слово

[1] Куртя марциала (рум.) — военно-полевой суд.

партии к советским людям; оно находило душевный отклик, вселяло уверенность в близкую победу, рождало гнев и ненависть к врагу, звало на борьбу. В Доманевском районе сотни гектаров кукурузы и ячменя ушли неубранными под снег. Крупный рогатый скот, на который рассчитывали оккупанты, повалила чума. Хлеба горели прямо на полях, в стогах и амбарах. Под Врадиевской партизаны пустили под откос эшелон с гитлеровцами и вражеской техникой. На перегонах Любашевка — Заплазы и Сырово взлетели на воздух платформы с танками и цистерны с горючим. На дороге Кривое Озеро — Арчепитовка расстреляна колонна грузовиков. На участке Попелюха — Рудница разобран путь, состав сошел с рельсов, задержав движение поездов на целую неделю. Возле Межерички на минах подорвались три эшелона с продовольствием. В Савранских лесах исчез без следа гитлеровский обоз. В селе Мазурово партизаны напали на охрану концлагеря и освободили заключенных.

Днем Одесса казалась городом, живущим по заведенному оккупантами «новому порядку», чинным и благодушным. На базарах толкалось пестрое, шумное скопище, бойко торговали ларьки и магазины, было людно в многочисленных бодегах и ресторанах.

Но с наступлением ночи город пробуждался к иной жизни: из подвалов и катакомб Фоминой Балки и Нерубайского, Усатого и городских окраин поднимались народные мстители, хозяйничали на улицах и площадях; гремели выстрелы, взрывы, вздымались к небу дрожащие языки пожарищ...

На судоремонтном заводе по прежнему изобретательно и смело действовала патриотическая группа.

Стоимость работ на «Антрахте» перевалила за полмиллиона марок, но переоборудование судна не двинулось вперед. Тысяча восемьсот метров цельнотянутых труб охлаждения камер были уложены бригадой Гнесианова вопреки проекту. Буксирный пароход «Райнконтр» после вторичного ремонта с русской командой на борту вышел в Николаев, но поднял белый флаг и направился к Кинбурнской косе, под прикрытие советской артбатареи. На пароходе «Драч» бригада Полтавского установила инжектор и донку, но пароход не вышел из ковша и на буксире был отведен в Констанцу. Десятки военных судов германского флота после ремонта вернулись вновь на завод. Одни — с покареженной муфтой, другие — с расплавленными подшипниками, кормовыми втулками...

Гефт искал новые формы диверсий, но круг сужался, оставалось одно — взрывчатка. Во что бы то ни стало надо было достать взрывчатку или наладить ее производство. Единственный человек, который мог помочь, был профессор Лопатто. Гефт виделся с Эдуардом Ксаверьевичем не раз, между ними прочно поселилось доверие, и все же он не решался заговорить с профессором на интересующую его тему.

ТОВАРИЩ РОМАН

Ранним воскресным утром, поеживаясь от холода, Николай вышел из дома и направился на базар. Несмотря на позднюю осень, стояли по-летнему теплые дни и прохладные, с заморозками ночи.

Он шел углубленный в свои мысли.

Сегодня через Федора, связного райкома партии, Николай должен получить ответ. Еще в Ростове, давая ему эту явку, майор сказал: «...только в случае самой крайней необходимости».

«Необходимость крайняя! — думал он.— Не может быть, чтобы у райкома не было связи с центром! Они должны мне помочь».

Из состояния глубокой задумчивости Гефта вывел какой-то яркий субъект в феске; прижав его под аркой ворот, он часто-часто зашептал:

— Леи? Лиры? Рейхсмарки? Доллары? Франки? Фунты?..

Николай понял, что базар близок, и шагнул в переулок. Здесь уже бойко шла купля-продажа. Торговцы наперебой предлагали товар: сапоги, заготовки, голенища, костюмы, шляпы, платья, кофты, галантерею и мебель, парфюмерию и кухонную утварь. На расстеленных мешках лежало всякое барахло, место которому на городской свалке, но здесь находились покупатели, они присаживались на корточки, разглядывали товар, спрашивали цену, охали, торговались...

Еще издали Николай увидел Глашу Вагину. Она стояла молча, держа в руках развернутый коврик с изображением лисицы и журавля. Это был по-детски наивный рисунок, выполненный аппликацией,— лисица из лоскутов рыжей байки и журавль голубого шелка, праздничный и нарядный.

«Брунгильда теперь хозяйка заведения на Колодезном, и Глаша вынуждена сама продавать свои коврики»,— вспомнил Николай.

Стараясь остаться незамеченным Глашей, он протискивался сквозь людскую толчею, пока не услышал знакомый с хрипотцой тенорок Федора:

«А вот отличный, недорогой подарок!
Одна батарейка — всего пять марок!
Подходи! Налетай!
По дешевке покупай!»

Николай подошел к раскладному столику-лотку, за которым стоял Федор. Они узнали друг друга.

Взяв со столика одну кустарную батарейку в пестрой обертке и разглядывая ее, Николай спросил:

— Нет ли элементов для круглого фонаря?

— Редко спрашивают, не вырабатываем,— ответил Федор, достал из сумки одну батарейку и, вручив ее Николаю, тихо добавил: — Девятичасовой сеанс кинохроники на Дерибасовской. Билет под оберткой. Наш связной справа. Вопрос: «Не знаете, что сегодня показывают?» Ответ: «Торжества в Румынии по случаю годовщины воссоединения Молдавии и Валахии».

— Сколько с меня за батарейку?

— Пять марок! Цена без запроса!

Николай расплатился и стал протискиваться сквозь толпу к выходу.

Когда базарная толчея осталась позади, он зашел в первый же подъезд дома, осторожно надорвал обертку, вытащил билет, бросил батарейку в мусорный ящик и посмотрел на часы: до начала сеанса было еще целых полчаса.

Желающих смотреть кинохронику оказалось мало. В фойе театра было человек пять школьников, несколько румынских солдат во главе с капралом, пожилая женщина, видимо по пути с рынка, и здесь же за столом играли в кости десяток турецких матросов. В кресле дремал подвыпивший бородач с банным веником, завернутым в вафельное полотенце.

Николай всматривался в лица каждого, но не находил среди них никого, кто бы мог быть связным подпольного райкома.

Уже после первого звонка в фойе вошло несколько новых зрителей, среди них моряк в тельняшке и бушлате, рослый блондин, с прокуренными моржевыми усами. Моряк прошел мимо Гефта, внимательно, с ног до головы, осмотрел его и занялся журналом, лежащим на столе.

«Неужели он?» — подумал Николай и по второму звонку неспеша направился в зал.

Двадцатый ряд — последний, двадцать первое место отделяет от остальных кресел колонна, справа место свободное.

Моряк вошел в зал одним из последних и сел в первом ряду.

Третий звонок. Погасла люстра. При тусклом свете дежурной лампочки появился бородач с банным веником, прошел по проходу справа и занял двадцать второе место в двадцатом ряду.

Такое соседство казалось недоразумением, но вопрос ни к чему не обязывал, и Николай спросил:

— Не знаете, что сегодня показывают?

— Торжества в Румынии по случаю годовщины воссоединения Молдавии и Валахии...

Свет погас. На экране возникло изображение румынского орла с ключом в клюве и геральдическим щитом на груди. Картина шла на румынском языке с немецкими субтитрами и пояснениями русского диктора:

— Сегодня румынский народ празднует восемьдесят четвертую годовщину со дня объединения княжеств Молдавии и Валахии...— объявил бархатный баритон...

На экране появился Михаил I, слащавый мальчик в военной форме. Опираясь на трибуну с изображением двух княжеских гербов, король начал свою речь, обращенную к собравшимся гражданам...

Пользуясь темнотой, Николай Артурович протянул руку соседу и ощутил крепкое дружеское пожатие.

— После окончания следуйте за мной на некотором расстоянии...— предупредил бородач.

В это время на экране две дородные женщины, видимо олицетворяющие собой Молдавию и Валахию, бросились друг другу в объятия. Этим символическим эпизодом и закончилась румынская кинохроника. Затем на экране появился имперский черный орел со свастикой в когтях, и под звуки фанфарного марша послышалась рыкающая речь немецкого диктора. Это были празднества в Мюнхене по случаю десятилетия штурмовых отрядов СС. Прямо на зрителей, озаренные пламенем факелов, шли отряды штурмовиков. На трибуну, украшенную знаменами со свастикой, поднимается Адольф Гитлер, его сопровождают адмирал Карл Дениц, Вильгельм Кейтель, маршалы Эрхард Мильх и Теодор Бок. Хриплая, лающая речь Гитлера. Вытаращенные глаза, прыгающие усики одержимого... Звуки фанфар, и вот уже третья часть программы — комедия «Фриц Лемке в Париже». В оккупированной столице веселился немецкий унтер. Он куражился, пил пиво на Эйфелевой башне, фотографировался верхом на химере собора Нотр-Дам, позировал у Триумфальной арки. Бравый служака пользовался успехом у парижанок. Женщины липли к нему, как мухи на клейкую бумагу. Обманутый муж устроил ему сцену ревности, но бравый унтер разделал ревнивца

под орех, бил посуду в его доме, срывал со стен картины, словом, вел себя так же, как Макс Линдер, но отравленный ядом национал-шовинизма.

Казалось бы, после такой смешной комедии зрители должны быть веселее, но они выходили из кинотеатра без тени улыбки на лице. Турецкие моряки и румынские солдаты были озабочены мыслями о том, что и у них в доме так же хозяйничает бравый Фриц, пьет их вино и тискает женщин.

Больше всего Николай боялся потерять из виду связного, но тот шел не торопясь, рассматривая плакаты анонсируемых боевиков немецкой кинематографии.

На Дерибасовской бородач свернул налево, пересек Преображенскую и вышел на Садовую.

Чем больше Николай всматривался в маячившую впереди фигуру связного, тем больше ему казалось, что этого человека он где-то уже видел.

«На заводе? — думал он.— На судостроительном около тысячи человек рабочих, может быть, на заводе!..»

Бородач свернул на Торговую, немного подождал Николая и, убедившись, что он идет следом, ускорил шаг, миновал Старо-Портофранковскую, Внешний Бульвар, Манежную и вышел на Институтскую.

Теперь Николаю было ясно, что идут они на Слободку; когда же связной направился вниз по Дюковской, он окончательно в этом убедился.

«Тайная явка на Слободке,— с тревогой подумал Николай,— где в бывшем кинотеатре — мрачный застенок сигуранцы для пыток!..»

На мосту полицейский патруль проверял документы.

Николай сократил расстояние, отделяющее его от связного, чтобы в случае необходимости прийти на помощь. Но бородач был невозмутимо спокоен, предъявив документ, он еще отпустил какую-то игривую шутку в адрес задержанной патрулем женщины. Старший полицейский, смеясь, вернул ему удостоверение, и связной двинулся вперед по Дюковской.

У Николая документы не проверяли: нарукавная повязка со свастикой и гитлеровская военно-морская эмблема на фуражке оказались достаточными.

Минуя церковь, связной свернул в один переулок, другой и остановился возле двухэтажного дома с большой вывеской по фасаду:

«УКСУС — оптом и в розницу — АВЕРЬЯН ШТЕБЕНКО и СЫН».

Николай видел, как связной зашел в торговое заведение Штебенко, и последовал за ним.

В плохо освещенном помещении лавки вдоль стены на низких козлах выстроились в ряд большие сорокаведерные бочки с уксусом. За конторкой сидел худой человек с бледным одутловатым лицом — надо полагать, это был Аверьян Штебенко. Паренек, разливавший уксус по бутылкам,— точная копия Штебенко-старшего — такой же тощий и одутловатый, словно сильный уксусный дух, которым здесь все дышало, замариновал отца и сына.

Покупателей не было.

Связной выглянул из-за приоткрытой двери в глубине лавки и поманил Николая.

Он вошел в помещение, служившее подсобкой, помог бородачу сдвинуть с места большую дубовую бочку, под которой оказалась крышка люка. Держась за ступеньки руками, они начали спускаться

вниз по отвесной лестнице. Николай насчитал двадцать ступеней, одна от другой сантиметров сорок. «Стало быть, восемь метров»,— прикинул он.

Вышли на площадку. Бородач дернул за веревку, наверху отозвался звонок. Люк над их головой закрыли, и, судя по звуку, бочка вернулась на свое место. Связной чиркнул спичкой, приподнял стекло фонаря, висящего здесь же, и зажег фитиль. Снова поднят люк, и снова спуск по такой же лестнице на вторую площадку, а затем и на третью...

Они спустились в небольшую камеру, вырубленную прямо в ракушечнике, которая, уменьшаясь уступами, вела в узкий коридор...

— Пригнитесь, Николай Артурович! — предупредил его связной.

Они шли под уклон. С непривычки у Николая ныл затылок и дрожали колени. Воздух здесь был сырой и, казалось, подогретый. Дышать трудно, от пота намокла рубашка и прилипла к телу.

Понимая, что должен чувствовать человек, впервые спускающийся в катакомбы, связной сказал:

— Потерпите еще немного. Скоро главная штольня, там малость полегче.

«Где я видел этого человека? — неотвязно вертелась у Николая мысль.— И голос знакомый, и лицо, и фигура...»

— Послушайте, Борода, вы знаете, как меня зовут, и даже называете по отчеству, а себя не представили. Нехорошо! — сказал Николай, когда они остановились для краткого отдыха.

— Игнат Иванович Туленко. Меня больше величают Старшиной. Вот и вы так — Старшина.

— Далеко нам еще, Старшина? — спросил Николай.

— Нет, недалеко. Вот опаздываем мы, это плохо! — Он вытащил за брелок карманные часы на цепочке и посветил фонарем.— Пять минут первого, а товарищ Роман назначил в двенадцать ноль-ноль. Пошли, Николай Артурович!

Штольня расширилась, стала выше, идти было легче. В отсветах фонаря сверкали рыжеватые прожилки. Было так тихо, словно они находились в вакууме, нехватка воздуха усиливала это ощущение.

У каждой развилки штолен, а их здесь было множество, Старшина, подняв над головой фонарь, внимательно изучал условные отметки на камне, разные стрелки, буквы, какие-то иероглифы. Связной хорошо разбирался во всех этих знаках и безошибочно находил нужную дорогу.

— Сюда примыкают катакомбы Кривой Балки, а сбойку от уксусной лавки Штебенко мы делали сами. В бочках на фуре возили ракушечник к отвалу... Каторжная была работенка!..

Спустя несколько минут неожиданно, направив из темноты стволы автоматов, их остановила охрана.

— «Из тьмы к солнцу!» — назвал Старшина пароль.

— Проходи! — отозвался кто-то из глубины штольни.

Они ступили в широкий коридор, затем свернули в большой зал. В глубине ниши, вырубленной прямо в ракушечнике, стоял бюст Владимира Ильича Ленина. Посредине ровно опиленная глыба камня, накрыта кумачовой скатертью. На этом столе фонарь «летучая мышь». Сиденья из камня вокруг стола.

Навстречу им поднялся высокий человек, чубатый, с сильным, волевым лицом и цепким, внимательным взглядом серо-голубых глаз.

— А я начал беспокоиться! — сказал он, протянув руку Николаю, и представился: — Роман. Рад вас видеть, Николай Артурович! Хотя мы и в курсе того, что делается наверху, все же рады каждому новому человеку!

— Я могу идти, товарищ Роман? — спросил Старшина.

— Надо, чтобы ты присутствовал, Игнат Иванович!

— Есть присутствовать! — отозвался Старшина.

Они сели возле каменного стола, словно в кабинете секретаря райкома. Неровный свет фонаря подсвечивал снизу бюст в нише, и казалось, что Ильич, глядя на них своим мудрым, с лукавым прищуром взглядом, с интересом прислушивается.

— Нуждаемся в помощи, товарищ Роман...— сказал Николай и осекся.

Но товарищ Роман считал обращение к подпольному райкому чем-то обычным, само собой разумеющимся и сказал:

— Конкретнее.

— Нам необходимо передать по рации на Большую землю разведданные, разумеется шифром...

Товарищ Роман и Старшина переглянулись.

— Вам должно быть известно, что замурованы все выходы из катакомб, кроме того, сигуранца ведет круглосуточное наблюдение за эфиром. Нам каждый раз приходится искать новый выход, зачастую с большим риском для подпольщиков. Чтобы избежать радиопеленгации, мы не ведем по рации длительных передач.

— Как же быть? — спросил Николай.— Фронт приближается, а разведданные о береговой и противовоздушной обороне, важные сведения о немецком флоте лежат в тайнике...

— Срочно направляйте связного через линию фронта,— сказал Роман.

— Мы думали над этим, но не можем найти подходящего человека. Связная Покалюхина — способная разведчица, у нее отличная память, наблюдательность, она умеет логически мыслить, смелая, настойчивая девушка, но болезненна и вряд ли сможет вынести физические лишения, связанные с переходом.

— Быть может, кто-нибудь из подпольной группы на судоремонтном? — спросил Роман.

— Есть один, Мындра Иван Яковлевич. Осторожный человек, с хитрецой, умеет подходить к людям, исполнителен. Я о нем думал и отказался. Теперь, когда немцы подчистую выметают резервы, мужчине трудно перейти фронт. Могут принять за дезертира или, еще хуже, за перебежчика.

— Да, женщине было бы легче...— согласился секретарь.

— Порекомендуйте человека, товарищ Роман.

— А почему бы вам не послать Глашу Вагину?

— Кого? — переспросил Николай. Ему казалось, что он ослышался.

— Глафиру Вагину,— спокойно повторил секретарь.

Только теперь до сознания Николая дошло, что речь идет о Глаше с Коблевской, маленькой швее, простой скромной женщине... Пожалуй, лучше не придумаешь!

— Все, что мы можем для вас сделать,— сказал

Роман,— это кратко передать в центр, что действуете вы успешно и ждете связного.

— Спасибо и за это. Передайте: «Золотников ждет связного». Они поймут. Что касается оценки нашей работы, думаю, время еще не пришло.

— Передадим этой же ночью,— пообещал секретарь.— Теперь о времени и оценке. Мне кажется, что всегда время и поддержать человека, и предостеречь. Тем более, что райком имеет на это право. Мы наблюдаем за вашей работой, поддерживаем и иногда поправляем... Как, например, было с провокатором сигуранцы Дегтяревым...

— Так это вы? — удивился Николай.

— Подпольный райком предупредил вас об опасности через Глафиру Вагину. Вся ваша деятельность проходит у нас на глазах, и мы вправе, как видите, давать оценки.

— Беру свои слова назад...

— У вас все? — спросил Роман.

— Крайне необходима взрывчатка.

— Взрывчатки нет, сами нуждаемся. Организуйте производство...

— Нужен специалист. Как вы думаете, можно привлечь профессора Лопатто?

— Лопатто остался в городе по заданию партии. Не хотелось бы подвергать профессора риску, которого можно избежать. Но в случае крайней необходимости поговорите с ним...

— Можно сослаться на вас?

— Скажете, что вас направил к нему товарищ Роман. У вас все?

— Да.

— Тогда у меня есть к вам вопрос: по мере того как фронт приближается к Одессе, должны

обостряться противоречия между оккупантами, не так ли?

— Отношения между оккупантами никогда не были хорошими, а сейчас становятся особенно острыми. Гитлеровцы вытесняют своих союзников со всех командных постов. Ходят упорные слухи, что само название территории — «Транснистрия» — упраздняется...

— Помните: последними из Одессы будут уходить гитлеровцы, они приложат все усилия, чтобы от судоремонтного завода не оставить камня на камне. На вас ложится большая ответственность.

— Понимаю.

— И последнее: вы печатаете сводки Информбюро и расклеиваете в городе. У вас считается похвальной лихостью наклеить сводку под носом сигуранцы. Игра в прятки со смертью. Надо строго соблюдать законы конспирации. Расклейку листовок прекратите. Достаточно и того, что ваши люди регулярно слушают сводки, записывают их и размножают на машинке. Каждое воскресенье передавайте сводки товарищу Федору. Пароль тот же.

— Понимаю.

— На связь с Федором выделите специального человека, умного и достаточно опытного. Затем, есть у вас такой мастер... Да, Гнесианов! — вспомнил Роман.— Так вот, этот товарищ очень откровенно торгует бронзой и баббитом. Вырученные деньги идут на нужды группы?

— В основном да...

— От услуг этого товарища откажитесь. Мы к вам направим человека, его зовут Семен Шпак... Запомните: Семен Шпак! Он реализует вам цветные металлы по более высоким ценам и без ненужного

риска. Ваше обращение-листовка к местным немцам вызвало живой интерес. Многие местные немцы призадумались, некоторые уклоняются от сдачи оккупантам хлеба, мяса и овощей. Через некоторое время вам следует обратиться к ним с новой листовкой. Вот, кажется, и все, что поручил мне передать вам районный комитет партии. В случае надобности можете связаться с нами минуя Федора, непосредственно через Туленко Игната Ивановича, или, как мы его привыкли звать, Старшину. Он работает подсобным рабочим материально-технического склада на судоремонтном. О деталях договоритесь с ним лично.— Товарищ Роман поднялся и протянул руку: — Желаю удачи! Не зарывайтесь. Поменьше азарта. А то у вас, Николай Артурович, есть эдакая рисовочка опасностью. Не надо.

— Ясно, товарищ Роман! Спасибо! От всей души спасибо...

— Игнат Иванович,— обратился Роман к Туленко,— проводи товарища до моста и возвращайся, надо поговорить.

Николай простился с Романом и вслед за Туленко вышел.

Обратный путь показался легче, быть может потому, что настроение у Николая было отличное. Сознание того, что ты не один, что за тобой испытанная, сильная организация, на которую можно в трудную минуту положиться, наполняло его радостным, приподнятым чувством.

Когда они, совершив два подъема по вертикальной шахте, позвонили, наверху долго стояла ничем не нарушаемая тишина.

— Очевидно, в лавке покупатели,— тихо пояснил Старшина.

— Что же, товарищ Роман совсем не выходит на поверхность? — так же тихо спросил Николай.

— Редко. Ему нельзя, знают его в лицо...

— Тяжело в катакомбах. Кажется, что вся эта толща земли давит на грудь, мешает дышать...

— Один румынский ученый с «научной» точки зрения совершенно точно доказал,— улыбнулся Туленко,— что партизаны долго под землей не выдержат. Во-первых, писал ученый, нехватка воздуха, во-вторых, человек не может жить без солнца, а в-третьих, без витаминов. Румыны успокоились и стали дожидаться, когда партизаны перемрут в катакомбах. А научный этот работник не учел того, что в подземелье Одессы — советские люди! Коммунисты! Большевики! Как видите, товарищ Роман живет и трудится!..

В это время наверху послышался грохот отодвигаемой бочки. Крышка откинулась, и сквозь тьму проступил бледный прямоугольник открытого люка.

Туленко задул фонарь, повесил его на прежнее место, и они начали подниматься по лестнице.

— Постойте маленько здесь, в подсобке, пока глаза привыкнут к дневному свету,— сказал Старшина.— Если я вам буду нужен, приходите на склад, покажитесь и уходите, где побезопаснее. Я приду. Ну как?

— С непривычки трудно...— сознался Николай Артурович.

— Сейчас пройдет.

Они постояли еще некоторое время и затем вышли из подсобки. В лавке не было никого. Штебенко, отец и сын, улыбнулись им из-за прилавка. Николай и Старшина пошли к площади.

— Идите, дальше я доберусь сам,— сказал Николай.

Но Старшина отрицательно покачал головой:

— Приказано до моста. У нас дисциплина железная.

Тут же за мостом Николай нанял извозчика и поехал к профессору Лопатто. На звонок ему открыл Эдуард Ксаверьевич:

— Марии Трофимовны нет дома! — громко сказал он и захлопнул дверь.

За то короткое время, что дверь была открыта, из кабинета потянуло табачным дымом. Лопатто не курил. Стало быть, у профессора кто-то был, встречу с кем он хотел предотвратить.

Николай поднялся этажом выше и, не выпуская из поля зрения дверь в квартиру Лопатто, приготовился ждать.

Прошло минут пятнадцать — двадцать, когда снова щелкнул замок двери и на площадку вышел, брезгливо выпятив нижнюю губу, профессор Хайлов.

— Ну и черт с тобой! — прошипел он, спускаясь по лестнице.

Громко хлопнула входная дверь.

Немного выждав, Николай спустился на второй этаж и позвонил.

— Я так и думал, что вы поймете...— сказал Лопатто, пропуская его в кабинет.— Был профессор Хайлов, и я почему-то решил, что вам встречаться не следует...

— Думаю, и у вас, Эдуард Ксаверьевич, с этим господином нет ничего общего,— улыбнулся Николай.

— Хайлов считает меня красным. Приближается фронт, и крысы бегут с корабля.

— В нашем доме крысы не обязательны,— заметил Николай.

— Да, конечно... Вас, очевидно, интересует завод...

— Я знаю, ваш проект принят и завод восстанавливается. Эдуард Ксаверьевич, меня к вам направил товарищ Роман.

— Наконец-то! Признаться, я думал, что обо мне забыли,— профессор улыбнулся, и его лицо приняло какое-то новое выражение.

— Вас не забыли. Просто не хотели подвергать ненужному риску...

— Мне это не совсем понятно. Когда я должен был эвакуироваться с институтом, меня вызвали в партийный комитет — было это, помню, как сейчас, двадцатого сентября — и предложили остаться в Одессе. Я знал, что меня ждет, но все же остался... Кстати, тогда в парткоме я и познакомился с товарищем Романом. Вы давно его видели?

— Сегодня.

— Чем я могу быть вам полезен?

— После того как наши войска захватили Армянск, группировка немецкой армии в Крыму отрезана. Снабжение Севастополя возможно только морем. Мы должны нанести чувствительный удар по немецкому флоту. Для успешной диверсии необходима взрывчатка, мины с тепловым взрывателем, замаскированные под каменный уголь...

Профессор Лопатто поднялся с кресла и, потирая подбородок, прошелся по кабинету. Он был озабочен.

— Если изготовление таких мин связано с большим риском, считайте, Эдуард Ксаверьевич, что с этой просьбой я к вам не обращался...

— Опять опека?! Скажите, почему я должен опасность обходить стороной? Чураться всякого риска?! Кто вам дал право устранять меня от участия в борьбе?!

— Вы меня не так поняли...

— Нет, это вы неверно истолковали мое раздумье... Я думал о трудностях... Отдельные компоненты придется изготовлять в университетской лаборатории, а собирать здесь, у меня в кабинете. Вы можете выточить металлический корпус и капсюль?

— Дайте чертеж, укажите размеры...

— Кроме того, подберите подходящий кусок угля и проточите в нем отверстие... Я сейчас набросаю вам...— Профессор сел за стол и пододвинул к себе лист бумаги.

В передней послышался звук открываемого замка.

Перехватив настороженный взгляд Гефта, профессор сказал:

— Это Мария Трофимовна. Она «делала базар», как говорят в Одессе.— Эдуард Ксаверьевич улыбнулся.— При жене ни слова. Тоже опекун...

Приоткрыв дверь, Мария Трофимовна заглянула в кабинет и, без особого удовольствия, поздоровалась с Гефтом. Женщину беспокоили непонятные и, казалось, ненужные связи мужа с незнакомыми ей людьми.

— Вот чертеж. Размеры я проставил,— сказал профессор Лопатто.— Высокий класс точности не требуется.

Гефт внимательно посмотрел на чертеж, закрыв глаза, представил себе его во всех деталях и вернул Лопатто:

— Можете уничтожить. Завтра, Эдуард Ксаверьевич, я занесу вам первую заготовку и кусок угля...

— Вы действительно запомнили чертеж? — удивился профессор.

Гефт перевернул лист чистой стороной, быстро начертил корпус, капсюль взрывателя и проставил размеры:

— Проверяйте, профессор.

— Точно. А знаете, Николай Артурович, вы молодец! У вас верный глаз и отличная память.— Профессор сложил чертеж вчетверо, разорвал его и бросил в корзину.

— Так, Эдуард Ксаверьевич, нельзя...— Николай поднял корзину и стал выбирать обрывки чертежа.

— Юношеская романтика тайны,— с доброй усмешкой сказал Лопатто.— Кого может соблазнить содержимое моей мусорной корзинки?

— Есть такие «мусорщики»... Они добывают неплохую информацию...

Николай открыл печную дверцу, поджег клочки бумаги и бросил их на поддувало.

Лопатто смотрел на крупные, энергичные черты лица Николая, освещенные вспышками пламени, и откровенно ему завидовал. С первых же дней войны его дружески и в то же время решительно оберегали от непосредственного участия в борьбе. Когда в сентябре его вызвали в партком и предложили остаться в Одессе, он согласился не задумываясь. В состоянии крайнего напряжения он ждал, что вот придет к нему человек, назовет условное имя и потребует от него борьбы, сопряженной с риском, с опасностью... Но шли дни, недели, месяцы, а к нему никто не приходил. Целый год он жил

в ожидании, но о нем словно забыли. Спустя год Эдуарда Ксаверьевича пригласили в университет. Изменились условия его жизни, семья перестала нуждаться, но он по-прежнему ждал человека, который придет к нему и потребует действия... И вот этот человек пришел. Конечно, он не так представлял себе участие в борьбе, но...

Николай поднял с пола тонкое полено, помешал им в печке и захлопнул дверцу. Пообещав завтра же к вечеру принести металлические заготовки, он ушел.

С Мясоедовской Николай свернул на Болгарскую, вышел проходным двором к дому Семашко и заглянул в подворотню — старики были во дворе. Только он прикоснулся к замку, как дверь открыла Зинаида:

— Я знала, что ты придешь,— здороваясь, сказала она.— Приемник уже включен.

Подняв творило, они спустились в подвал и надели наушники.

Который раз они слушали передачи Информбюро, и всегда с новым волнением, как сейчас...

Удары метронома затихли...

— Говорит Москва! От Советского информбюро,— послышался голос Левитана.— Войска 2-го Украинского фронта после трехдневных упорных боев 9 декабря овладели городом и железнодорожным узлом Знаменка!..

Николай пододвинул к себе карту и нашел Знаменку, узел железных дорог Черкассы — Первомайск, Кременчуг — Николаев...

«Фронт быстро продвигается на запад, надо спешить с посылкой связного,— думал он, двигая острием карандаша по карте.— Первомайск. Пропуск

до Первомайска, а там несколько дней пересидеть в подвале и...» — Он глянул через плечо Зинаиды на запись:

> «...подбили и уничтожили 122 немецких танка,— прочел он,— из них 92 в районе северо-восточнее *Черняхова*...» [1]

Николай снова пододвинул к себе карту. Тяжелые танковые бои шли уже в ста километрах западнее Киева.

Зина выключила приемник и сняла наушники.

Когда они выбрались из подвала, Николай предупредил:

— Твои обязанности, Зина, ограничиваются прослушиванием сводок и передачей записи Покалюхиной. Расклейкой мы заниматься не будем...

— Что-нибудь случилось? — забеспокоилась она.

— Нет, но могло бы случиться.

— Что-то ты, Коля, сегодня сверкаешь, словно новенький гривенник! — пытливо вглядываясь в его лицо, сказала Зина.

На вопрос он не ответил, но почувствовал сам свою беспричинную улыбку, необычный подъем сил. И только четверть часа спустя, на Большой Арнаутской — он шел к Юле,— Николай подумал о том, что его так взволновало. Улыбка была не беспричинна. «Мы наблюдаем за вашей работой, поддерживаем, иногда направляем...» — сказал товарищ Роман. Исчезло ощущение одиночества, так угнетавшее его в последнее время. Теперь борьба приобретала новый характер, новые краски!..

---

[1] «Сообщения Советского информбюро», т. 5, стр. 281—282.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Во двор дома на Коблевской Николай вошел, когда совсем стемнело. По его расчетам, Глашино окно было последнее налево. Сквозь узкую щель маскировки мерцал свет. Он приник к окну и увидел Глашу. Как и в первый раз, она была в полотняной рубашке с широкими бретельками, подчеркивавшими ее тонкие, словно девичьи, плечи. Чему-то улыбаясь, она шила на машине, подрубая длинным цветастым лоскутом некрашеный льняной холст.

Николай осторожно постучал. Женщина остановила машину и, глядя в окно, прислушалась. Он постучал вновь. Тогда Глаша погасила свет, подошла к окну и откинула светомаскировку. Николай зажег спичку и близко поднес к своему лицу. Видимо узнав его, Глаша постучала в ответ.

Он ждал, пока женщина привела себя в порядок и открыла дверь.

Хорошо ориентируясь, Николай пошел по коридору вперед.

В комнате был все тот же рабочий беспорядок. Глаша закрыла дверь, пододвинув табурет, села рядом с ним, сложила на коленях руки и доверчиво улыбнулась.

На лице Глаши можно было прочесть откровенное любопытство и самую искреннюю доброжелательность. Ее по-детски полные губы чуть приоткрыты в улыбке. С губами улыбаются и глаза, собирая в уголках множество мелких складочек.

Они не виделись с того самого вечера, когда Глаша подстерегла его возле дома, чтобы предупредить о провокаторе Дегтяреве. Прощаясь, он тогда сказал ей: «Прошу вас без очень большой нужды

не искать со мной встречи». Но пришло время, и он ищет этой встречи:

— Меня привело к вам, Глаша, неотложное дело...— сказал он, преодолевая неловкость.

Сквозь глубокий вырез ее ситцевого платья был виден ворот полотняной рубахи с вколотыми иголками и цветными нитками. Сдерживая волнение, Глаша поднесла руку к вороту и стала разматывать с одной из иголок нитку и наматывать вновь...

А Николай молчал, остро ощутив опасность того, что собирался ей предложить. Он явственно представил себе Глашу на допросе в гитлеровской контрразведке, ее беспомощно вывернутые тонкие руки...

— Вы сказали, неотложное дело...— нарушила Глаша молчание.

— Помните, в июне, когда я пришел впервые,— начал Николай,— вы еще вышли ко мне на улицу...

— Помню, вы спрашивали мужа.

— К Якову Вагину у меня была явка. Он должен был остаться в городе для связи...

— Поначалу, так оно и было. Яков перебрался квартировать к одному штурману на Пересыпи, установил связь... А десятого октября, рано утром, вот как вы, постучал в окно, простился...

— Трудно сейчас докопаться до истины, почему десятого октября Яков Вагин ушел на военном транспорте...

— Яша сказал — «приказ»...

— В суматохе эвакуации приказов было много, и разных. Со временем все станет ясным, что к чему, разберутся... Теперь же дело не ждет. Нет Вагина — нет рации. Нужно посылать человека через линию фронта. Мужчине трудно, схватят как дезертира, стало быть, женщина...

— Господи, да никак вы меня собираетесь посылать?! — она от удивления всплеснула руками.

— Вас, Глаша.

Улыбка сбежала с ее лица. Она встала, прошлась по комнате, зачем-то стряхнула и аккуратно сложила начатый коврик и, помедлив, сказала:

— Я должна подумать, дня три...

Он понял, что Глаша хочет связаться с подпольем, поэтому сказал:

— Мне рекомендовал вас товарищ Роман.

— Вы видели товарища Романа?

— Да, сегодня утром, Глаша, время не ждет. Наши войска с боями продвигаются к Одессе. Разведданные о гитлеровской обороне города должны быть переданы командованию...

— Раз товарищ Роман сказал, я не против. Сумею ли? Вы обо мне вон как думаете, а я такая, знаете, средняя... С памятью у меня плохо... Училась на тройки... Вся, как есть, нескладная я...

— Вы мне все это говорите, чтобы я от вас отступился?

— Зачем вы так? Я согласна. Не девочка, понимаю. Немного страшно, но это как в холодную воду — сперва обожжет, а обвыкнешь — ничего... Говорю так, чтобы знали, трудно будет со мной. Вам небось мнится смелая, сильная. А я... Ну, средняя, и все тут, яснее не скажешь.

— Знаете, Глаша, не верю я в средних людей. Самый простой, ничем не примечательный человек в дни испытаний может стать героем. Думается, в каждом дремлет до поры его внутренняя красота, что ли... Его способность к подвигу...

— А можно мне вас спросить?

— Да.

— Посылка от Якова и... Ну, всякое такое, на словах что велел передать... И что красивее меня нет на свете... И что любит, что вернется, только ждать его крепко велит... Это вы сами? От себя? Ну скажите мне правду, как на духу!

Глаша взяла его за руку и, глядя прямо в глаза строгим, изучающим взглядом, замерла в ожидании.

Николаю не было стыдно своего поступка. Передавая Глаше посылку, он думал об Анне и сыновьях. Ему казалось, что и там, в предгорье Алтая, найдется человек, который вспомнит о нем, передаст жене доброе слово. И, все же чувствуя неловкость, Николай признался:

— Помните, Глаша, при встрече, вы сказали: «Кто я теперь, солдатка, вдова...» Крепко запали мне в сердце слова эти... Хотел поддержать вас, чтобы выстояли, дождались...

— Я тогда еще поняла — пришел добрый человек, утешил душевным словом. Спасибо и на этом. Знаете, как вы меня поддержали. А Яков... Что ж Яков... Если бы он вас накануне встретил, передал бы все, что сказали мне вы... Простите меня, глупую, баба она баба и есть...

Глаша подошла к столику, открыла пудреницу, оклеенную ракушками, глядя в осколок зеркала, припудрила нос и, устроившись на табуретке, сложила руки ладошками.

— Где вы родились, Глаша? Росли, учились? — спросил Николай.

— В Балаклее, на реке Тясмин. Кончила начальную школу. Когда мама умерла, отец, он портновским делом занимался, переехал в Одессу...

— Балаклея на дороге Прилуки — Черкассы — Вапнярка?

— Я дальше Смелы не бывала. Что Черкассы недалеко, знаю.

— У вас кто-нибудь в Балаклее остался?

— Папина сестра, тетка Раиса. По мужу Голещук.

— Муж теткин чем занимается?

— Он по торговой части.

— Примет вас тетка, если вы к ней приедете?

— Не знаю... Много лет прошло... Тетка ко мне была ласкова. До войны приезжала она в Одессу, хоронить брата, отца моего. Звала в Балаклею. Мы, говорит, тебя за хорошего человека выдадим... А я тогда уже сердцем к Якову прилепилась. В прошлом году получила от нее письмо. Глебушка поторговывает. Живут они сытно. Раиса спрашивала, не могу ли я к ним приехать, привезти мануфактуры для «торгового оборота»... Только недавно письмо это на глаза попадалось...

— А вы вспомните, это важно.

Глаша выдвинула ящик машины, порылась в лоскутах, затем достала из-под кровати фанерный баул, перебрала в нем всякую мелочь. Долго стояла Глаша посреди комнаты, наморщив лоб, приложив палец к носу, пока не вспомнила: сложив конверт гармошкой, заложила им форточку, чтобы от сквозняка не хлопала!.. От такого обращения конверт пострадал, но письмо сохранилось, Николай внимательно прочел его и спросил:

— У вас, Глаша, какой район префектуры полиции?

— Греческая — угол Полицейского переулка.

— Завтра же утром отправляйтесь с этим письмом в префектуру и требуйте пропуск в Балаклею. Скажите, что по делам коммерции, продать мануфактуру и купить продукты...

— А у меня, кроме этих лоскутов, и нет ничего...

— Мануфактура, Глаша, будет. Требуйте пропуск. Нельзя терять ни одного дня: бои идут на ближних подступах к Черкассам!

— Вы думаете, дадут они пропуск?

— В префектурах полиции все покупается и продается. Предложите им взятку...

— Как же это?

— Идите прямо к комиссару полиции. Скажите: я, мол, человек коммерческий. Вы мне пропуск, господин комиссар, я вам марки. Вот задаток — сто марок, получу пропуск — еще двести! Дала бы больше, но, сами понимаете, деньги в товаре. Вернусь из Балаклеи, тогда пожалуйста — муки, манки, сахару!.. На обещания не скупитесь!

— У вас складно получается...

— Когда надо, Глаша, и у вас получается складно. Помните, с Дегтяревым...

— Так разве ж то я сама?

— Вы, Глаша, верующая? — неожиданно спросил Николай.

— Девчонкой была, бабка в церковь силком водила, а выросла, так... Яков-то у меня коммунист.

— Понимаю. Вот вам, Глаша, записная книжка и «Молитвослов». Вы в эту книжку выпишите молитвы на каждый случай. На первой странице вот отсюда. «Непрестанно молитеся. О всем благодарите: сия бо есть воля божия о Христе Иисусе в нас»,— прочел он.— А потом я между строк впишу невидимыми чернилами данные разведки. Вы раздобудьте себе где-нибудь крест нательный, иконку небольшую, церковные свечи... По возможности оденьтесь во все черное, вроде монашки...

— Понимаю.

— Сейчас же после моего ухода садитесь, Глаша, и переписывайте. Ну, а на память придется все же кое-что выучить. Об этом завтра. Вот вам на расходы триста марок,— он отсчитал деньги и положил на швейную машину.— Скажите, удобно, если я приду завтра в это время?

— Да, конечно. Вы только в окно постучите. Бруна теперь здесь не живет...

— И не бывает?

— Приходила раз за вещами. Меня уговаривала на «легкую жизнь»... Говорит, живет богато и весело.

— Знаю я ее жизнь...— усмехнулся Николай.

— Врет?

— Пожалуй что и не врет.

— Бог ей судья...

— Зачем бог? Мы ее сами судить будем.

Открыв записную книжку, Глаша спросила:

— Расстояние между строчками оставлять побольше?

— Нет. Пишите так, как вы пишете всегда. Чернила у вас есть?

— Соседский мальчонка грамоте учится, все палочки выводит, кружочки... Так я у него возьму...

— Стало быть, завтра утром вы идете в полицию за пропуском. Желаю удачи! — Он пожал на прощание руку и направился к двери.— До завтра! Закройте за мной.

Николай быстро миновал длинный коридор. За ним громыхнула тяжелая задвижка.

Под аркой ворот Николай вынул из кармана кожаной куртки нарукавную повязку с имперским орлом, надел ее и вышел на улицу.

Сегодня, когда он вернулся с Большой Арнаутской, дома его ждала записка от Мавромати. Хозяин

«Гамбринуса» приглашал его в цирк на матч Олега Загоруйченко. Программа, вложенная в конверт, обещала:

ОЛЕГ ЗАГОРУЙЧЕНКО

Бои с двумя противниками!

3 раунда по 3 минуты против РАТКЕВИЧА!	3 раунда по 3 минуты против ЛАПИНА!

Отказаться от предложения Мавромати было бы неразумно; в его ложе всегда бывали гитлеровские высокие чины и элита оккупационной администрации.

Цирк был на Коблевской, в двух кварталах от дома, где жила Глаша Вагина, и все же Николай опоздал, бой уже начался.

В ложе Мавромати помимо Аси Квак и Москетти, племянника итальянского консула, был сам оберфюрер Гофмайер, начальник оберверфштаба адмирал Цииб, баурат Загнер и руководитель «Фольксдейче миттельштелле» оберштурмфюрер Гербих. В ложе рядом — весь цвет румынской оккупационной власти во главе с губернатором профессором Алексяну и шефом дирекции культуры Трояном Херсени.

На ринге шел бой молодых боксеров клуба «Ринг». Был третий раунд. Бойцы выдохлись, часто переходили в клинч. Арбитр разнимал боксеров, делал замечания, стараясь показать зрителям, что не имеет никакого отношения к этим неопытным парням в боксерских перчатках.

Зрители, настроенные снисходительно, бросали реплики:

— Та я ж их знаю! Це ж хлопцы с Молдованки!

— И что ты машешь руками? Что?

— Жора, дай ему плюшку! Дай!

И Жора при выходе из очередного клинча дал «плюшку», рассек партнеру губу. Хлынула кровь. Бой остановили. Судьи по очкам засчитали Жоре победу. На ринге появилась другая пара из того же клуба, такая же неопытная и неловкая.

Дожидаясь своего любимца Олега Загоруйченко, немцы не следили за ходом боя и вели неторопливый разговор.

Николай прислушался и понял, что речь идет о большом расточном станке механических мастерских, который румыны пытались демонтировать и вывезти с судоремонтного завода в Констанцу.

— Я этому хлыщу демонтаж запретил! Тогда он приказал шефу Купферу демонтировать станок в ночную смену. Я снова вызвал этого артиста, а он оправдывается тем, что получил специальную инструкцию за подписью начальника румынского генерального штаба Штефеля...— жаловался майор Загнер адмиралу Циибу.— Да вот и он, идет по проходу!

— Позовите его! — приказал адмирал.

Загнер поднялся и махнул рукой румынскому офицеру.

— Занимаемая должность? — спросил Цииб.

— Командир специального отряда «Зет-1»...

Распространяя запах крепких духов, румынский майор, нарядный и действительно хлыщеватый, поднялся в ложу, доложив:

— Майор Думитру Котя!

— Вам известно, майор, что судоремонтный завод выполняет заказы германского военного флота? — резко спросил Цииб.

— Известно, господин адмирал!

— Почему же вы приказали демонтировать расточной станок?

— Инструкция, господин адмирал...

— Идите вы с вашей инструкцией...— Цииб притянул его к себе за борт мундира и тихо закончил фразу. Адрес был понятен.

Румынский майор побледнел и качнулся назад, наступив на ногу Гофмайеру. Оберфюрер выругался и толкнул офицера в спину.

— Можете идти! — отпустил его адмирал.

В это время общее внимание привлек к себе Олег Загоруйченко. В элегантном халате, наброшенном на плечи, он нырнул под канат и оказался на ринге.

Немцы встретили боксера аплодисментами.

На противоположном углу ринга появился боксер Раткевич. Он казался выше своего партнера и шире в плечах.

Николай проследил за румынским майором, который спустился вниз и прошел за кулисы цирка.

В качестве арбитра на ринге выступал чемпион Одессы, президент клуба «Атлетика».

Загоруйченко сбросил халат на руки своего тренера. Он был в темно-синих трусах с белым пояском и изображением украинского трезубца. Самоуверенный, спокойный, боксер смотрел исподлобья на своего партнера, как мясник на быка. В фигуре Раткевича, в выражении его лица было действительно что-то грубое, скотское...

Арбитр объявил все спортивные титулы Загоруйченко, скромно представил Раткевича, его клуб и тренера.

Бой начался.

Раткевич был малоподвижен, но руки его таили в себе большую самобытную силу, он это знал и рас-

считывал покончить с партнером одним решительным ударом.

Загоруйченко, словно совершая разминку, был подвижен, легкими и быстрыми ударами дразнил Раткевича, вызывая его на более решительные действия.

Раткевич нанес прямой удар, но Загоруйченко легко ушел назад, так же быстро перешел в наступление и ответил левой, точным и сильным ударом. Партнер с каким-то недоумением на лице коснулся спиной каната и потерял боевую стойку, чем воспользовался Загоруйченко и нанес серию быстрых ударов, встреченных общими криками и возгласами одобрения.

Кончился первый раунд.

Тяжело дыша, Раткевич упал на табурет и, скосив глаза, слушал наставления тренера.

Загоруйченко, держась за канат, принимал картинные позы, играл мускулами, обменивался взглядами и улыбками с публикой.

— Кстати, господин майор, как можно расшифровать «Зет-1»? — спросил баурата Гефт.

— Специальное соединение для захвата средств производства, культурных и художественных ценностей на оккупированной территории,— охотно ответил Загнер.— Организация по типу наших частей Риббентропа или батальона особого назначения войск СС доктора Нормана Ферснера. В соединение «Зет-1» входит саперная рота, шоферская, группы автогенщиков и специалисты по художественным ценностям.

Прозвучал гонг, и начался второй раунд.

Раткевич ушел в глухую защиту. Тяжело ступая по рингу, он ждал своего времени, но время работало

против него. Легко, словно играя, Загоруйченко тревожил Раткевича частыми и довольно сильными ударами.

Зрители откровенно потешались над Раткевичем:

— Мясник!.. Увалень!.. Тумба!..

— Это тебе не тушу разделывать!

— Чемпион с Привоза!

И нервы Раткевича не выдержали: слепой от ярости, он пошел на соперника, нанес сокрушительный удар, увы, попавший в подставленную перчатку, но тотчас получил ответный прямой в солнечное сплетение. Раткевич упал на колено, вскочил и ринулся на противника. Загоруйченко при помощи нырков и уклонов легко уходил, успевая наносить сильные и точные удары в голову.

В перерыве между вторым и третьим раундом Раткевич с трудом восстанавливает дыхание. Он набирает воду, чтобы ополоснуть рот, и зрители слышат, как его зубы стучат о кружку. Тренер вытирает его, обмахивает полотенцем, шепчет ему на ухо.

Загоруйченко, опираясь о канат, сидит на табурете. Дыхание его ровное, спокойное. Он улыбается, наблюдая за противником.

— Как жаль, Николя, что нет с нами Берты Шрамм! — обратилась к Гефту Ася Квак.— Бедная, она так любила бокс...

Николай чувствует на себе пристальный взгляд Гофмайера.

«Конечно,— думает он,— начальник гестапо, услышав эту реплику, прежде всего задался мыслью: не я ли автор анонимки, разоблачившей Млановича?»

— Да, жаль, что Берты нет с нами! — собрав все силы, с эдаким светским, вежливым равнодушием

отозвался Николай и, встретившись глазами с Гофмайером, пояснил: — Мы говорим, господин оберфюрер, о Берте Шрамм, так загадочно убитой три месяца назад...

— Современная следственная криминалистика не оставляет нам нерешенных загадок, герр Гефт! — медленно сказал Гофмайер, двигая челюстями, словно перекладывая за щекой жвачку.

Удар гонга. Начинается третий раунд.

Загоруйченко уже в самом начале раунда демонстрирует высокий класс бокса. Одна за другой следуют серии ударов. Взбешенный Раткевич, открыв корпус, наносит несколько тяжелых ударов, но они не достигают цели; после неудачного удара левой он на какое-то мгновение теряет равновесие, наклоняется вперед и получает сокрушительный удар в челюсть. Некоторое время он еще на ногах, но уже в состоянии помрачения. Следует сильный, безжалостный удар в солнечное сплетение — и Раткевич грузно, словно мешок с картофелем, падает на ковер...

Арбитр считает время: раз... два... три...

Но Раткевич и после десяти секунд находится в тяжелом беспамятстве, его уносят с ринга.

Зрители устраивают Загоруйченко овацию. Он кланяется, прижимая к груди руку в перчатке, улыбается, принимает большой букет цветов и по частям бросает цветы в публику.

«Как бы не потерять из виду этого майора Думитру Котя,— думает в это время Николай.— Баурат говорил адмиралу о секретной инструкции начальника генштаба Штефеля».

Пользуясь перерывом, Николай отправляется за кулисы цирка. Здесь возле клеток с собачками

в обществе довольно пышной румынской дрессировщицы с ярким созвездием родинок на лице майор Котя. Он так напорист, словно артистка — захваченный им трофей, который он собирается вывезти в Констанцу.

— Господин майор, разрешите представиться: инженер Николай Гефт!

Котя протянул ему руку с анемичными тонкими пальцами и вяло ответил на пожатие.

— Я только что был свидетелем этой отвратительной сцены... Примите, господин майор, мое сочувствие! Если я чем-нибудь могу быть полезен...

— Где вы работаете? — заинтересовался Думитру Котя.

— Я старший инженер-механик «Стройнадзора» на заводе «Шантьер — Новаль»...

— Это интересно! — оживился майор.— Очень интересно! Вот кончится бокс, за которым я слежу с таким живым интересом,— взгляд и улыбка в сторону дрессировщицы,— и мы куда-нибудь отправимся с вами. Выпьем по стакану вина... Не возражаете?

— С большим удовольствием.

Разговор шел по-немецки. Ни слова не понимая, артистка скучала.

— После окончания я жду вас здесь, за кулисами,— закончил майор и занялся дрессировщицей.

Николай вернулся в ложу.

На ринге уже шел первый раунд боя Загоруйченко с Лапиным.

В отличие от Раткевича, этот боксер подвижен и техничен, у него красивая стойка, он быстро реагирует на удар и держится против своего грозного противника довольно мужественно.

Зрители следят за этой схваткой с доброжелательным участием: им жалко Лапина, и они хорошо понимают, что он не противник для Загоруйченко. Опытный боксер лишь тянет время, чтобы зрители получили обещанные им три раунда.

Удар гонга. Перерыв.

— После бокса, Николя,— говорит Ася Квак,— мы все отправляемся в «Гамбринус», отпраздновать победу Олега.

— Стоит ли праздновать легкую победу? — улыбнулся Николай.

— В жизни должно быть больше праздников. Не так ли, Москетти?

Итальянец жестом подтвердил согласие, но внимание его было поглощено рингом: начался второй раунд.

В начале раунда Загоруйченко продемонстрировал несколько красивых ударов. Лапин, по-видимому, не понимал того, что участвует в жестокой и опасной игре. Он часто переходил в наступление, был собран и энергичен. Так с кажущимся переменным успехом закончился второй раунд.

— В «Гамбринус» я приеду немного позже,— сказал Николай.— Меня познакомили с одной актрисой...

— По-ни-маю...— многозначительно протянула Ася.— Как легко мы забываем старых друзей и приобретаем новых...

— Такова жизнь! — выдохнул Николай, удивляясь той естественности, с которой изрек эту банальность.

— На рождество в «Миттельштелле» мы решили организовать семейный вечер. Приходите, фрау Квак! — неожиданно пригласил ее оберштурмфюрер

Гербих.— Прошу также и вас, герр инженер! — повернулся он к Гефту.

Николай давно стремился попасть в «Фольксдейче миттельштелле»: до зарезу нужны были чистые бланки аусвайсов и пропусков.

— Благодарю за приглашение! — ответил он и спросил: — Вы сказали, господин оберштурмфюрер, что рождественский вечер семейный?

— Да. Мы даже приготовили женщинам подарки.

— Разрешите прийти с сестрой?

— У вас, Николя, есть сестра? И вы это до сих пор скрывали?! — удивилась Ася Квак.

— Двоюродная...— оправдался Николай.

Раздался гонг. Начался третий раунд.

Видимо решив больше не церемониться, Загоруйченко ошеломил противника серией прямых и боковых ударов. Когда же Лапин пошел на сближение, Загоруйченко в инфайтинге провел несколько аперкотов в голову и корпус. Лапин перешел в клинч, но при выходе получил сильный удар в грудь и, беспомощно опустив руки, стал медленно наступать. Загоруйченко, надо отдать ему справедливость, не воспользовался беззащитностью боксера, он отступил перед ним, но Лапин фактически уже вышел из боя и только по законам инерции тяжело двигается по рингу, натыкается на арбитра, судорожно ловит ртом воздух и, словно кукла, выбывшая из представления, падает и повисает на канате.

Раздается гонг. Боковые судьи подходят к рефери. Арбитр поднимает руку победителя. Зрители кричат, свистят, аплодируют...

Пошатываясь и вытирая кровь, показавшуюся из носа, Лапин никем не замеченный уходит с ринга.

С неприятным осадком, который оставил этот бой, еще раз пообещав Асе Квак приехать в «Гамбринус», Николай спустился вниз и прошел за кулисы.

На куче грязных опилок лежал Лапин. Скромно одетая худенькая женщина, держа голову боксера на коленях, вытирала платком его лицо.

— А, вот и вы! — майор Котя подхватил Николая под руку.— Поехали! Да, я вас не познакомил! Инженер...

— Николай Гефт! — подсказал он.

— Артистка цирка Жанна Жако! Неповторимая! Единственная в мире! Чудо циркового искусства!

Они вышли из цирка и сели в фаэтон, запряженный парой серых.

Кучер знал, куда его хозяин может отправиться в это позднее время; он свистнул коням, натянул вожжи, и фаэтон понесся сперва по Коблевской, затем по Преображенской.

Жанна не говорила по-немецки, но помимо румынского отлично владела русским. Здесь же, в фаэтоне, Николай узнал ее несложную историю: дочь русского эмигранта, в Бухаресте сошлась с цирковым клоуном, который и сделал из нее дрессировщицу. В первые же дни войны ее муж попал в армию и где-то в Сальских степях пал во славу маршала Антонеску.

С Преображенской фаэтон свернул на Новую Рыбную и остановился на углу Канатной. Здесь была знакомая Николаю бодега.

Они прошли через зал, пропитанный кислым запахом пива и табака, миновали буфетную стойку и оказались в отдельной комнате, оклеенной темно-красными обоями. Над диваном с обтрепанной

обивкой висела аляповатая копия с картины Боголюбова «Синопское сражение». Посреди стоял стол, покрытый несвежей скатертью, несколько стульев и чахлый фикус в эмалированном ведре.

Следом за ними вошел лысеющий коренастый человек с маленькими бегающими глазками и мясистым склеротическим носом. Он был в морской тельняшке и распахнутом кителе.

— Разрешите представить вам,— по-немецки сказал Котя,— хозяин заведения! Русский моряк. Плавал старшим помощником на большом теплоходе. Совершеннейший мерзавец и плут! Александр Басуль!

Понимая, что его знакомят с Гефтом, хозяин протянул руку с влажными и холодными пальцами.

Майор Котя заказал вино и фрукты.

Что-то о хозяине этой бодеги Николай слышал... Да! В октябре сорок первого он облыжно обвинил в диверсии капитана Нечаева, принял командование «Украиной», ошвартовался в Одессе и дезертировал, скрывался до прихода оккупантов. Позже помогал гитлеровцам разминировать гавань. Басуль действительно предатель и мерзавец, но из уст Думитру Котя, румынского офицера, такая характеристика звучит по меньшей мере странно.

— Я надеюсь, что дама не будет возражать, если, пока принесут вино, мы поговорим о деле? — по-русски сказал майор.

Жанна достала из сумочки зеркало и занялась прической, растрепавшейся во время быстрой езды.

— Я представляю часть румынской армии под индексом «Зет-1»...— майор перешел на немецкий.

— Разрешите вас спросить,— перебил его Николай,— что значит этот индекс?

— Армия несет значительные потери и, разумеется, может рассчитывать на некоторую компенсацию за счет захваченных ценностей. Специальная часть «Зет-1» создана для захвата и эвакуации военных трофеев...

— На этой почве у вас должны возникнуть трения с немецким командованием...

— Чтобы избежать конфликтов, мы при эвакуации художественных и культурных ценностей широко пользуемся санитарными поездами.

— Понятно, санитарный транспорт немцы не контролируют...

«Маршал Ион Антонеску сумел придать грабежу организованный, государственный характер,— подумал Николай.— Но время возмездия близко, и мародеры попытаются спрятать концы в воду. Надо обязательно добыть эту секретно-грабительскую инструкцию за подписью начальника генерального штаба».

— Так чем же я смогу быть полезен? — после паузы спросил Николай.

— Я был бы вам крайне признателен за подробную инвентаризационную ведомость механических мастерских судоремонтного завода. Но дело есть дело! Семь процентов комиссионных...— предложил майор Котя.

— Условия меня устраивают...— замялся Гефт.— Мне только не совсем ясно... Завод принадлежит румынской фирме «Шантьер — Новаль», во главе завода румынская администрация, а вы обращаетесь ко мне, немцу.

— Я не только, как военный, представляю армию, как частное лицо, я защищаю интересы моей фирмы...

— Теперь я начинаю понимать: шеф Купфер представляет интересы конкурирующей фирмы?

— Как говорят русские, «частнокапиталистическая конкуренция».

— Где я вас смогу найти?

Майор вынул визитную карточку и на обороте написал адрес и телефон:

— Вот, пожалуйста. Вы можете застать меня в любое время...

С подносом вошла опрятная девушка в передничке, приветливо поздоровалась, залившись краской, и неумело расставила на столе фужеры, бутылки вина, тарелки и глиняное поливное блюдо с фруктами.

— Понемногу привыкаешь, Лена? — спросил ее майор.

— Да, господин майор. Стараюсь. Вам больше ничего не требуется?

— Нет. Можешь идти.

Девушка вышла. Майор налил вино и, приподняв свой фужер, сказал, глядя на цирковую актрису, но обращаясь к Гефту:

— За наши деловые отношения!..

Николай понял, что мешает, и, выпив вино, поднялся:

— Должен извиниться перед вами, но я обещал быть в «Гамбринусе».

— Очень жаль, но...

— Можно воспользоваться, господин майор, вашим фаэтоном?

— Скажите кучеру. Его зовут Мирон. Мирон Влахуц.

Возле стойки Николай Артурович столкнулся с хозяином.

— Господин уже уходит? — спросил Басуль и, подмигнув, добавил: — Где двое, третий лишний? Быть может, вы сами не прочь развлечься?

«Этот мерзавец не только предатель, но еще и сводник!» — подумал Николай, но сказал:

— Как-нибудь в другой раз...

Поднявшись в фаэтон, Николай подумал и решил ехать домой. Надо было приготовить и зашифровать информацию, ту, что Глаше Вагиной предстоит выучить наизусть.

ТАКТИКА МЕНЯЕТСЯ

Когда Гефт вернулся из заводских цехов к себе в кабинет, на столе лежала записка. Он узнал руку секретаря дирекции.

«Майор Загнер вызывает в «Стройнадзор» к десяти часам утра шефа Купфера и старшего инженера Гефта».

Николай едва успел сделать чертеж, проставить размеры и проинструктировать Рябошапченко, как за ним зашел шеф, и они отправились в «Стройнадзор».

Загнер был чем-то озабочен, но против обыкновения говорил не повышая голоса, сухо излагая обстоятельства дела:

— Сегодня во второй половине дня у заводского пирса ошвартуется быстроходный эсминец «РВ-204». Этот корабль выполняет особое задание и непосредственно подчинен командованию в Киле. На эсминце надо сменить рамовые подшипники. Работа должна быть выполнена отлично. За качество ремонта персонально отвечают шеф Купфер

и инженер Гефт. Приемные испытания будет проводить адмирал Цииб. Срок исполнения — три дня. Вот две тысячи марок на баббит...— Загнер достал из ящика стола пачку денег: — Напишите, герр инженер, расписку.

Получив расписку, Загнер проверил ее, положил на стол и придавил пресс-папье.

— Так вот, господа, многое зависит от того, как будут выполнены работы на «РВ-204». В последнее время жалобы на дирекцию завода поступают пачками. Мы склонны провести расследование. Этим вопросом заинтересовался оберфюрер Гофмайер. Все ясно?

— Как будто все,— ответил Купфер.

— Можете идти! Инженер Гефт, задержитесь!

Когда Купфер вышел из кабинета, майор Загнер сказал:

— Вы немец, и мы вам доверяем.— Он плотно прикрыл дверь и подошел к карте.— Вы знаете, что крымская группировка немецкой армии отрезана?

— Знаю, господин майор.

— Командование вынуждено снабжать наши войска в Севастополе морем. Эсминцу «РВ-204» поручено конвоировать самоходные баржи с боеприпасами и людским пополнением. Говорю это вам для того, чтобы вы поняли всю важность, всю ответственность стоящей перед вами задачи и то огромное доверие, которое вам, как фольксдейчу, оказывает Германия! Хайль Гитлер! — вскинув руку, закончил Загнер.

— Хайль Гитлер! — ответил Гефт.

— Я уверен, что пятнадцатого декабря в двадцать четыре ноль-ноль «РВ-204» уйдет на выполнение задания.

«Пятнадцатого в полночь. Успеет ли Лопатто?» — быстро подумал Николай, но сказал:

— Даю слово, господин майор, «РВ-204» уйдет пятнадцатого ровно в полночь!

— Я верю вам! — закончил Загнер и протянул руку.

Купфер дожидался его внизу. Николай сел в машину и попытался объяснить невежливость Загнера:

— Майор Загнер заклинал меня, как немец немца, уложиться в срок и качественно выполнить работы...

— Я так и понял.— Купфер усмехнулся.— Вы думаете, для чего им так срочно понадобился эсминец? Снабжение крымской группировки! Это же секрет полишинеля! Боюсь, что не за Марицей то время, когда всякая посуда, все, что только может держаться на воде, будет мобилизовано для эвакуации из Крыма.

— Вы, шеф, сегодня настроены пессимистически...— невольно улыбнулся Николай. Он впервые слышал от Купфера столь откровенную оценку событий.

Не заходя к себе в кабинет, Николай отправился в медницкий цех к Гнесианову. Дверь в конторку была закрыта. Поднявшись на ящик, он заглянул через перегородку и увидел Гнесианова. Мастер обедал.

Николай слез с ящика и постучал.

Торопливо проглотив кусок, Гнесианов накрыл свои запасы газетой и отодвинул задвижку. Лицо его приняло обычное, скорбное выражение.

— Приятного аппетита! — сказал входя в конторку Николай.

— Да, тут... Знаете... Чем бог послал...— произнес он неопределенно.

— Баббит у вас есть? — Николай перешел к делу.

— Достать можно...— выжидательно сказал мастер.

— Выкладывайте весь наличный запас!

Требование было категорическое, и Гнесианов, не торгуясь, приподнял доску, нагнулся, пошарил под полом рукой, извлек слиток баббита, положил на стол и вопросительно посмотрел на Гефта.

— Я сказал — весь наличный запас! — повторил Николай.

Вздохнув, Гнесианов вытащил еще девять слитков и поставил доску на место.

Гефт повертел в руках слиток. Это был еще тот баббит, на котором он ставил метки.

— Сегодня в заводском ковше станет на ремонт рамовых подшипников эсминец «РВ-204». Заливку подшипников вы будете производить этим баббитом. Перед установкой я буду проверять сам. И помните, Василий Васильевич, это очень серьезно. Нас проверяют, и мы должны быть вне подозрений. Вы меня поняли?

Гнесианов тяжело вздохнул:

— Понял... А сроки?

— Сроки самые сжатые. Снимите рабочих со всех объектов. Объясните им положение. Предупредите, чтобы никакой самодеятельности! Эту работу мы должны сдать на оценку «отлично». Понятно?

— Понятно. Признаться, я уже соскучился по настоящей работе...

— Скоро, Василий Васильевич, скоро, дорогой! — сказал Николай, понимая, что хотел сказать Гнесианов.

Из-под газеты шел крепкий дух холодной баранины, нашпигованной чесноком, и дразнящий укропный запах соленых огурцов. Николай вспомнил, что сегодня не завтракал, и заторопился:

— Закрывайтесь, мастер, и продолжайте свое единоборство с бараниной! Извините, что помешал! — пошутил он, вышел из конторки и нос к носу столкнулся с Рябошапченко:

— Мне сказали, Николай Артурович, что ты на территории, я и туда, и сюда...

— Неужели готово? — удивился Николай.

— Готово. Но держать это добро в цехе я опасаюсь. Заберешь?

— Сейчас же. Кто точил? — уже на ходу спросил он.

— Берещук. Мне, говорит, понятно что к чему. Дошлый мужик.

В конторке механического оказалась Лизхен — глаза и уши майора Загнера. Здесь же Гефта разыскал по телефону шеф Купфер и сообщил, что эсминец вошел в ковш и на подходе к третьему пирсу.

— Пойдем, Иван Александрович, посмотрим, что за посуда «РВ-204»,— пригласил он Рябошапченко.

Когда они пришли на третий пирс, здесь уже были шеф Купфер, механик Сакотта, главный инженер Петелин и, к удивлению Николая, профессор Вагнер с толстой и белой, как оплывшая стеариновая свеча, немкой в затейливой шляпке, отделанной гроздьями винограда.

Вагнер подошел к Гефту и, указывая широким жестом на подходивший к пирсу эсминец, сказал с расчетом, чтобы его услышала немка:

— Какой красавец! Фрау Амелия фон Троттер, разрешите представить талантливого инженера!..

Гефт назвал себя.

Не отрывая взгляда от корабля, немка протянула Николаю пухлую, взмокшую от волнения руку.

— Что вам, профессор, известно об этом корабле? — спросил Николай.

— Восемь торпедных аппаратов,— охотно ответил Вагнер,— шесть орудий калибра сто двадцать семь миллиметров, десять скорострельных зенитных пушек. Скорость — тридцать узлов. Был построен в Киле в тридцать восьмом году. Командует корветкапитан Фридрих фон Троттер, член национал-социалистской партии...

— Как же эсминец, построенный в Киле, оказался на Черноморском бассейне? — спросил Николай.

— В тридцать восьмом году с визитом дружбы эсминец пришел в Констанцу. Дальнейшее — результат чисто немецкого предвидения...

Низко сидящий, хищно вытянутый по корпусу двухтрубный эсминец был действительно красив. Отрабатывая внешним винтом, тихо, но очень точно, корабль коснулся пирса и замер. Матросы соскочили на пирс и завели швартовы на пал.

По спущенному трапу поднялись на корабль фрау фон Троттер, Вагнер и Купфер. Остальные остались на пирсе.

Увидев здесь же, среди встречающих, Лизхен, Николай молча кивнул Рябошапченко и пошел к механическому цеху.

Оболочка наполнителя и капсюль взрывателя были выполнены отлично. Рябошапченко подобрал и кусок угля, распилил его пополам и сделал углубление.

— Три дня! Всего три дня в нашем распоряжении... Успеть бы, Иван Александрович!

Николай завернул изделие Берещука в газету и, пользуясь тем, что вся дирекция была на пирсе, пошел к себе в кабинет, но передумал и вышел через проходную в город. Здесь стояла машина Загнера, на которой профессор приехал на завод. Николай подошел к шоферу:

— Привет, герр Беккер! — поздоровался он.— К вам большая просьба, стоимость горючего я оплачу: на Дерибасовскую и обратно! — видя, что Беккер колеблется, он добавил: — Вагнер задержится еще минут на сорок, не меньше...

Беккер переложил сигарету из одного угла рта в другой. Ему не хотелось ехать, но обещание Гефта уплатить за бензин, видимо, пересилило, и он включил зажигание.

Николай вернулся на завод, когда дирекция еще была на пирсе. Он позвонил Рябошапченко и поручил ему оформить денежный документ на приобретение баббита. Деньги были нужны на снаряжение и отправку Глаши. Он представил себе кислую физиономию Гнесианова, когда ему придется подписать акт, и рассмеялся.

День прошел в осмотре двигателя «РВ-204» и в составлении дефектной ведомости.

Вечером, едва дождавшись времени, когда, по его расчетам, он мог застать Лопатто дома, Николай нанял извозчика и поехал на Мясоедовскую.

Открыл ему дверь профессор.

Николай развязал пакет, сказав:

— Надеюсь, что рекламации не будет!

Лопатто взял в руки корпус наполнителя и капсюль, внимательно осмотрел их и улыбнулся:

— Золотые руки! Признаться, Николай Артурович, я питаю какую-то страсть к рабочим рукам

умельца. Если бы не упорство моей жены, я поставил бы у себя в кабинете токарный станок...

— Эдуард Ксаверьевич, обстоятельства складываются так, что... Словом, эта «игрушка» необходима срочно...

— Какой тоннаж судна? — спросил профессор Лопатто.

— Около двух тысяч тонн...

Взвесив на руке оболочку наполнителя, профессор в раздумье сказал:

— Должно быть достаточно...— помолчав, Эдуард Ксаверьевич снова спросил: — Два дня можете подождать?

— Послезавтра в это время?

— Хорошо. Приходите послезавтра.

Лопатто проводил Николая в прихожую и запер за ним дверь.

Только на Старо-Портофранковской улице ему удалось поймать извозчика и подрядить его на Коблевскую.

В подворотне Глашиного дома стояла парочка. Между поцелуями он страстно шептал:

— Жжешь ты меня! Жжешь!..

Николай перешел на другую сторону улицы и, переждав минут пятнадцать, снова пошел к дому, но услышал из подворотни:

— Жжешь ты меня!.. Жжешь!..

«Хотя бы ты сгорел наконец!» — с досадой подумал Николай и медленно пошел в сторону Новобазарной площади, не торопясь вернулся и еще издали услышал звук поцелуя и:

— Жжешь ты меня!.. Жжешь!..

Не выдержав, он шагнул в подворотню и прорычал:

— Ваши документы!

Женщина бросилась в сторону двора, а мужчина, чуть не сбив Николая с ног, выскочил на улицу.

Николай подошел к окну и заглянул в щель светомаскировки: поставив на швейную машину осколок зеркала, Глаша с постным лицом святоши примеряла черный платок.

Он постучал. Погасив свет, Глаша подошла к окну, отвернула светомаскировку и, узнав его, пошла открывать.

Уже в комнате он увидел на Глаше гайтан с крестом.

— Как с пропуском? — спросил он.

— Комиссар заявление принял, сто марок тоже. Обещал завтра...

— Не спрашивал, почему вы хотите ехать именно в Балаклею?

— Спрашивал. Я ему показала письмо от тетки Раисы. Он прочел, говорит: «Фронт близко!» А я ему на стол сто марок и, как вы меня учили, обещала двести. Черт с тобой, говорит, попадешь к русским — проторгуешься!

— Поздравляю, Глаша, с успехом. Вот вам тысяча марок на мануфактуру. Купите три-четыре отреза. В Балаклее можете их продать и деньги использовать по своему усмотрению. Жить-то вам нужно. Молитвы переписали?

Глаша достала из-под матраса книжицу:

— Вот. Не очень разборчиво, как умею...

Николай перелистал страницы, исписанные угловатым детским почерком Глаши, и остался доволен.

— Между строк я впишу подробную информацию. Вы должны сообщить офицеру разведки, которому передадите эту книжицу из рук в руки, что

проявить тайнопись можно десятипроцентным раствором хлорного железа. Повторите, Глаша.

— Проявить тайнопись можно десятипроцентным раствором хлорного железа...

— Хотя нет. Хлорного железа может под рукой не оказаться или спутают его с хлористым... Лучше я дам вам с собой флакончик с раствором и справку из поликлиники, что вы страдаете кровотечениями из носа. Понимаете, Глаша, раствор железа будет у вас как кровоостанавливающее средство.

— Понимаю.

— Но кроме тех сведений, которые будут в этой книжке, вы должны выучить наизусть цифры, я вам написал...— Николай вытащил из внутренего кармана узкую ленту бумаги, испещренную четырехзначными цифрами.— Вот, Глаша. Вам придется хорошо запомнить эти цифры, а запись сжечь...

— О господи! — она всплеснула руками.— Все, все?

— Все, все. Их не так много. Здесь очень важные сведения о системе немецкой обороны Одессы с суши, моря и воздуха.

— Я буду стараться...

— Завтра я приду в это же время. Постарайтесь выучить к завтрашнему дню хотя бы половину.

— Буду стараться. Если бы слова, а то цифры... Знаете, как трудно? — сказала она.

— Знаю, Глаша, но прошу вас. Очень прошу.

— Буду учить всю ночь...

— Зачем же ночь?

— А утром дел сколько? Пропуск дают, я вам не сказала, если на руках справка, что сдал одну пару шерстяных носков и перчаток. Тут мне одна женщина обещала, она сама вяжет. Потом в полицию.

Бог их знает, сколько они там будут марьяжить. А мануфактуру купить? Думаете, это так просто?! Ого, сколько побегаешь...

— Я уверен, Глаша, что вы управитесь. Времени у нас мало, давайте обсудим несколько вариантов перехода линии фронта.

Николай Артурович достал карту и расстелил на столе...

В это же время далеко от Одессы, в одном из городов, освобожденных от гитлеровских захватчиков, в тесном кабинете два человека — майор Полуда и капитан Лесников — склонились над картой-двухверсткой, расстеленной на столе.

— Район выброски мы обсудили с летчиком Рожновым,— докладывал капитан.— Пришли к заключению, что лучше всего здесь,— он показал по карте,— в районе сел Мостовое — Ляхово. Дальше Бурзи будет добираться пешком вдоль Николаевского шоссе. Лиманы, в связи с их усиленной охраной, он обойдет с севера. В случае задержания патрулем Бурзи рассказывает легенду: он работал на рытье окопов под Мелитополем. Вот, Герасим Остапович, командировочное удостоверение с отметкой оккупационных властей...— Капитан достал из папки бумагу и положил перед Полудой.

Майор внимательно прочел документ, через лупу осмотрел печать и штамп, близко поднес к настольной лампе и проверил на просвет, затем молча вернул капитану.

— По легенде, Бурзи работал на земляных работах под Мелитополем и теперь пробирается в Одессу, куда, по имеющимся у него сведениям, эвакуировались из Херсона его жена и родители. Вот паспорт Бурзи с пропиской херсонской полиции и отметкой

о трудовой повинности.— Он передал документ майору.

Прихлебывая давно остывший чай, Полуда перелистал паспорт, задержался на штампе прописки, но документ не вызывал подозрений.

— Письма? — спросил он.

— Вот письмо от жены Бурзи, Тамары, в котором она пишет об эвакуации из Херсона. Вот письмо от родителей. Конверты с печатью мелитопольского отдела связи и штампом немецкой военной цензуры. Вот фотография, где снят Бурзи, он опирается на лопату... Рядом с ним немецкий сержант. На заднем плане панорама Мелитополя...

— Когда вы наметили переброску?

— В ночь на первое января. Встреча Нового года, праздничное настроение, внимание ослаблено...

— Новый год несет гитлеровцам новые поражения. Фронт прорван. Грабьармия откатывается на запад. Какой же тут праздник? Кроме того, жизнь иной раз вносит поправки даже в хорошо продуманный план...

Майор задумался. Его лицо исказила гримаса боли — воспаление тройничного нерва, результат контузии,— но глаза спокойны и сосредоточенны.

— Наконец-то прояснилось молчание Гефта,— сказал он после паузы.— Оставленный ему на связь Яков Вагин эвакуировался из Одессы с последним транспортом. Только вчера получены сведения... В каком трудном положении оказался Гефт... Ни разу за эти полгода не вышли в эфир Шульгина и Красноперов. Что это, провал? Или потеря рации? Словом, откладывать заброску Бурзи до первого января, думается, не следует...

— Есть еще одна причина...— замялся капитан.

— Почему же вы молчите?

— Видите ли, Герасим Остапович, только три дня, как Бурзи вернулся из Херсона. Пять месяцев человек находился на краю пропасти...

Капитан Лесников года не доучился на филологическом: помешала война. Но думал он и говорил приподнятыми литературными образами, считая втайне майора Полуду службистом и человеком сухим, бездушным.

— Задание, как вы знаете,— продолжал капитан,— Бурзи выполнил. Наладил связь, привез обширную информацию. Но человек устал. Поизносились нервы... Надо же ему дать хотя бы две недели отдыха...

— А что Бурзи думает сам?

— Я у него не спрашивал...

— Он сам настаивал на двухнедельном отдыхе?

— Нет. Бурзи — человек скромный и никаких условий не ставил...

— Где он остановился?

— В гостинице. Сейчас Бурзи здесь, у меня. В гостинице нет света, он читает...

— Что читает?

— Томик стихов Константина Симонова. Говорит, что за эти пять месяцев отстал на столетие...

— Вот что, Владимир Семенович, пригласите-ка вы Бурзи ко мне. Но о нашем разговоре ни слова!..

Лесников вышел из кабинета и вскоре вернулся с Бурзи.

Полуда пошел к нему навстречу, тепло поздоровался и, усадив на диван, сел рядом:

— Простите, Валерий Эрихович, что до сих пор не удосужился с вами встретиться. Как вы нашли своих родителей? Жену?

— Жена эвакуировалась в Грозный. Она сама из тех мест,— ответил он.— Ну, а родители... Старику пришлось пойти работать, но он не чает того времени, когда придут наши...

— Понимаю. Отец помогал вам?

— Мое появление в Херсоне очень удивило родителей. Когда я, по легенде, рассказал им, что бежал от большевиков, отец нахмурился и сказал: «Какой позор! Не вздумай рассказывать об этом знакомым!» — Валерий улыбнулся.— Ну, а потом, когда я ввел отца в курс дела, он деятельно помогал...

— Очень устали, Валерий Эрихович?

— Как вам сказать... В первые дни после перехода линии фронта я почувствовал какую-то душевную слабость... Нервы сдали. Знаете, как после большого перехода дрожат ноги. Так вот и нервы... Каждая жилка в тебе дрожит и просит покоя... Но ведь я до вас две недели добирался. За это время все пришло в норму, хоть сейчас на задание! — он снова улыбнулся.

— Вы в курсе наших планов?

— Да, вот с капитаном Лесниковым и летчиком Рожновым мы обсудили план, договорились по всем вопросам.

— А что, если мы прервем ваш отдых?

— Я, признаться,— он застенчиво улыбнулся,— закис от безделья!..

— Тогда давайте осуществим вашу заброску не под первое января, а в ночь с семнадцатого на восемнадцатое. Как вы думаете? Успеем?

— Успеем. Легенда мне знакома, хоть ночью разбудите — от зубов отскакивает. Документы готовы. Маршрут разработан. Остались инструкция, адреса, явки...

— Помнится, при заброске в Херсон вы летели на «ЛИ-2» с Гефтом, Красноперовым и Шульгиной?

— Да, с ними я познакомился на аэродроме в Ростове-на-Дону четырнадцатого июня.

— Будем считать, Валерий Эрихович, что мы договорились. Я доложу генералу, и мы встретимся для делового разговора...

Раздался требовательный телефонный звонок. Полуда снял трубку:

— Майор Полуда у аппарата! Да. Слушаю, товарищ генерал. Как раз у меня! — он посмотрел в сторону Бурзи.— Да. В ночь с семнадцатого на восемнадцатое. Успеем, товарищ генерал.— Положив трубку, майор сказал Лесникову: — Штаб партизанской дивизии принял из Одессы радиограмму подпольного райкома партии за подписью товарища Романа, где, между прочим, сказано: «Передайте, что Золотников работает успешно, ждет связного».

ЭСМИНЕЦ УХОДИТ В ПОЛНОЧЬ

Почти всю ночь Николай вписывал разведданные в Глашину книжку, но поднялся рано, вместе с отцом.

Пользуясь отсутствием жены, Артур Готлибович снова вернулся к интересующему его вопросу:

— Ты все еще думаешь? — резко спросил он.

— Да, никак не решусь...— наливая кофе отцу и себе, ответил Николай.

— А между тем советские войска уже под Херсоном!

— Ты, отец, всегда располагаешь самыми свежими сведениями.

Почувствовав иронию в словах сына, Артур Готлибович сказал:

— Пришел буксир из Херсона, боцман рассказывал... И не заговаривай мне зубы! — обозлился он.— Что ты думаешь делать?

— А что, по-твоему, я должен делать?

Артур Готлибович сорвал кожаную куртку, висевшую на спинке стула, и, потрясая нарукавной повязкой с имперским орлом и свастикой, раздраженно сказал:

— Ты, очевидно, считаешь, что товарищи обменяют тебе этого ощипанного орла на орден?! Они повесят тебя на первом же суку!

— Я думаю, отец, что твои опасения напрасны...

— Почему?

— А ты подумай почему...

Артур Готлибович так и застыл в недоумении.

Николай, набросив куртку, вышел из дома.

Он торопился на завод, чтобы проследить за работой медницкого цеха. Черт знает, что еще мог выкинуть Гнесианов!

По Дерибасовской Николай поднялся вверх и увидел быстро идущую по Пушкинской фрау Амалию фон Троттер. (Корвет-капитан с супругой остановился в отеле «Бристоль», на Пушкинской.)

Фрау Амалия надвигалась на него энергичным, спортивным шагом, сжав маленькие пухлые ручки в кулачки и вскидывая локтями. Надувая щеки, она напевала партию тромбона из бравурного марша. Гроздья винограда на ее шляпке брякали в такт. Не узнав Николая, она прошла мимо и свернула на Дерибасовскую. Пока Фридрих фон Троттер нежился в постели, фрау Амалия совершала моцион с твердым намерением похудеть.

Заводские дела заслонили встречу с Амалией Троттер.

В разгар дня Николай вспомнил о майоре Котя и по телефону вызвал к себе Рябошапченко.

Иван Александрович не забыл историю с большим расточным станком и хлыщеватым майором.

Николай рассказал Рябошапченко о своем знакомстве с Думитру Котя и добавил:

— Понимаешь, Иван Александрович, неплохо было бы войти к нему в доверие и посмотреть этот секретный приказ генштаба.

— Как ты себе это мыслишь?

— Майору очень хочется получить инвентаризационные списки оборудования...

— А если на основании этих списков он начнет эвакуацию станков? Ты же сам говоришь, что у него приказ за подписью начальника генерального штаба...

— Тогда ты в поиске сочувствия обратишься к Лизхен, она по службе — к Загнеру, баурат — к адмиралу, и... майор Котя горит!

— Копия списков у меня в цехе. Могу принести.

— Давай, Иван Александрович, а я у Купфера попробую получить машину и сейчас же поеду...— он достал визитную карточку Котя,— на улицу Льва Толстого...

Николай заехал домой, захватил портфель отца и положил в него инвентаризационные списки.

Майор Котя занимал большую квартиру с обстановкой ее прежнего владельца. В одной комнате разместились три чиновника в военной форме. Они рылись в папках с бумагами, что-то писали, отвечали на

телефонные звонки. Словом, создавали видимость деятельности. В другой комнате был кабинет майора, в остальных — его апартаменты.

Денщик провел Николая в кабинет, сказав, что майор скоро будет.

В кабинете на столе висели портреты короля Михаила I и маршала Иона Антонеску. Против двери стоял дамский письменный стол красного дерева. В углу большой сейф. Диван. Горка, задрапированная изнутри зеленым шелком. Несколько кресел. На окнах глухие, тяжелые портьеры.

Вошел майор Котя и, увидев Николая Гефта, прямо от порога пошел к нему с открытыми объятиями:

— Я так рад! Так счастлив! — замурлыкал он.— Встреча с вами оставила незабываемое впечатление! — Он обнял Николая и усадил в кресло.— По стакану вина! Старинного, густого и терпкого, как кровь! — он открыл горку, взял два бокала и выбрал бутылку.— Прошу, мой дорогой! Прошу!..— Майор сел напротив и, закатив от восторга глаза, стал отхлебывать маленькими глотками вино.

Вино было скверное и отдавало бочкой.

Николай отлично понимал, с кем он имеет дело, поэтому, не церемонясь, сказал, поставив бокал на стол:

— В вашем предложении, господин майор, многое остается неясным. Вы платите семь процентов вознаграждения с представленного списка оборудования или с отправленного вами в Констанцу?

— Мы платим с того, что вывезено...

Николай, прижимая к груди портфель, поднялся:

— Тогда простите, господин Котя, но мне это не подходит...— и шагнул в сторону двери.

— Разве можно из-за такой мелочи портить отношения? — Котя взял Николая под руку и повел к креслу.

— В промышленном и деловом мире у меня большие связи,— как бы невзначай ввернул Николай.— Я думал, что вы коммерсант и с вами можно иметь дело...

— По спискам — три процента! Вас устроит? — предложил Котя.

— Нет. Пять.

— Четыре?

— Пять!..

— Прошу вас, господин инженер, сядьте!

Николай молча опустился в кресло.

— Только для вас — четыре с половиной, а? — сказал Котя, заискивающе заглядывая в глаза.

— Я должен познакомиться с вашими полномочиями...

Майор подошел к сейфу, повернул замысловатый ключ в замке, открыл массивную дверь, достал на нескольких листах документы и, перелистывая их, словно торговец ходким товаром, стал похваляться:

— Вот, пожалуйста! Постановление румынского совета министров за номером четыреста двадцать шесть от четырнадцатого апреля сорок второго года! Вот выписка из немецко-румынского договора за подписями Беккера и Штефеля! Вот «Наставление»! Вот схема организации «Зет-1»!..

— Документы на румынском языке...— разочарованно протянул Николай.

— Имеются идентичные на немецком! Вот, пожалуйста!

— Покажите!

— Не могу. Смотрите сами: «Совершенно секретно», «Хранить в несгораемом шкафу», «В случае опасности немедленно сжечь»...

— Когда два человека начинают коммерческое дело, между ними должно быть доверие. Смотрите, что я вам принес! Эти документы тоже не подлежат оглашению! — Он открыл портфель, достал отпечатанные списки оборудования и, повертев ими перед носом майора, сунул обратно в портфель.

— Хорошо, я — вам, вы — мне! — левой рукой Котя протянул документы, а правой потянулся к портфелю.

Николай помедлил, словно, раздумывая, затем, решившись, открыл портфель, а сам углубился в документы.

Это была совершенно откровенная инструкция по грабежу Одессы! «Наставление» предписывало вывозить на запад от Днестра фабрики, заводы, произведения искусства, художественные ценности, медицинское оборудование, хирургические инструменты, фармацевтические материалы, готовые лекарства, продовольствие, одежду, скот...

«...самые ценные предметы перевозятся в санитарных румынских поездах»,— прочел Николай.

— Ну что же, списки меня устраивают! — сказал майор.— Конечно, я мог бы запросить официально, но администрация «Шантьер — Новаль» обязательно половину скрыла бы. Мои сотрудники подсчитают стоимость оборудования, и мы выплатим вам комиссионное вознаграждение...

— К вашему сведению, в списках имеется графа стоимости каждого станка и подбит итог... Получите ваши документы и разрешите мои...— Укладывая списки в портфель, Николай добавил: — Я подумаю.

Откровенно говоря, мне не ясно, где кончаются функции командира «Зет-1» майора Котя и начинаются полномочия частной фирмы, которую также представляет Думитру Котя!..

— Вы заговорили смело...

— Фирма мне не внушает доверия, и я вправе переговоры прекратить.

— Вас никогда не приглашали в сигуранцу? — спросил майор Котя.

— Нет. Я немец. И наконец, вы, что же, хотите, чтобы в сигуранце знали, как вы обращаетесь с документами под грифом «Секретно»? Честь имею кланяться, господин Котя!..

Пользуясь замешательством майора, Николай быстро вышел из кабинета, миновал канцелярию, прихожую и громко хлопнул дверью.

Теперь он знал больше, чем нужно: от какого числа постановление совета министров, его номер, подписи, секретное «Наставление». Разумеется, было бы неплохо приложить эти документы к докладу, но они никуда не денутся...

Зная, что в это время Покалюхина приходит обедать, он поехал на Большую Арнаутскую и действительно застал ее дома.

Юля принесла из лаборатории института флакончик раствора хлорного железа и справку поликлиники за подписью врача Буслера:

«Дана больной Вагиной Глафире Ивановне в том,— прочел Николай,— что она страдает ангиомой лобной пазухи и в связи с этим частыми и обильными кровотечениями из носа. В качестве первой помощи рекомендуется ватный тампон, смоченный в десятипроцентном растворе хлорного железа».

— Спасибо, Юля. Справка внушает доверие...

— А по-моему, справка настораживает! — перебила его Юля.

— Объясни почему?

— Зачем может быть нужна такая справка больному? Только для того, чтобы оправдать найденный в личных вещах флакон с раствором железа. Это настораживает, заставляет задуматься.

— Больной дана справка для предъявления в медпунктах по пути следования...

— Неубедительно. В крайнем случае надо сделать такую приписку.

— Пожалуй, ты права. Возьми эту справку и сегодня же попытайся добыть другую. Да, забыл тебе сказать: мы приглашены на рождество в «Фольксдейче миттельштелле»...

— В качестве кого приглашена я? — спросила Юля.

— Моей двоюродной сестры. Если бы удалось... Понимаешь, меня интересуют чистые бланки аусвайсов и ночных пропусков...

— Эти бланки никем не охраняются?

— Я их видел в отделе выдачи стопкой прямо на столе чиновника. Не будем загадывать вперед.

— Сводки Информбюро за девятое декабря отпечатаны и два дня лежат в тайнике... — напомнила Юля.

— В это воскресенье я передам их в расклейку.

— Сводки недельной давности? Это теряет всякий смысл. Мы были оперативнее.

— Но мы нарушали конспирацию. Особенно мне досталось за твое безрассудство. Помнишь листовку возле сигуранцы? Что же делать! Будем записывать оперативную сводку за четверг, а в воскресенье передавать в расклейку...

— А чрезвычайные сообщения?

— Кроме нас в городе действует несколько подпольных групп, для некоторых из них распространение листовок — единственно возможный способ борьбы.

— Хорошо. Я человек дисциплинированный.

— Знаю, Юленька, знаю.

— За последние дни ты, Николай, очень изменился...

— К худшему?

— Нет. В тебе появилась какая-то жизненная сила... Уверенность... Помнишь, летом мы шли по Канатной, ты говорил: «трудно носить маску», «жить в коллективе и быть окруженным ненавистью», «ловить на себе недобрые взгляды», «приходят сомнения»... Помнишь?

— У тебя завидная память.

— Ты и тогда был направленным, целеустремленным, но временами твои нервы сдавали, и я чувствовала растерянность, усталость. Тогда я дразнила тебя, говорила о твоей слабости... Теперь ты стал сильнее. Меня это радует и беспокоит...

— Беспокоит? Почему?

— Раньше я чувствовала, что нужна тебе... Теперь ты по нескольку дней можешь обходиться без меня.

— Женская логика! «Я рада, что ты стал сильнее, и я огорчена, что ты можешь обходиться без меня».

— Логика, не спорю, быть может, женская... Но не будем об этом. Кстати, я не знаю, кто эта женщина...

— Какая? — удивился Николай.

— Глафира Вагина. Но ты мог бы послать меня...

— Ты связная группы и нужна здесь, в Одессе. Кроме того, Вагину рекомендовал райком партии.

— Ну прости, я этого не знала.

— Я с тобой, Юля, не прощаюсь,— он поднялся,— меня ждет машина, и я должен еще попасть на завод. Вечером забегу за справкой.

Садясь в машину, он увидел в окне Юлю, она махнула ему рукой. Возникло какое-то подсознательное чувство вины перед Юлей, хотя он и не был ни в чем перед ней виноват. Не склонный к глубокому самоанализу за суматохой множества всяких дел, Николай забыл об этом странном чувстве.

Вечером в условленный час он был у Глаши Вагиной.

Как только он вошел в комнату, Глаша сообщила:

— Пропуск я получила на завтра, тринадцатое...

— Хорошо. Очень хорошо!

— Ой, не к добру тринадцатое...

— Как вам не стыдно, Глаша!

— Еще как стыдно. А вот тут,— она приложила руку к груди,— холодит от страха...

— Тринадцать, чертова дюжина,— счастливое число! — решил он ее ободрить.— Всякое дело, начатое тринадцатого,— к удаче!

— Ска-жете...— недоверчиво протянула она.

— Я был на вокзале. Поезда отправляются в девять утра по нечетным, но только до Голты. Там придется делать пересадку на поезд до Черкасс. Вы мануфактуру купили?

— Купила, четыре отреза.

— Вот вам на расходы семьсот марок,— он передал Глаше пачку денег.— Я буду на вокзале раньше, куплю билет и посажу вас в вагон. Держите...

— Что это?

— Десятипроцентный раствор хлорного железа и справка из поликлиники. Прочтите.

Глаша прочла справку и, помолчав, сказала:

— Конечно, я надеюсь, что все будет хорошо, а вдруг... Держат они меня день или два, а у меня этой самой,— она заглянула в справку,— ангиомы-то и нет, и лекарство вроде бы мне ни к чему...

— На худой конец...— Николай не закончил.

— Понимаю...

— Вот вам книжица. Берегите ее.

Глаша полистала страницы и очень удивилась:

— А правда, вы между строк написали?

— Очень важную информацию.

— А так ну совсем, совсем ничего не заметно!..

— Скажите, Глаша, вы цифры выучили наизусть?

— Полночи учила — ни в зуб ногой! Тогда я положила запись под подушку и легла спать. Утром проснулась, что вы думаете — каждую цифру помню наизусть! Самой не верится...

— Давайте проверим.

Глаша достала из-под матраса узкую ленточку записи, передала Николаю и, словно школьный урок, быстро назвала цифры первой колонки, затем второй и третьей.

— Вы молодец! — не удержался Николай.— Но то, что легко запомнилось, так же легко и забудется. Вы должны постоянно тренировать память.

— Как это — тренировать?

— В минуты асболютной безопасности, когда вам никто не может помешать, вы по памяти в том же порядке записываете цифры, проверяете и сжигаете.

— Понимаю.

— Попробуем сделать это сейчас. У вас есть чистая бумага?

— Вот тетрадь... Карандаш...

— Садитесь и пишите...

Глаша открыла тетрадь и разгладила лист.

— Нет, Глаша, лист бумаги должен быть на чем-нибудь твердом. Заверните всю тетрадь. Так. Иначе вы карандашом продавите запись на лежащие снизу листы, потом вы уничтожите первый лист, но можете забыть о втором, о третьем...

Они работали долго, до поздней ночи. Николай учил ее ориентироваться по карте, изучал с ней линию фронта в районе Черкасс. Он отрабатывал ее поведение на возможном допросе. Они тщательно репетировали образ «святоши», который она должна была пронести через все дни пребывания на вражеской территории.

Домой Николай вернулся под проливным холодным дождем. Поначалу его спасала кожаная куртка, но промокла и она. От сырости снова заныли колени.

Тихо, чтобы не разбудить родителей, он выпил чашку кофе, оставленного в термосе, разделся, лег и быстро уснул беспокойным сном. Всю ночь ему виделась Глаша в застенке гестапо. На шее ее поблескивал крестик... Простоволосая, какой она выбежала к нему впервые на улицу, стояла Глаша перед гестаповцем, переступая босыми ногами на холодном полу... Она была в полотняной рубашке, тоненькая, с впалыми ключицами и по-девичьи торчащей грудью.

— Кто тебя послал? Куда? Зачем? — спрашивает офицер.

Гестаповец чем-то похож на школьного учителя. Он не повышает голоса, спокоен и безучастен.

Облизнув запекшиеся губы, Глаша читает тропарь «о путешествующих».

— ...И невредимых ко славе твоей от всякого зла, во всяком благополучии соблюдающа молитвами богородицы...

— Говори, женщина! Кто? Куда? Зачем? — офицер снисходительно улыбается, на его лице чувство превосходства.

— ...Спасе, существуй и ныне рабом твоим, путешествовати хотящим, от всякого избавляя их к злаго обстояния...

Гестаповец берет в руки многожильный жгут из электрического провода, замахивается... Глаша закрывает глаза. Удар приходится по лицу, шее, груди... Женщина, тихо вскрикнув, переступает босыми ногами... Струйка крови бежит по ее лицу:

— ...Избави от недуг и горьких болезней...

Николай просыпается, спускает ноги с кровати и долго следит за светлым лучиком на стене, проникнувшим сквозь щель в светомаскировке.

Снова возникает это чувство собственной вины, на этот раз перед Глашей. Это такое острое, такое сильное чувство, что он говорит вслух:

— Надо же кого-нибудь послать! Совсем не обязательно, чтобы кончилось это в гестапо!..

От звука собственного голоса он окончательно просыпается.

Отец открывает дверь и спрашивает:

— С кем ты разговариваешь?

— Приснился сон...— неопределенно ответил Николай, лег и закрыл глаза, но уснуть уже до утра не мог.

Поднялся он разбитый, невыспавшийся. Наскоро умылся и без завтрака ушел из дому.

На углу Дерибасовской и Пушкинской он снова встретил фрау Амалию фон Троттер. Толстуха, видимо, совершала второй круг своего моциона. Она утратила нездоровую, стеариновую белизну, щеки ее раскраснелись, и шляпка, отделанная гроздьями винограда, сбилась набок. Фрау Амалия шла, поднимая колени, шумно втягивая носом воздух. Как и в первый раз, она его не узнала и прошла мимо.

Трамвай замер на путях; вагоновожатый спал, опустив голову на рычаг: опять бомбили Плоешти и на электростанции не хватало горючего. Николай свернул на Пушкинскую и ускорил шаг.

Железной дорогой и портом Одессы формально руководили румынские чиновники, но фактически всеми морскими перевозками ведало «Зеетранспортштелле», а на железной дороге — немецкие коменданты и советники.

Гефт пошел к коменданту вокзала, поговорил с ним по-немецки, рассказал старый анекдот, угостил английской сигаретой.

Комендант посмотрел пропуск Вагиной и удивился:

— Черт ее несет в Балаклею! — и, понизив голос, доверительно сообщил: — Русские на этом участке прорвали фронт,— но все же написал записку в кассу.

С бумажкой коменданта Николай направился в отдельную кассу, получил билет до Черкасс и поставил компостер на пропуск.

Николай еще издали увидел Глашу — ничем не примечательная женщина, в черном платке и тем-

ном, с чужого плеча пальто. В одной руке она несла обшарпанный фанерный баул, в другой узелок. Растерянная, беспомощная, маленькая женщина, каких много на дорогах войны...

Он подошел к ней и поздоровался. Глаша протянула вялую ладонь лодочкой — всегда она отвечала сильным пожатием — и молча пошла за ним.

Когда они оказались одни на платформе — посадка еще не началась, хотя состав стоял на путях,— Глаша сказала:

— Сегодня чуть свет приходил товарищ Роман. Он обо всем меня расспросил, все поглядел, полистал книжку и сказал: «Даю добро!» Вы не думайте, я вам верю, но теперь как-то на сердце спокойнее.

В глазах ее блеснул смешливый, лукавый огонек и тотчас погас. С постной маской святоши она поднялась за ним в вагон. Здесь уже были пассажиры, те, кто побойчей, у кого знакомства в охране.

Глаша залезла на верхнюю полку, положила под голову узелок и поставила баул рядом. Только теперь Николай заметил, какие старые, стоптанные на ней башмаки, и пожалел, что не купил ей новые.

Молча она ответила на пожатие его руки, и он вышел из вагона.

Николай стоял на платформе все время, пока шла посадка, до тех пор, пока поезд не тронулся и не скрылся за поворотом красный огонек ограждения.

Весь день Николай мысленно был с Глашей. Он в Голте выбирался с ней из поезда и долго ждал состав на Смелу. Он метался с ней от вагона к вагону в поисках места... Но к вечеру новые события вытеснили из его сознания миссию Глаши.

На восемь часов вечера были назначены ходовые испытания эсминца «РВ-204».

В шесть часов, захватив с собой портфель, Николай поехал на извозчике к Лопатто. Дверь ему открыл Эдуард Ксаверьевич и на его немой вопрос ответил:

— Ваш заказ выполнен,— добавив с усмешкой: — Думаю, рекламации не последует...

Николай поставил портфель на стол, извлек из него и передал Лопатто объемистый тяжелый предмет, пояснив:

— Не удивляйтесь, это кирпич. В следующий раз, когда привезу вам заготовки, я заберу его...

— Не кажется ли вам эта предосторожность излишней?

— Предосторожность никогда не бывает излишней. Недавно товарищ Роман дал мне заслуженный урок.

Профессор достал из ящика письменного стола сверток, перевязанный бечевкой.

— Вот вам «гостинец». Запас сырья в лаборатории оказался довольно значительным, можете заказывать детали.

— Профессор, я вам не буду говорить высокие слова благодарности. Большое спасибо...

— Не стоит...

— Задерживаться мне у вас с таким «гостинцем» не следует, да и ждет у подъезда извозчик...

— Понимаю.

Лопатто проводил его в прихожую и открыл дверь.

Приехав на завод, Николай направился прямо в механический к Рябошапченко. Лизхен не было, и они могли говорить свободно.

— Ты задержал с утренней смены Тихонина? — спросил Николай.

— Да. Поначалу парень полез в бутылку, но, когда я его познакомил с задачей, пришел в телячий восторг. Ушел обедать, вернется ровно к восьми.

Николай развернул сверток, внимательно осмотрел кусок угля и положил его на топливо возле печи. Кусок ничем не отличался от других, разве что был крупнее.

— Здесь мелочь со штыбом. На эсминце я видел отборный уголь. В бункере он не будет «прыгать в глаза»...

— Ты прав, Иван Александрович. Убери его с глаз подальше. Теперь слушай: после ходовых испытаний эсминец возвращается в ковш и швартуется у третьего пирса. Технические эксперты проходят, так сказать для наведения глянца, в машинное отделение. Тихонин задерживается, спускается ниже и бросает взрывчатку в бункер. Ясно?

— Ясно, Николай Артурович. В общих чертах я Тихонина проинструктировал. Он будет в бушлате нараспашку, а взрывчатка под тельняшкой, заправленной в брюки...

— Не долго доставать?

— Почему? Выпростать тельняшку из под ремня, и все!

— Ну, смотри. Тебе виднее. Парень волнуется?

— Он отчаянный. Для него, чем опаснее, тем интересней. Он же романтик! Просил настоящего дела...

Время близилось к восьми.

Спрятав «гостинец» в топливо возле печи, они направились к третьему пирсу.

На «РВ-204» ждали только адмирала Цииба.

Здесь были: баурат Загнер, капитан Риш, шеф Купфер, профессор Вагнер и несколько незнакомых военных из «Зеетранспортштелле».

Прямо к пирсу подошел черный «Хорьх» адмирала.

Цииб вышел из машины и поднялся по трапу. Горнист на эсминце сыграл «захождение». Корвет-капитан Фридрих фон Троттер отдал рапорт. На форстеньге подняли адмиральский флаг.

Члены комиссии, в том числе Гефт, взошли на корабль.

Трап убрали. Боцман объявил снятие со швартовов.

Медленно, отрабатывая левой машиной, эсминец отваливает носом от пирса. Отданы кормовые швартовы. На малых оборотах двух машин эсминец медленно, но со все нарастающим ходом, отлично лавируя в заводском ковше, выходит в открытое море. Машины работают безукоризненно.

Спустя минут тридцать на ходовой мостик вызвали Гефта.

Глядя на инженера, словно отчитывая за нерадивость, адмирал сказал:

— Ремонт выполнен отлично! Со стороны главного механика — никаких претензий! Я объявляю вам, герр инженер, благодарность и подаю рапорт командованию о награждении вас Железным крестом третьей степени за безупречную службу военно-морским силам Германии.— Цииб протягивает инженеру руку.— Еще раз благодарю вас! Хайль Гитлер!..

— Хайль Гитлер! — вскидывает руку Николай Артурович.

С поздравлениями к инженеру подходят баурат и Вагнер.

Совершая эволюцию, корабль разворачивается и идет к заводскому ковшу.

Из разговора с Вагнером Николай узнал, что эсминец доставит их к третьему пирсу и уйдет к главному причалу «Зеетранспортштелле», откуда с транспортом выйдет курсом на Севастополь ровно в полночь.

— Я бы хотел, господин майор, с комиссией технических экспертов в последний раз взглянуть на работу двигателей...

— Да, да, конечно. Это ваше право. Я сейчас договорюсь с корвет-капитаном.— Загнер оставил их и поднялся на ходовой мостик.

Корабль подходит к пирсу.

Еще издали Гефт увидел Рябошапченко, Гнесианова, мастера Ляшенко и в бушлате нараспашку Васю Тихонина.

Эсминец ошвартовался у пирса. Подали трап. Комиссия заводских экспертов поднялась на корабль и вместе с Гефтом начала спускаться в машинное отделение. Последним шел Василий Тихонин; он спустился еще ниже, в котельное отделение. Здесь были два кочегара. Один из них смотрел иллюстрированный журнал, другой мылся из шланга забортной водой.

Тихонин поздоровался, но немцы не обратили на него внимания.

Парень достал из пачки сигарету, выбросил из топки уголек, прикуривая, поднял рубаху и незаметно выронил на горку топлива свою ношу. Но, вспомнив наставление Рябошапченко:, «Подальше забрось, чтобы эсминец не подорвался у пирса!», Тихонин нагнулся, поднял кусок угля и швырнул его в дальний угол бункера.

Только сейчас он почувствовал, как пот заливает глаза. Было страшно. Но теперь волнение позади.

Он подошел к немцу, предложил сигарету, дал прикурить, усмехнулся и, осмелев, многозначительно сказал:

— Дал я вам прикурить!

Немец ни слова не понял, но на всякий случай сказал:

— Яволь! Яволь!..

Тихонин быстро поднялся один марш по трапу, но в машинное решил не ходить, а дожидаться комиссию здесь, в переходе.

Первым показался Гефт и почему-то очень пытливо посмотрел на Тихонина. У Васи снова от страха взмок лоб. Но вот с ним поравнялся Рябошапченко. Тихонин нагнулся к мастеру и тихо сказал:

— Иван Александрович, порядок!

Ничего не ответив, Рябошапченко полез на верхнюю палубу, и Тихонин последовал за ним.

На верхней палубе к Гефту подошел Загнер и от имени адмирала Цииба и корвет-капитана фон Троттера пригласил его в кают-компанию отпраздновать удачу. Ничего не оставалось другого, как согласиться.

Техническая комиссия сошла на пирс, трап подняли и отдали швартовы. Николай увидел на лице Рябошапченко сперва недоумение, затем все нарастающее беспокойство.

«А что, если эсминец подорвется сейчас, на переходе к главному причалу?» — подумал Николай и с кривой усмешкой махнул рукой оставшемуся на пирсе Рябошапченко.

Тем временем эсминец на малых оборотах вышел из заводского ковша и направился к главному причалу.

Поднимая бокал с кислым рейнским вином, Николай вместе со всеми пил «за удачу».

«Я же просил предупредить Тихонина, чтобы тот забросил взрывчатку подальше в бункер»,— думал он, слушая краем уха скабрезный анекдот, который рассказывал майор Загнер фон Троттеру.

Нельзя сказать, чтобы эти полчаса перехода к главному причалу были лучшим временем его жизни.

«В случае, если я сыграю в ящик,— думал он,— разведданные, собранные с таким трудом, погибнут. Если все кончится благополучно, надо тетрадь заложить в тайник и посвятить в это Покалюхину и Рябошапченко».

Когда швартовались, у стоящей под разгрузкой машины лопнул баллон. Николай вздрогнул и почувствовал, как кровь заливает лицо. Это заметил Вагнер и участливо сказал:

— Мой милый друг, вы так переутомляетесь на заводе... Вам надо на несколько дней взять отпуск и поехать за город, отдохнуть...

— Благодарю, Евгений Евгеньевич. Вы очень ко мне внимательны...

Подан трап.

— Желаю отличного плавания! — прощаясь с корвет-капитаном, сказал Гефт и спустился на пирс. Здесь он снова встретился с фрау Амалией фон Троттер. На этот раз она узнала его и поклонилась, одарив вежливой улыбкой.

Николай сел в «Хорьх» адмирала, который любезно предложил подвезти его на Дерибасовскую.

Совершенно обессиленный, он открыл дверь, не раздеваясь, лег на кровать и уснул мертвым сном, но ровно в двенадцать проснулся, сел и прислушался...

В это время на выполнение задания уходил «РВ-204».

КРЕП НА ШЛЯПКЕ

На следующий день Николай на завод не пошел: шеф Купфер по просьбе профессора Вагнера дал ему трехдневный отпуск.

После завтрака он направился на Ланжероновскую, где помещался клуб профессиональных боксеров «Ринг». В эти часы здесь можно было застать Олега Загоруйченко.

Давно, еще летом, наблюдая отношения Илинича и Загоруйченко, Николай уловил между ними какое-то тайное соперничество, скрытую, но упорную вражду. Тогда же родилась дерзкая мысль: при помощи Загоруйченко захватить Илинича и в Аркадии на даче клуба «Ринг» задержать его до прихода наших войск. Как использовать одного негодяя для поимки другого, Николай еще не решил, но подсознательно чувствовал, что для выполнения такого плана есть какие-то верные психологические предпосылки.

Загоруйченко был в клубе, но с утра на взводе, чего прежде с ним не случалось.

Боксер сидел, развалясь в кресле, напротив него в такой же позе — очень высокий грузный человек с костылем под мышкой, в узком, явно с чужого плеча, пиджаке.

При виде Гефта Олег поднял руку, словно на ринге:

— Хорошо, что ты пришел! Садись. Это Гельмут Цвиллер! Тоже боксер! — представил он своего собутыльника.— Цвиллер из балтийских немцев. Лейтенант восемьсот сорок девятого полка двести восемьдесят второй пехотной дивизии. Ты, инженер, не очень понятный человек, иной раз скажешь такое... Но я тебя уважаю... И Ася Квак тебя уважает...

И Мавромати... Ты думаешь, я пьян? Нет. Коньяк не берет меня. С каждой рюмкой я становлюсь трезвее. Плохо наше дело, инженер. Помню, как-то я тебе хвастался, что поставил на верную лошадь, а мой фаворит сбился с ноги перед самым финишем!.. Вот чистая рюмка. Это французский коньяк «Мартель».— Он разлил напиток по рюмкам, поднял свою и выпил.— Расскажи ему, Гельмут, все как есть. Можно, он свой...

Цвиллер довольно прилично говорил по-русски.

— Я служил в шестьсот семидесятом пехотном полку триста семьдесят первой дивизии во Франции...— начал он.— На Ла-Манше. Осенью из подразделений полка был сформирован маршевый батальон. Так я попал в восемьсот сорок девятый полк двести восемьдесят второй дивизии, занимавшей оборону под Кременчугом. Русские обошли нас с фланга и атаковали. Я еле унес ноги. От дивизии ничего не осталось... Фронт трещит по всем швам! Зима сорок второго под Москвой... Гибель армии Паулюса на Волге... Мы терпим одно поражение за другим! Восточный поход проигран, и катастрофа неизбежна...

— Почему так мрачно, лейтенант Цвиллер? — с усмешкой спросил Гефт.

— Потому, что я не окончательный идиот и привык мыслить! — огрызнулся лейтенант.

— Помнишь, Олег, летом на Колодезном был полковник из верховной ставки, он говорил, что Гитлер кует секретное оружие...

— Фюрер говорил об «атлантическом вале», а где он? Я стоял на Ла-Манше, я щупал его вот этими руками!..

— Что вы предлагаете, Цвиллер? — серьезно спросил Гефт.

— Ничего. Наше место — в мясорубке истории! Мы зловонный фарш, сдобренный имперской пропагандой!..

— Твое счастье, Гельмут, что тебя не слышит Гофмайер...— сказал Загоруйченко, наливая рюмки.— Он обвинил бы тебя в пораженчестве и пришил к протоколу... Что будем, инженер, делать, а? — обратился он к Гефту.— Илинич переметнется, а мы? Вагнер говорил, что тебя представили к Железному кресту третьей степени. Это для того, чтобы ты не всплыл. Вернее пойдешь ко дну...

— За тех, кто умеет плавать! — Гефт поднял рюмку.

— Не поможет...— мрачно бросил Цвиллер, выпил свою рюмку и, опираясь о костыль, поднялся.

— Сиди, Гельмут! Мы должны добить эту бутылку...

— Я сбежал из госпиталя в чужом пиджаке... Через час врачебный обход...— Цвиллер простился.

— Где ваш госпиталь? — спросил Гефт.

— На Преображенской.

— Я помогу вам...

— Не надо. Доберусь сам.

— В какой вы палате?

— Второй этаж. Тридцать вторая...

Тяжело опираясь о костыль, Гельмут Цвиллер вышел из комнаты.

Олег откинулся в кресле и, прищурясь, рассматривал Гефта, затем совершенно трезво спросил:

— Ты зачем, инженер, пришел?

Гефт молча опустился в кресло, где сидел Цвиллер, и внимательно посмотрел на Загоруйченко.

— Ты всегда приходишь неспроста... Тебе всегда чего-нибудь от меня нужно...— Он смотрел на Гефта

пытливо, настороженно, словно на ринге перед броском и решительным ударом.

В это время Гефт оценивал своего противника.

«В открытую? — думал он.— Лучше всего в открытую, но в нем не знаешь, чего больше — подлости или хитрости, мужицкого, злого расчета. Нет,— решил он,— лучше по шерсти!» — и сказал:

— Я бы не хотел, Олег, оказаться в глупом положении. Ты, конечно, передашь Гофмайеру все, что здесь говорил лейтенант Цвиллер?

— Ты считаешь меня подлецом? — прищурясь, спросил Олег.

— Нет. Просто осторожным человеком,— спокойно ответил Гефт.

— А что он мне? Сват? Брат? Подумаешь, боксер! Он давно проиграл, а проигравших списывают...

— Да, да. Сила! Власть! Все дозволено «белокурой бестии»! Над моралью, над нравственностью...— в раздумье сказал Гефт.

— Я не люблю копаться в теоретическом нужнике! — презрительно бросил Загоруйченко.

— Но у тебя сегодня в разговоре с Цвиллером довольно искренне прозвучала новая тема: дело идет к ответу! Помнишь, ты сказал: «Илинич перемет-нется, а мы?»

— Ты же умный человек, инженер! Не может быть, чтобы ты не задумывался над этим вопросом...

— У меня нет выбора. Я служил этой гордой птичке,— он показал имперского орла на нарукавной повязке,— верой и правдой! Но для тебя, Олег...

— Почему ты замолчал? Говори!

— Какую-нибудь услугу красным, и все твои девичьи грехи забыты! Ты снова на ринге, гонг, удар, рев толпы, твою руку в перчатке поднимает арбитр...

— Какую услугу?

Гефт развел руками:

— Над этим, Олег, ты подумай сам. Будь здоров! — он поднялся с кресла. — Я получил на три дня отпуск, хочешь, проведем его вместе?

Не ответив, Загоруйченко закрыл глаза. Он, как удав, медленно переваривал кролика, брошенного ему Гефтом.

На Преображенской Николай нашел немецкий стационар и вызвал из тридцать второй палаты Гельмута Цвиллера. Здесь же, на лестнице, и состоялся краткий разговор:

— Зачем вас понесло к Загоруйченко?

— Он боксер, когда-то и я на Балтике...

— Этой же ночью уходите.

— Почему?

— Загоруйченко донесет на вас в гестапо...

— Мне некуда уходить...

— Вечером, за час до комендантского часа, приходите в сквер. К вам подойдет женщина, в руках ее будет свернутая в трубку газета. Этой женщине вы можете довериться...

Николай быстро сбежал с лестницы и вышел на улицу.

Дома он написал рапорт, в котором сухо, не делая обобщений, информировал о встрече с лейтенантом Цвиллером в клубе «Ринг». Рапорт вложил в конверт, запечатал и отнес на Пушкинскую, в ГФП.

Все это время Николай испытывал тревожное чувство ожидания. Он купил «Молву» и быстро пробежал отдел происшествий. Он позвонил Вагнеру, поблагодарил его за отпуск и ждал, что вот сейчас Вагнер скажет ему: «А вы знаете...» Он прислушивался к шуму беспокойного осеннего моря, и в уда-

рах волны ему слышалось эхо далекого взрыва. Наконец, не выдержав, он нанял извозчика и поехал на завод, зашел к шефу Купферу, договорился с ним о выдаче премии бригаде Гнесианова, написал проект приказа, потолкался в секретариате дирекции, но и здесь ничего не было известно о судьбе эсминца. Тогда он спустился вниз и пошел в механический, но здесь торчала Лизхен, и они с Рябошапченко пошли на эллинг и залезли в рубку поднятого на стапель буксира. Николай Артурович отвел душу, поговорил с Рябошапченко, затем набросал новый чертеж оболочки и капсюля, проставил размеры (прежний чертеж, по которому точил Берещук, они тогда же уничтожили).

Пообедав на заводе, Николай отправился к Покалюхиной и застал ее дома.

— Видишь, Юля, я и дня не могу обойтись без тебя...— пошутил он.— Есть нелегкое дело...

Он рассказал о своей встрече с Цвиллером и поручил Юле, временно, пока не найдется более надежное место, укрыть его.

— Не очень это интересное поручение — прятать от гестапо гитлеровского офицера! — заметила она. У Юли всегда было свое мнение.

— Гитлеровец, у которого прорезалось политическое зрение, может оказаться полезен...

— Не пойму, чем? — удивилась она.

— Он может обратиться к офицерам и солдатам вермахта по радио. Знаешь, как важно, чтобы кто-то из их среды сказал вслух то, что каждый из них думает втайне...

— В районе Преображенской, недалеко от телеграфа, жила одна моя подружка... Что ж, пойду поговорю с ней...

В окно постучала Зина.

— Не ждали? — сказала она, входя в комнату.— Есть новости! Ты, Коля, поручил мне следить за районом Черкассы — Кременчуг. Вот сводка за четырнадцатое декабря...— она передала ему листок из блокнота.

> «Войска 2-го Украинского фронта, продолжая развивать наступление,— читал он,— 14 декабря в результате напряженных боев овладели городом *Черкассы,* важным узлом обороны немцев на правом берегу *Днепра.*
>
> Западнее *Кременчуга* наши войска продолжали наступление и овладели пунктами...» [1]

Николай достал из кармана и расстелил на столе карту, с которой теперь не расставался. В лучшем случае Глаша успела доехать до Голты... Конечно, поезд Голты — Черкассы отменен... Как же она будет добираться до Балаклеи?..

Поезд подолгу стоял на каждом полустанке. На станциях пассажиры высыпали из вагонов и бежали к водокачке, где сразу же возникала толкучка. Здесь вещи меняли на продукты. На марки, на рубли и карбованцы здесь можно было купить соленые огурцы, жареную рыбу, пирожки с повидлом, вареные яйца и другую немудреную снедь.

Глаша из вагона не выходила, закусывая тем, что взяла в дорогу. Она присматривалась к попутчикам, молчала, не вступая в разговоры, глядела в окно или, открыв книжицу, шептала молитвы...

Глашино «благочестие» было замечено двумя женщинами-баптистками. Они признали в ней «сестру во Христе», угощали сладкой наливочкой и вели

---

[1] «Сообщения Советского информбюро», т. 5, стр. 287.

благолепные, неторопливые беседы, рассказывая о своей поездке в Одессу к пророку за божьим словом. Сами они были с Умани. Из Голты их путь лежал на запад через Рудницу, затем Вапнярку и снова на восток с пересадкой в Христиновке. Узнав, что Глаша едет в Балаклею к тетке, они принялись уговаривать ее повернуть к ним, в Умань. Зная, что путь на Балаклею через Смелу может оказаться для нее закрыт, Глаша от предложения не отказывалась, но и не соглашалась. Решила потянуть до Голты, а там, если состава на Черкассы не будет, согласиться ехать в Умань.

Обе сектантки, похожие друг на друга, толстые, страдающие одышкой, наперебой расписывали перед Глашей, какая у них в Умани божья благодать! Да какой у них пастырь и председатель общины отец Севостьян! Он в Америке кончил теологическую школу, «колледж» по-ихнему. Все удивляются его благочестию и целомудрию.

— Да ты, милая, будешь у нас, как сыр в масле...— говорила одна.

— Как овечка божья!..— говорила другая.

— Сперва поживешь у меня, поможешь по хозяйству, или вот у сестры Анастасии...

— Можно, конечно, и у меня, если будет угодно богу, а можно и у сестры Пелагеи...

— Если будет угодно богу...— добавила Глаша.

В Голту поезд пришел поздним вечером. Вокзал был затемнен. По платформе садил холодный косой дождь. В полуразрушенное здание вокзала набились сотни людей с узлами, корзинами, всяким скарбом. Глаша не представляла себе, что такая масса народу передвигается с места на место, куда-то едут, куда-то спешат...

Здесь никто ничего не знал, но откуда-то просачивались слухи; одни вызывали панику, другие апатию. Говорили, что все поезда на север отменены: русские прорвали фронт в районе Черкасс, что только утром будет состав, да и то на Рудницу...

Услышав это, «сестры» воспрянули духом и стали искать пристанища на ночь. Так они втроем и бегали по станционным хибарам, в середине Глаша, связав и перекинув через плечо их тяжелые корзины, с обоих сторон «сестры», они семенили за ней, жалея ее, маленькую да сирую...

Пристроились они в тесной клетушке, где заправляли керосиновые лампы для путевых знаков. Тут у них был знакомый — «брат во Христе», смешливый, хлипкий старичок Павел. Брат тискал сестер и говорил всякие сальности. «Сестры» охали, закатывали глаза и поминали бога.

Железнодорожный состав подали утром на Рудницу. Половина вагонов была занята военными. С трудом, не без помощи «брата» Павла все трое попали в набитый до отказа вагон и устроились на боковой полке.

В то время как Николай склонился над картой, поезд, которым ехала Глаша, только подходил к Старому Гайворону...

Днем Николай договорился с Загоруйченко встретиться у Мавромати в «Гамбринусе». После завтрака им снова овладело беспокойство, и он пошел на Пушкинскую, купить газету.

На углу он увидел фрау Амалию фон Троттер, которая по-прежнему совершала свой утренний моцион. Николай было прошел мимо, но вдруг уловил что-то новое в походке и во всем облике Амалии. Она шла так же прямо на него спортивным, вы-

соким шагом, но углы ее большого рыбьего рта были опущены, нижние веки набрякли и покраснели от слез, а на шляпке, украшенной гроздьями винограда, лежала волна черного крепа.

Его сознание не сразу смогло связать в один узел новую деталь туалета Амалии и тревожное беспокойство этих дней, но спустя несколько минут, расплачиваясь в киоске за «Молву», он понял, что произошло. Сунув газету в карман, Николай перехватил извозчика и поехал в «Стройнадзор».

«К баурату или его заместителю?» — подумал он и, решив, постучал к Вагнеру.

— Какое несчастье!..— встретил его в дверях Вагнер, обнял и усадил на диван.— Вы уже слышали?

— Нет. А что случилось? — внешне сохраняя спокойствие, спросил Гефт.

— Четырнадцатого в семнадцать часов пятьдесят семь минут на траверзе мыса Тарханкут взорвался эсминец «РВ-204». От детонации начали рваться боеприпасы на самоходной барже. Взрывом был поврежден второй транспорт с пополнением, дал крен и пошел ко дну. Удалось спасти несколько человек...

Чтобы не выдать свое подлинное состояние, Гефт закрыл ладонью глаза.

— Конечно, в мрачном свете этой трагедии ваше награждение Железным крестом выглядит несколько, я бы сказал, неуместным. Если адмирал еще не отправил в Киль свое представление, придется воздержаться... Надеюсь, что вы к этому отнесетесь философски...

— Почему произошел взрыв? — спросил Гефт.

— Говорят, что эсминец подорвался на мине. Корпус буквально раскололся надвое и затонул в

течение нескольких минут. Бедная Амалия фон Троттер!.. Это такая утрата...— Вагнер снял очки в золотой оправе и стал протирать стекла платком.

Было похоже на то, что Вагнер пытается выдавить «скупую слезу сожаления».

Николай поехал не на завод, а домой, на Дерибасовскую, и, пользуясь отсутствием родителей, записал в «расход» эсминец и две самоходные баржи с боеприпасами и пополнением.

В «Гамбринусе» его уже давно ждали Ася и Загоруйченко. Он объяснил причину своего опоздания трагедией у мыса Тарханкут и был прощен.

Загоруйченко мрачно тянул из бокала вино, пытливо посматривая на Гефта. Его мучил все тот же вопрос: на какую «услугу» намекал вчера Гефт?

Когда Ася пошла звонить по телефону Маскетти и они остались одни, Олег не выдержал:

— О какой услуге ты говорил вчера?

— Прости, Олег, но я что-то не припомню...— с предельной искренностью удивился Гефт.

— А ты вспомни! Ты сказал, что стоит мне оказать услугу красным, и все мои грехи...

— А! Да, да... Теперь вспомнил. Я не имел в виду ничего конкретного. Но согласись, Олег, что это логично. Твои тайные грехи вряд ли могут всплыть, а все остальное легко искупить одной услугой...

— Какой?! — упрямо настаивал Загоруйченко.

— Какой, говоришь...— Гефт сделал вид, что задумался.— Озорная мысль! Представь себе, что ты пригласил к себе на тренировочную дачу в Аркадии своего дружка Михаила Илинича... А впрочем, это глупость.

— Нет, начал, так говори! — пристал Загоруйченко.— Пригласил Илинича, дальше...

— Дальше хороший удар, нокаут, гость связан по рукам и ногам. В это время, как пишется в приключенческих романах, русские войска вступают в Одессу. Осознавший свою вину перед родиной, известный боксер Олег Загоруйченко передает в руки советского правосудия изменника и предателя Илинича! Музыка, туш! Слезы умиления! Начальник советской контрразведки снимает со своей груди орден и вешает на грудь Олега Загоруйченко!..

— Ты злобный шут! — бросил Загоруйченко.

— Да, я люблю шутку, но я не шут. Наконец, в каждой шутке есть доля правды. Ты навел Гофмайера на след Гельмута Цвиллера?

Застигнутый врасплох, Загоруйченко ответил:

— Да. Но Цвиллер оказался умнее, чем я думал: он сбежал.

— И ты, конечно, сослался на меня, как на свидетеля?

— Разумеется. Ты же все слышал...

— А если бы я не донес Гофмайеру, меня привлекли бы к ответу за недоносительство, да?

— Ты бы выкрутился... Ты скользкий, как угорь...

Вошла Ася Квак и поставила на стол новую бутылку вина, сказав:

— Плохо дело, мальчики! Маскетти ищет покупателя на свой пай в «Гамбринусе», хочет драпануть в Триест. Он говорит, что начинает себя чувствовать в Одессе, как камбала на горячей сковородке!.. А если собирается улизнуть такая лиса, как Маскетти,— дело, мальчики, дрянь!.. Можете поверить Асе Квак.

Загоруйченко и Гефт переглянулись.

— Нокаут! Веревочку — и в подвал! Музыка, туш! — улыбаясь, напомнил ему Гефт.

ПЕРЕХОД РУБИКОНА

В Христиновку они прибыли семнадцатого утром.

Здесь давно выпал снег, но было еще не холодно. Дул порывистый, по-весеннему теплый ветер. Дороги развезло, и в проталинах стояла вязкая, топкая грязь. Грачи с беспорядочным граем слетались в звонкие стаи. Редкие дымки стлались низко, по-над самой землей.

На станционных путях рядом с их поездом стоял воинский состав. Маршевый батальон с западного побережья Франции. В числе других воинских частей, наспех стянутых, он должен был заткнуть брешь под Черкассами.

Пользуясь тем, что в этот ранний час «сестры во Христе» спали, Глаша соскочила с подножки и подошла к эшелону. В тамбуре одного из вагонов, свесив ноги наружу, сидел молодой солдат и что-то жалостное наигрывал на губной гармошке.

— Эй, парень! Взял бы ты меня с собой, а? — сказала Глаша, указывая на восток.

Солдат, не расставаясь с гармошкой, спросил:

— Вас мэхтест ду, фрау? [1]

— Мне надо в ту сторону, на восток! — еще раз повторила Глаша.

Солдат перегнулся назад и крикнул кому-то в вагоне:

— Халло, Эрих! Хир ист айне руссин! Их вайс нихт, вас зи виль [2].

В тамбур вышел коренастый пожилой солдат в очках, посмотрел на женщину и спросил:

[1] Что тебе надо, женщина?

[2] Алло, Эрих! Здесь русская женщина. Я не пойму, что ей надо!

— Цо то есть надо, фрау? — Этот немец из Кракова был в роте переводчиком.

— Возьмите меня с собой! Мне надо туда, на восток! — Глаша показала в сторону локомотива, укутанного облаком пара.

— Документ есть? — спросил краковский немец.

— Как же, есть! Немецкий документ! Правильный! — заволновалась она, доставая из тряпицы пропуск.

Пожилой взял документ, прочел его и сказал солдатам, собравшимся в тамбуре:

— Айне руссин! Зи хат айнен рихтиг аусгештельтен пассиршайн нах Балаклава унд мэхте митфарен [1].

— Варум нихт? [2] — сказал один.

— Блос вас вирд дер фельдфебель заген? [3] — выразил сомнение другой.

— Золь зи дох унтер ди банк крихен! [4] — предложил солдат, игравший на губной гармошке.

— Мы тебя будем ховай под... банка! — перевел ей краковский немец.

— Да, да, я тихо, как мышь, под лавкой! — быстро согласилась Глаша, поднялась в вагон, взяла баул, узелок и спустилась на пути. К ней протянулись несколько рук, подняли ее, ввели в вагон, и Глаша юркнула под первую же лавку от двери.

Здесь было тепло. Женщина положила под голову узелок и с наслаждением вытянулась. Последние два дня она не закрыла глаз. «Сестры во Христе»

---

[1] Русская женщина. У нее законный немецкий пропуск в Балаклею. Просит ее взять с собой.

[2] Почему бы нет?

[3] А что скажет фельдфебель?

[4] Пусть лезет под лавку.

заняли всю боковую лавку валетиком, а Глаша сидела возле них на своем бауле.

Тепло и какой-то странный запах, идущий от смазанных солдатских сапог, разморили ее, она уснула.

Когда эшелон изрядно отъехал от Христиновки, солдат с гармошкой сказал пожилому:

— Эрих, варум зист ду денн нихт маль нах дер фрау? [1]

Пожилой заглянул под лавку и сообщил:

— Ди фрау шлефт ви айн мурмельтир! Вист ир, зи ист нох юнг унд рехт хюбш! [2]

Тогда все отделение по очереди заглянуло под лавку, и большинство согласилось с Эрихом, только солдат с гармошкой сказал:

— Айн ганс магерес кюкен! [3]

Снова пошел мокрый снег и залепил стекла. Эшелон, не останавливаясь, сквозь ветер и снег все шел на восток. Затем они долго стояли в Шполе, пока не перестал снег и на станцию не налетели русские самолеты. Тогда эшелон быстро отправили со станции, и они слышали, как бомбы рвались на путях. Паровоз делал судорожные усилия, чтобы увезти состав из-под бомбежки, но все же, как только они выбрались в открытое поле, бомба угодила в паровоз. Солдаты выскочили из вагонов и разбежались по заснеженному полю, где каждый из них в темной шинели был отличной мишенью сверху. И самолеты, заход за заходом, расстреливали эту черную массу солдат на белом и ровном поле.

---

[1] Эрих! Почему ты не проведаешь свою фрау?

[2] Наша фрау спит, как сурок. А вы знаете, она еще молодая и хорошенькая!

[3] Худой, заморенный цыпленок!

Когда Глаша проснулась и выбралась из-под лавки, в вагоне никого не было. Сквозь разбитые окна гулял ветер и хлопал дверью. Слышались отдаленные взрывы, треск зениток на станции, рокот пикирующих самолетов, пулеметные очереди. На лавке лежал кем-то приготовленный кусок хлеба с беконом и долька чеснока. Глаша взяла бутерброд и, закусывая долькой чеснока, с жадностью его съела. Потом она подумала, что хозяин этого завтрака обязательно вернется и спросит с нее... Она достала из-под лавки свои вещи и вышла в тамбур. Здесь лежал молодой солдат с губной гармошкой, зажатой в руке, на глазах его, жужжа, деловито суетилась серая мясная муха. Глаше стало не по себе. Она спрыгнула вниз на полотно, упала, поднялась, собрала свои вещи и пошла туда, где, ей казалось, был восток. Ноги ее утопали в снегу, она натыкалась на колючее ограждение и обходила его стороной.

Глаша шла долго, не чувствуя усталости. Сон в вагоне подкрепил ее, и единственное, о чем она сейчас мечтала, была кружка горячего чая, такого, чтобы обжигал грудь.

Солнце было на закате, а она все шла на восток. На снег ложились глубокие тени. Затих ветер. Улеглась поземка. Все явственнее стал слышаться шум моторов — где-то близко проходила дорога. Она ускорила шаг и вышла на проселок, по которому в обе стороны двигались машины.

Глаша подняла руку и перед ней затормозила автоцистерна.

Она торопливо развязала узелок, достала отрез бумажного коверкота и, показывая его шоферу, сказала, ломая русскую речь, чтобы было понятнее немцу:

— Мне надо туда, на восток! Ты берешь меня на машину, я буду давать тебе этот отрез! Смотри, какой гут отрез! Пятьсот марок я за него платила!

Позади цистерны был дощатый помост, на нем человек в овчинной шубе с поднятым воротником и автоматом в обнимку. Из русской овчины выглянул усатый солдат в немецком лобастом треухе и крикнул:

— Хе, Хуго! Вас ист лос? [1]

— Эс ист айне руссин, ди митвиль! [2] — крикнул в ответ шофер, высунувшись из машины, затем молча он взял у Глаши отрез, сунул его под сиденье и жестом указал ей место в кабине.

Глаша поднялась в машину. Заскрежетала коробка скоростей, и автоцистерна тронулась.

Они ехали час, второй...

Глаша несколько раз ловила на себе тяжелый, оценивающий взгляд шофера.

Дорога легла через лес, густой и темный.

Шофер сбросил скорость, притормозил, вышел из кабины, обошел машину кругом, несколько раз пнул сапогом баллон. Что-то сказал солдату в овчинной шубе и, открыв дверцу кабины, вытащил такую же овчину, бросив женщине:

— Штайг аус! [3]

Глаша стала собирать свои вещи, но шофер сказал:

— Ди захен блайбен хир! [4]

Она все поняла и, что было силы, вцепилась руками в руль.

[1] Эй, Гуго! Что там?
[2] Да вот русская, просится в машину.
[3] Выходи!
[4] Вещи пусть останутся здесь!

Шофер влез в кабину, оторвал пальцы женщины от руля и столкнул ее на дорогу.

Бежать! Первая мысль была — бежать! Казалось, еще можно спастись! Но Глаша знала, что он ее просто пристрелит в спину.

Шофер поднял ее и, показав на дорогу, пошел следом, держа овчину в руке.

Глаша слышала за собой его тяжелые, неотступные шаги.

Метров сто они шли от дороги.

— Хальт! [1] — хрипло сказал шофер и бросил на снег овчину.— Ком гер! [2]

Сквозь пелену слез и слепящую ненависть она видела все ближе и ближе его глаза, тупые и жестокие... Звериный дух, идущий из его рта, душил ее... Он сжимал руками в брезентовых рукавицах ее грудь, а она думала, как бы уберечь от него спрятанную на груди книжку и документы...

— Хе, Хуго! Дауэртс нох ланге? [3] — раздался крик с дороги, затем продолжительный сигнал сирены и автоматная очередь.

— Хольс дер тойфель! [4] — выругался шофер. Он поднялся, выдернул из-под женщины овчину, опрокинув ее лицом в снег, и пошел к машине, ворча: — Альс об эр нихт вартен кан! [5]

Снова заскрежетала коробка скоростей, мотор заворчал и машина тронулась.

Снег, залепивший Глаше нос, глаза и рот, подтаял от ее тяжелого дыхания. Холодная струйка потяну-

---

[1] Стой!
[2] Иди сюда!
[3] Эй, Гуго! Ты скоро?
[4] Черт! Не терпится ему.
[5] Нельзя человеку развлечься!

лась за ворот и привела ее в себя. Она поднялась, сперва на колени, потом, держась за ствол молодой березки, встала на ноги, но тут же упала. Упрямо она поднялась вновь на колени, собрала пригоршни снега, умыла лицо и вдруг, взвизгивая, по-бабьи заревела в голос... Ее узкие, худенькие плечи сотрясались от слез. Потом, всхлипывая, она затихла, встала и пошла в сторону дороги.

Несколько часов тому назад оживленный проселок был пустынен. Она долго шла, проваливаясь в глубокую колею. Наступила ночь. Где-то слышались взрывы, и огненные всполохи поднимались над потемневшим небом. Глаша упрямо шла на восток; у нее еще была злость, которая не давала угаснуть силам.

Среди ночи она огородами обошла Ротмистровку, эти места ей были знакомы с детства. До Балаклеи оставалось пятнадцать верст.

Последние часы под утро ей давались с неимоверным трудом. Чудом уцелевший петух встретил ее утренней песней. Дверь дома была открыта настежь. Глаша вошла в горницу и увидела тетку Раису. В сусликовой шубе и платке, она сидела зареванная на узлах и шмыгала носом.

Глаша молча остановилась у двери и опустилась на табурет.

— Господи, да неужто это ты, Глашка? — перестав всхлипывать, спросила Раиса.

— Я...

— Так мы же к тебе собрались, в Одессу!

— А я из Одессы к вам, в Балаклею...

— Да ты что? Или спятила?! Большевики уже в Белозерье! Смелу палят бомбами! Мой Глебушка бегает по всей Балаклее, подводу ищет... А ты?

— Сами звали,— усмехнулась Глаша.— Не ко двору пришлась, ладно. Отдохнула...— она поднялась и пошла к двери.

— Стой! Стой, скаженная! Тетка я тебе или нет?!.

Но Глаша уже вышла за дверь, пересекла улицу, огороды и пошла к синеющей вдали гребенке леса. Ноги ее слушались плохо, но она упрямо шла вперед, миновала подлесок — вон как он разросся, молодой осинник,— ступила на узкую тропку, но не сделала и ста шагов, как вырос перед ней парень с автоматом:

— Стой! Кто такая?

— А ты кто же будешь? — спросила Глаша, осипнув от нечаянной радости.

— Тебя спрашиваю! Ну!

Теперь Глаша рассмотрела молодого паренька в армейском треухе, в стеганке, подпоясанной немецким ремнем. У него и автомат-то был немецкий, костылем...

— Ты, парень, веди меня к своему начальству,— сказала Глаша и, словно уже начался ее заслуженный отдых, прислонилась к деревцу и закрыла глаза.

Паренек свистнул. Откуда-то из глубины леса послышался ответный свист. Под ногами захрустел валежник. На тропку вышел, поначалу Глаше показалось, мужик,— ан баба, высокая, плечистая. О чем-то она с пареньком пошепталась и, указывая автоматом, с насмешкой сказала:

— Что ж, иди, коли так хочется! Комиссар у нас строгий, не обрадуешься!

Шли они минут пятьдесят. Ее проводница только покрикивала:

— Трошки правее! Вертай налево! Не беги, пуля все одно догонит!..

Вышли они на поляну, их окрикнули. Проводница с кем-то пошепталась, и они вошли в круг, огороженный подводами. Посередине была обширная землянка. Проводница скомандовала:

— Руки вверх!

Глаша подняла руки. Женщина ее всю обшарила, быстро нащупала узелок на груди:

— А ну, вынимай, чего у тебя там!..— приказала она.

Глаша вынула связанные в тряпицу флакончик, книжку и документы.

Партизанка заглянула в книжку, хмыкнула:

— Святоша, видать! — и, забрав с собой «вещественные доказательства», спустилась в землянку.

Через некоторое время ее крикнули из землянки:

— Вагина, зайди!

У стола сидел нестарый человек, в кубанке, в гимнастерке с расстегнутым воротом. Глаша обратила внимание на его руки, жилистые, сильные и ловкие. Пальцы его касались страниц книжки едва-едва, но точными, верными движениями.

«Мастеровой, наверно,— подумала Глаша,— умелые руки!»

— Ты кто же такая, Вагина? Неужто из Одессы? — спросил он, разглядывая ее пропуск.

— А вы кто, товарищ?

— Я комиссар партизанского отряда. Зовут меня товарищ Яков.

— Моего мужа звали Яковом...— сказала она и, не сдержав себя, уронила слезу.— Скажите ей, чтобы вышла.

— Аксинья, выйди! — распорядился комиссар.

Партизанка, фыркнув, с неохотой ушла.

— Ну, слушаю я тебя, Глаша.

Спустя полчаса для нее затопили баню. Глаша мылась долго, с ожесточением.

Ее накормили и уложили в землянке.

Только теперь к ней пришла усталость. Тело ее ныло, словно после тяжелой и продолжительной болезни. Она уснула и проспала до следующего дня.

Затем Глаше дали сопровождающего. Товарищ Яков простился с ней, и вот где ползком, где в рост, где выжидая, а где и бегом они добрались до расположения нашей части.

Здесь Глашу переправляли, не задерживая, и на лошади, и на машине, и самолетом, пока не оказалась она в том самом городе в тылу, откуда два дня назад вылетел в Одессу связной Бурзи.

В ночь с семнадцатого на восемнадцатое самолетом «У-2» был сброшен с парашютом в пятнадцати километрах севернее села Мостовое Валерий Бурзи.

Перед прыжком, как было между ними условлено, пилот поднял ладонь с растопыренными пальцами — это значило, что Буг замерз, и Бурзи мог смело говорить, что перешел Буг по льду.

С трудом он закопал парашют в мерзлую землю, сверился по компасу и отправился на юг.

На окраине села Мостовое он сунул компас в сусличью нору, снял вещевой мешок, чтобы не привлекать к себе внимание, спросил у встречного, как пройти в жандармское управление, и, конечно, пошел в противоположную сторону, не заходя в село. Под хутором Веселый он отдохнул в стоге сена и двинулся снова на юг, нигде не останавливаясь. С наступлением темноты он добрался до хутора Крысово и попросился переночевать. Уже снял с себя стеганку, чтобы подстелить на лавке, как пришли примарь и полицейский, проверить документы.

Примарь бывал в Херсоне и, видимо, знал город. Подозрительно глядя поверх очков, он задавал каверзные вопросы. Но Бурзи вырос в Херсоне и знал в городе каждый дом. Такая проверка для него была, как говорят в Херсоне, «семечки». Он отвечал, позевывая от усталости и скуки.

Сбитый с толку его спокойствием, примарь извинился за беспокойство и ушел вместе с молчаливым, флегматичным полицейским.

Утром Бурзи снова двинулся на юг. Завадовку, где был жандармский пост, он обошел с запада и угодил в Давыдово, но в плавнях встретил людей, которые показали дорогу в обход, горкой. Так Валерий добрался до хутора Галупов и в крайней избе попросился на ночлег.

— Матрена Моисеенко! — представилась ему хозяйка, пожилая женщина с обожженным солнцем лицом, темным, как на старинных иконах.

— Валерий Бурзи! — ответил он, достал паспорт и протянул хозяйке.

— Мне паспорт ни к чему.— Она оглядела его и сказала: — Я вот гляжу на тебя и все как есть вижу без паспорта. Ты, милый, сиганул с самолета,— она каждое слово, словно вырубала ребром ладони,— и теперь тайком пробираешься к морю. Иль брешу, скажешь?

— Брешете, хозяйка! — улыбнулся Бурзи, а улыбка у него была удивительно заразительная.

Хозяйка тоже улыбнулась, настаивать не стала и занялась хозяйством. Она поставила на стол кринку с кислым молоком, отрезала ломоть хлеба, достала ложку, вытерев фартуком, положила на край кринки и села с ним рядом, глядя на него с каким-то добрым участием.

— Маманя,— спросил сын,— гость будет спать в горнице?

— В горнице, сынок, в горнице,— повторила она и пошла стелить.

Утром, когда Валерий Бурзи прощался, хозяйка сказала:

— Если тебе в Одессе будет труба, сходи до моей дочери Верки, она тебе поможет. Вера Филипповна Лыхтарь. Живет она по улице Канатной, в доме номер сорок один.

Хозяйский сын огородами вывел его в поле, показал кратчайшую дорогу и сказал:

— Вчерась ночью приходил полицай, спрашивал, остался ты ночевать или нет. Я ему сказал, что только водицы попил и ушел. Ну, бывай!

Бурзи с благодарностью пожал парню руку и снова двинулся на юг, в сторону моря.

Лиманы он обходил с севера, потому что вдоль всего Николаевского шоссе патрулировали полицейские. А когда его все-таки задержали, отбрехался тем, что вот, мол, пока под Мелитополем рыл окопы, семья эвакуировалась из Херсона, а тут в селе Бузиново у меня тетка учительствует, так не к ней ли, думаю, подались...

Старший полицейский посмотрел его документы — расхождений не было, лицо у человека открытое, улыбчатое, такой врать не станет, ну и отпустили.

Последнюю ночь перед Одессой он ночевал в Нерубайском. В город вошел по трамвайной линии из Усатова, опасаясь полицейских патрулей на мосту. Поднялся в гору и через Слободку вышел на Старо-Портофранковскую улицу. С капитаном Лесниковым он детально изучил план города, поэтому, легко

ориентируясь, направился на Канатную, к дочери Матрены Моисеенко.

Вера Лыхтарь приняла его хорошо, дала умыться с дороги, накормила, но приютить у себя отказалась:

— Понимаете, соседи — не приведи господь! Вам у меня никак нельзя оставаться, сейчас же побегут в полицию. Мы сегодня с вами сходим на вечерку к подружке моей, Валентине,— она на этой же улице живет,— поговорим, может, у нее...

Так Бурзи определился на Канатной, в доме номер шестьдесят, у Валентины Пустовойтовой. Хозяйка его была всем хороша, но особенно тем, что не интересовалась, чем занимается, где бывает.

НАЧАЛО КОНЦА...

Рождественский бал в «Фольксдейче миттельштелле» не удался, этому были всякие причины.

Накануне у себя в кабинете застрелился штурмфюрер СС, заместитель Гербиха по общим вопросам Зепп Дирксен. У старого Зеппа — так его звали в Управлении — было три сына — «гордость нации». Они пали на Восточном фронте во славу фюрера. У старого Зеппа еще оставались дочь Ева и жена. Они жили в Кенигсберге; бомба угодила в их дом, и, как написали ему из Пруссии, не нашли останков, чтобы похоронить их в фамильном склепе Дирксенов. Вчера утром Зепп Дирксен получил это известие, а в полдень он выстрелил себе в рот из пистолета. Смерть Зеппа Дирксена была не такой большой потерей, чтобы помешать рождественскому балу, но штурмфюрер оставил записку, содержание которой стало достоянием всего Управления. Он писал:

«Какие у меня могут быть претензии? Ровно никаких! Так же, как сотни тысяч других немцев, я хотел этой войны, и я ее получил!

Зепп Дирксен».

— И это написал штурмфюрер СС, кавалер трех орденов рейха, когда-то с отличием кончивший Хоэ шуле — высшую школу фашистской партии! Непостижимо! — сказал оберштурмфюрер Гербих.

Но пригласительные билеты разосланы, и рождественский бал должен состояться!

Были и другие причины, испортившие этот праздник. Несколько сотрудников Управления, получив рождественские отпуска, поехали в Германию. Удивительно, как их письма миновали военную цензуру! Они писали такое, что каждый немец, который еще не разучился думать, даже сидя под елочкой с зажженными свечами, представлял себе с горечью и безнадежностью будущее. Эту напряженную обстановку в Управлении усиливали сводки военных действий с Восточного фронта. Сотрудники уже давно привыкли до получения официальных сообщений верховной ставки фюрера пользоваться сводками Советского информбюро — время подтвердило их объективность. А известия были мало сказать скверные — катастрофические! Советские войска неумолимо двигались на запад, и даже здесь, совсем близко, на Херсонском направлении, русские опрокинули последний предмостный плацдарм немцев на левом берегу Днепра. Очень активизировались партизаны Одессы. В районе Ближних Мельниц вспыхнул склад горючего и боеприпасов. Это была поистине рождественская иллюминация!.. На станции

Одесса-Товарная пять паровозов, предназначенных для военных эшелонов, были на полном ходу направлены в тупик и разбиты... После заводского ремонта, истребитель подводных лодок «КТ-39» взорвался в открытом море... Самоходная баржа «Шпрее» взорвалась во время погрузки боеприпасов...

Была и еще одна причина, почему настроение сотрудников Управления было смутным:

По рукам служащих «Фольксдейче миттельштелле» ходила дерзкая листовка на немецком языке, написанная Гельмутом Цвиллером, лейтенантом восемьсот сорок девятого полка двести восемьдесят второй дивизии. Называя вещи своими именами, между прочим, Цвиллер писал:

«Восточная кампания проиграна! Пока не поздно, пока война не пришла к вашим очагам, бросайте оружие! Это говорю вам я, Гельмут Цвиллер, такой же, как и вы, немец!»

Еще месяц назад подобную листовку, негодуя, отнесли бы Гофмайеру, теперь же ее читали, передавали из рук в руки и обсуждали в кулуарах Управления.

Словом, рождественский бал проходил не в очень-то праздничной атмосфере. Сделав прямо в письменном столе старого Зеппа отверстие — старику теперь стол не нужен,— воткнули в него елку, срубленную в Александровском парке. На елке горели польские свечи, висели голландские шоколадки, французские игрушки, чешская канитель и венгерские шкалики с ликером — все это, вместе взятое, называлось «немецкая елка»!

Сидя под елкой, гости и хозяева попытались петь добрые немецкие песни, но, увы, не было необходи-

мого для этого немецкого духа. Тянули киршвассер, запивая скверным пивом. Затем гауптштурмфюрер Вебер, наряженный вайнахтсманом[1], преподносил гостям подарки.

Юле Покалюхиной досталась красивая вязаная кофточка, а Гефт в это время побывал в специальном отделе и сунул в карман несколько аусвайсов и ночных пропусков.

Николай считал рождественский бал удавшимся, Юля тоже.

Когда он, проводив Юлю, вернулся домой, Вера Иосифовна предупредила, что дважды приходил какой-то молодой человек и спрашивал Николая Артуровича Гефта, интересовался, когда его можно застать дома.

Николай удивился. Никто, кроме Рябошапченко, не мог быть у него дома!

— Какой он из себя? — спросил Николай.

— Невысокий, блондин, голубоглазый, очень приятный молодой человек. Вежливый,— ответила мать и, подумав, добавила: — Улыбается...

— Улыбается!..— раздраженно повторил Николай.

— Да, улыбается. Ты спрашиваешь, какой он из себя. И я говорю тебе: улыбается,— терпеливо объяснила она.— В наше время люди улыбаются не часто...

— Пожалуй, ты права. Кто же это мог быть? — сказал он в раздумье, глянул в окно и увидел на улице Бурзи.

Радость захлестнула Николая. Он выбежал из подъезда и под аркой ворот встретился с Валерием.

---

[1] Вайнахтсман (нем.) — рождественский дед.

Ни пароля, ни ответа им не понадобилось. Они долго трясли друг другу руки, хлопали по плечам и, конечно, улыбались...

— Пойдем в парк, там есть такие глухие аллеи...— сказал Николай и взял его под руку.— Ты Бурзи?

— Да.

— Ну, пойдем, товарищ Бурзи, дорогой ты мой человек! Ждал я тебя, как... Поверь, ни одна женщина никогда тебя так ждать не будет!.. Постой, ты когда вылетел? — они остановились посредине моста.

— В ночь с семнадцатого на восемнадцатое...

— От меня связная не приходила?.. Хотя что я спрашиваю, семнадцатого она была еще в пути. Какая удача, что ты пришел! Надолго?

— Возьму информацию, передам задание, и назад!

— Да, задерживаться тебе нельзя, не то время.

В парке было голо, холодный ветер оборвал последние листья. Снег не таял и глубокими сугробами лежал на дорожках. Море, темное, в белых барашках волн, шумело, заглушая их голоса. Здесь они могли не опасаться того, что их подслушают.

— Ты что-нибудь привез от моих аульских? — спросил Николай, когда они устроились на стволе спиленного платана.

— Не аульских, а батумских! — поправил его Валерий.— Герасим Остапович поручил передать тебе, что Анна с сыновьями переехала в Батуми. Живет на улице Камо, в доме четыре. Не нуждается, получает по аттестату и работает в Морском клубе. Мальчики устроены в детсад. Майор сказал: передай Николаю Артуровичу, что через два-три месяца он будет встречать свою семью в Одессе!

— Скажи, Валерий, большая идет сила? Ты же все видел своими глазами!

— Сила огромная! Я никогда не предполагал наличие таких резервов, такой техники! Понимаешь, Николай, смотришь на все это и проникаешься гордостью, что ты русский!

— У самого синего моря сидели на бревне два немца и задавались своей русской гордостью! — с юмором сказал Николай.

— А что? В этом есть логика!

— Есть, Валя, есть дорогой! — согласился Николай. — Ну что же, давай перейдем к делу...

Гефт информировал его по всем вопросам, связанным с выполнением задания. Но как бы ни были важны сведения, добытые разведчиком, не менее важно доставить их по месту назначения. Бурзи не был вооружен средствами тайнописи, емкость же человеческой памяти ограничена.

Николай предложил ему испытанное средство — десятипроцентный раствор желто-кровяной соли. Бурзи обещал подумать.

На этом закончилась их первая встреча, и они направились к выходу из парка. Близился комендантский час.

Пообещав связать его с Покалюхиной и условившись о следующей встрече, Николай проводил Валерия на Канатную, до самого дома.

Только седьмого января Бурзи удалось прописаться, да и то не по Канатной, а в доме двенадцать по Большой Арнаутской. Обошлось зто в пятьсот марок, заплаченных зкзекутору, с которым его свела хозяйка.

Теперь он мог свободно двигаться по городу, не опасаясь того, что его задержат в первой же облаве.

У Бурзи было две встречи с Александром Красноперовым и Натальей Шульгиной, они готовили для него материал. Осталось выполнить последнее поручение, и он решил не терять времени.

Накануне с утра выпал глубокий снег, в полдень растаял, а ночью ударил мороз с ветром и колючим снегом. Снег шел и весь следующий день. На обледенелых тротуарах ветер опрокидывал пешеходов, извозчики в этот вечер не выехали — гололед, только собьешь коням бабки! Трамваи замерли, не хватало на станции топлива.

«Самая подходящая погода,— подумал Валерий,— наверняка застану человека дома».

Так Бурзи оказался на углу Мясоедовской и Прохоровской улиц. Он поднялся на второй этаж. Чиркнул спичкой — квартира двенадцать. Не рассчитывая на то, что звонок работает, постучал. За дверью послышались шаги.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Мне нужен Эдуард Ксаверьевич...

Дверь приоткрылась на цепочку.

— Вы по какому вопросу? — спросила Мария Трофимовна.

— Я к профессору, на консультацию...

Загремела цепь, и дверь распахнулась:

— Входите.

— В дверях кабинета стоял профессор Лопатто. Молча он пропустил Бурзи в кабинет, закрыл дверь и, указав ему кресло напротив, сел за стол:

— Слушаю вас.

— Я к вам, Эдуард Ксаверьевич, от Николая...

— От Николая? — переспросил Лопатто и, пытливо всматриваясь в посетителя, сказал: — Я не знаю такого...

— Николай просил передать, что «гостинец» пришелся по душе. На днях он занесет вам новую упаковку...

— Ваше имя, фамилия?

— Бурзи Валерий Эрихович.

— Послушайте, Валерий Эрихович, вы настаиваете на том, что вас направил ко мне Николай?..

— Да, Николай Артурович.

— Почему он не пришел сам?

— Я прибыл с той стороны фронта, и мне есть что сказать вам, товарищ Лопатто...

— Товарищ! Слово-то какое — товарищ! Два года я ждал, что вот придет человек и скажет: «Здравствуйте, товарищ!» Я слушаю вас, Валерий Эрихович.

— В первую очередь «центр» интересуется тем, как вы жили все это тяжелое время? Я через неделю собираюсь назад...

— Понимаю, товарищ Бурзи. Буду краток. Все это время, говоря откровенно, я жалел, что остался в Одессе. Никаких инструкций, никакой связи... Что я должен был делать, неизвестно... Поначалу было особенно трудно. Кто-то там в губернаторстве шепнул, что Лопатто красный, и вот при организации университета шеф дирекции культуры Троян Херсени не включил меня в списки профессорско-педагогического состава. Больше полугода я был без работы. Потом я понадобился, меня позвали, а я не знал, что мне делать: согласиться или отказаться от кафедры. Посоветоваться не с кем. И вот в период самого тяжелого раздумья получаю я записку, помню как сейчас: «Профессор, вы должны принять предложение. На кафедре вы можете принести пользу. Бойкот университета — протест пассивный!» И под-

пись — «Товарищ Роман». Я знал, кто такой товарищ Роман. Когда меня вызывали в райком, я с ним познакомился в кабинете секретаря. Ну что же, подумал я, товарищ Роман прав, пассивное сопротивление, эдакий протест бескрылого интеллигента — не для меня. Надо работать. И я принял кафедру университета.

— Мне кажется, профессор,— сказал Бурзи,— что педагогический состав университета можно дифференцировать по следующему принципу: первая группа, подавляющее большинство,— люди советские, на сотрудничество с оккупантами их вынудили трудные обстоятельства жизни. Вторая группа, таких немного, пошли работать к оккупантам в силу родства политических взглядов...

— Это, конечно, деление грубое.— Профессор прошелся по кабинету.— Мотивы, побуждения тоньше и разнообразнее...

— Товарищи из «центра» поручили мне спросить вас, профессор, в чем вы нуждаетесь?

— Передайте, что все необходимое у меня есть и единственное, в чем я нуждаюсь,— настоящее дело!

— Не хотели бы вы что-нибудь передать в «центр»?

— А как вы думаете, чем бы я мог быть полезен?

— Видите ли, профессор, события развиваются стремительно. Близок день, когда наши войска войдут в город. В первую очередь, конечно, будет восстановлен университет. Не плохо было бы знать людей, на которых можно опереться.

— Понимаю вас. Хорошо, я подумаю и напишу... В моем распоряжении дней десять?

— Нет, профессор, всего пять дней. Я знаю, что этого мало, но...

Валерий поднялся.

— Не хотите ли стакан чаю? На улице мороз, ветер...

— Спасибо, не могу... Я буду у вас через пять дней, вечером.

Валерий простился и вышел из кабинета. Лопатто проводил его в прихожую, помог надеть пальто и закрыл дверь.

На следующий день, увидевшись с Покалюхиной, Валерий поинтересовался, как дела с его пропуском.

— Я узнала адрес женщины,— сказала Юля,— которая за сто марок достанет пропуск. У нее кто-то свой в полиции. Все, кто по торговым делам должен выехать из Одессы, обращаются к ней... Слободка, Училищная, шесть. Фамилии не знаю.

— Сегодня же пойду на Слободку,— решил Бурзи.

Вечером, посоветовавшись с Гефтом, отправился Валерий на Слободку. Нашел улицу, дом. Мимо рвущегося с цепи пса его проводила в сени молодая нарядная женщина. В комнате, загроможденной дорогой мебелью и горшками с домашними цветами, было тесно и душно, как в теплице. Женщина сбросила меховую шубу и спросила:

— И какое же у вас до меня дело?

— Я занимаюсь коммерцией. Покупка и продажа запчастей к автомашинам. Надо бы мне в Голту. Там, говорят, немецкой техники — горы! Скаты — нипочем!

— И что же? — она хмыкнула в шелковый платочек.

— Пропуск бы мне в Голту...

— Интересуюсь, молодой человек, кто вас до меня послал?

— Слухами земля полнится! Среди коммерсантов о вас такая слава идет...

— Скажете тоже, слава! — она махнула на него платочком.

— Люди говорят, что если вы беретесь — как в магазине: деньги в кассу, чек на руки!

— А сколько, не говорят? — спросила она.

— Сто марок.

— Не мало, говорят?

— В самый раз.

— Ну что мне с вами делать! — вздохнула она.— Вот вам карандаш и бумага, пишите свою фамилию, имя, прописку, район полиции.

Валерий написал данные и, приложив к записке сто марок, свернул трубочкой и сунул ей за корсаж.

— Так я в надежде?

— Я от рождения и есть Надежда! Семнадцатого сентября ангела праздную.

— Я надеюсь, Наденька?!

— Зайдите через недельку, будет, как в аптеке!

Она набросила на плечи меховую шубку и пошла провожать его через двор мимо рвущегося с цепи пса.

В этот вечер Бурзи снова встретился с Гефтом у себя на Канатной, принял последний материал по агентуре сигуранцы, гестапо и организации бывших офицеров царской армии.

Закончив запись, которую он делал раствором желто-кровяной соли в «Справочнике автомобилиста» на немецком языке, Валерий спросил:

— Что-нибудь случилось?

— А что?

— Ты мрачен сегодня...

— Ничего не случилось. Просто исхожу завистью. Через неделю-две ты будешь по ту сторону. Сможешь снять личину, быть самим собой, дышать полной грудью... Послушай, Валерий,— оживился он,— а что, если следом за тобой и мне податься?..

— Мы этот вопрос обсуждали с майором Полудой и капитаном Лесниковым. Пришли к заключению, что делать этого не следует. Майор руководствовался точкой зрения подпольного райкома. Но вот я познакомился с твоей работой здесь, на месте, и говорю тебе совершенно объективно: ни в коем случае! Ты создал активную группу действия. Пользуешься неограниченным доверием немцев. Имеешь доступ к секретным документам. Наладил значительные связи в городе. Нет, Николай, все это добыто с таким трудом, что бросить неразумно. Наоборот, я бы на твоем месте готовил почву к эвакуации вместе с немцами, разумеется если будет получена санкция Управления...

Николай поднялся, надел свою черную кожаную куртку с нарукавным знаком, засунул руки глубоко в карманы и пошел к двери...

— Да! — вспомнил он.— На́ тебе ночной пропуск!

Валерий взял пропуск и, рассматривая его, поднес к лампе.

— Настоящий! Подделками не занимаемся. Фирма солидная! — усмехнулся Гефт, вышел на улицу, свернул с Канатной на Греческую, дошел до Карантинной, постоял в нерешительности и вернулся на Канатную, решив пойти в бодегу, что на углу Новой Рыбной, присмотреться к Александру Босулю.

Как только Николай открыл дверь в бодегу и на него пахнуло запахами кухни, он почувствовал голод.

Хозяин был за стойкой, узнал его, вышел навстречу и повел к одинокому столику в нише.

Николай снял тужурку, повесил ее на спинку стула, стряхнул снег с форменной фуражки и положил на сиденье.

— Чем вас угощать, господин инженер? — спросил Босуль.

— Есть хочу смертельно...

— Могу предложить камбалу в винном соусе — пальчики оближете!

— Ну что ж, давайте камбалу...

— Так ведь рыба плавать любит,— подмигнул Босуль.

— Бутылочку сухого,— согласился Николай и глянул в глубину зала. За столиком напротив сидела женщина, лицо ее показалось знакомым. Николай задержал на ней взгляд не более секунды, но для Босуля и этого оказалось достаточным.

— Нина! Самостоятельная одинокая дамочка! Заходит к нам по потребностям. Можно пригласить к столу...

— Она же не одна,— заметил Николай.

— Это так, шпана, голь перекатная! Позвать?

— Нет. Не надо.

— Камбала в вине и бутылка сухого,— повторил Босуль и пошел к стойке.

Николай сел за стол, завернул несвежую, в жирных пятнах скатерть, поднял глаза и встретился взглядом с женщиной напротив. Спиной к нему сидел начинающий лысеть мужчина в военном френче, какие почему-то предпочтительно носили деятели из

РОА. Женщина была еще молода, недурна собой — светлая шатенка, голубоглазая, с искусно нарисованными чувственными губами. Одета в откровенно декольтированное платье с искусственной розой на груди. Рассматривая его, она прикладывала к глазам сложенные очки.

«Где я мог ее видеть? — подумал Николай.— Очень знакомое лицо, очень!»

До него долетели обрывки разговора, повышенный, немного экзальтированный голос женщины, который также казался знакомым. Размышления его прервала девушка с подносом.

— Здравствуйте, Леночка! — поздоровался он.

— Здравствуйте,— сухо ответила она, расставляя на столике прибор.

— Вы помните меня? — спросил Николай.

— Признаться, нет. Столько здесь ходят...— и, не закончив, она ушла на кухню, но скоро вернулась, неся на подносе бутылку вина, судок с камбалой и отдельно соусник. Пока она выкладывала рыбу на тарелку, Николай сказал:

— Вы, Леночка, сегодня неприветливы. Я могу быть вам полезен...

— Послушать вас, так все вы можете быть полезны! — зло сказала она и, забрав судок, ушла.

«Видно, доверчивость Лены была кем-то обманута...— подумал он.— Не Думитру Котя?»

Камбала аппетитно пахла, и Николай, выпив глоток вина, занялся рыбой.

За столиком напротив мужчина расплатился и ушел. Женщина осталась одна. Теперь все ее внимание было поглощено Гефтом, она совершенно открыто рассматривала его, поднеся к глазам, словно лорнет, очки.

Снова появился Босуль — хозяин интересовался, понравилась ли гостю камбала.

— Очень вкусно! Я давно не ел ничего подобного! — похвалил Николай кухню.— Выпейте со мной стаканчик вина?

— Спасибо. Я уже набрался. Вы редко к нам заходите...

— Не с руки, живу я в другом районе. Мне майор Котя рассказывал о той услуге, что вы оказали командованию...

— Не пойму, о какой вы услуге...— скромничал Босуль.

— Вы знали расположение минного поля и принимали деятельное участие в его разминировании,— напомнил Гефт.

— Было, было. Чего только не было! А женщина глядит на вас и так, и через свои стекляшки... Вы ее за сердце зацепили... Теперь она одна. Пригласить?

— Нет. Достаточно мне и одной рыбы! — пошутил Гефт.

— Она не рыба, огневая дамочка! Дело ваше. Простите, дружок пришел! — извинился он и направился к стойке, где его дожидался чернявый человек, похожий на шпика.

Женщина поднялась из-за стола, взяла свою сумочку и очки, направилась к выходу, но, все замедляя шаг, остановилась...

Все в ней было знакомо Николаю: и эти резкие, порывистые движения, и низко опущенная голова...

Она повернулась и пошла прямо к столику Гефта, вошла в нишу, опустилась на свободный стул и спросила тихо, но с какой-то затаенной угрозой:

— Николай Артурович, вы меня не узнаете?

И Николай узнал ее.

Начало войны застало Николая Гефта в Туапсе на «Совтанкере». В конце мая его мобилизовали и, зачислив в Черноморский военно-морской флот, оставили в должности заместителя главного инженера. В то время в отделе главного механика «Совтанкера» работал инженер Земский, Зиновий Александрович, человек ничем не примечательный, тихий, незаметный, исполнительный. С начала войны, особенно после первого же налета гитлеровской авиации, Земский резко изменился. Нервы у человека сдали, или очень он за свою жизнь испугался, но опустил руки и начал всех Гитлером пугать: «Страшная сила! За ним все ресурсы, вся экономика Европы! Россия разлетится, как гнилой орех, под ударом гитлеровской армии!..» — шептал он. В дни войны паникер опаснее врага. Инженера Земского арестовали, началось следствие. Николай Гефт однажды присутствовал при заклинании Земского, вызвали и его. Что было делать? Сказал правду, все как было.

Суд над Земским был закрытый, но жена его на суде присутствовала, слышала свидетельские показания Гефта. А на следующий день после суда Земская явилась в кабинет к Гефту и злобным шепотком, чтобы не слышали за стеной, бросила ему в лицо тяжелое обвинение:

— Это вы оклеветали Земского! Это вы лишили коллектив честного человека! Это вы отняли у меня мужа!..

С июня сорок первого года Николай не встречал Нину Ивановну Земскую, и вот она перед ним, за одним столиком...

Помнится, у нее были красивые длинные волосы, тяжелый узел на затылке, теперь она стриженая. На лице следы беспокойной ночной жизни.

«Кажется, Земская — инженер-теплотехник»,— вспомнил Николай и сказал со всей приветливостью, на какую был способен:

— Простите, я не сразу узнал вас. Вы Нина Ивановна Земская. Как видите, память мне не изменяет.

— Вы помните все? — спросила она с кривой улыбкой.

— Все.

— Как моего Зиновия заложили, помните?

— Заложить — сдать что-либо под залог, чтобы получить деньги...— поправил ее Николай.

— А вы, что же? За так? Без денег? Бедный, и тридцати звонких не получили?

— Мне бы не хотелось продолжать этот разговор...

— Очень милая, светская беседа!..— За ее спокойствием чувствовалась напряженность, готовая вот-вот прорваться истерикой.— Стоит задуматься, Николай Артурович,— говорила Земская,— над парадоксальностью положения! — Она взяла со стула его форменную фуражку и, приложив к глазам очки, посмотрела на герб военно-морских сил Германии.— Мой муж,— продолжала она,— Зиновий Земский, был осужден за то, что отдал должное силе немецкого оружия, а вы, человек, показавший против него, служите этому оружию! Когда же, позвольте вас спросить, вы были искренни? Тогда, в сорок первом, или теперь, в сорок четвертом? Тогда, когда вы служили Советам, или теперь, когда служите фюреру?

— Выпейте вина и успокойтесь...— сказал Гефт, пододвинув к ней бокал.

— А просвирки у вас нет? Только вино? Тела, крови Христовой?! Какой же вы негодяй! Как я вас ненавижу! Но не те времена, Николай Артурович, я заставлю вас заплатить сполна!— У нее началась истерика.— Слышите, сполна!..

На крик Земской прибежал Босуль, взял ее под руку и бесцеремонно повел куда-то за стойку, на диван, откуда еще долго слышалось ее всхлипывание и бессвязное бормотание.

Николай расплатился за ужин и надел тужурку.

— Вы на нее не обижайтесь, хватила баба лишнего... Она все крепким балуется, коньячком...— говорил Босуль, провожая его до двери.— Заходите чаще!

Обеспокоенный встречей, Николай пошел не домой, а к Бурзи, на Канатную. Ему пришлось долго стучать, пока Валерий открыл ему дверь.

— Что случилось? — спросил он.

— Одна неприятная встреча. Думаю, что последует донос в гестапо. Я не могу держать дома материалы разведки. Надо заложить тайник. Мне пришло в голову, что места лучше кладбища не найдешь. Ты завтра увидишься со своим протоиереем, высмотри подходящий крест из полых труб. Мы выточим металлический пенал и опустим в крест. А чтобы легче было опознать, сделаем надпись: «Н. А. Гончаренко».

— Постой, расскажи все по порядку! — остановил его Бурзи.— Быть может, нет причин волноваться?

— Причины есть, но я не паникую. Мало ли что может со мной случиться. Тайник все равно нужен.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

В преддверии близкого конца «Транснистрии», чтобы энергичнее завершить ограбление Одессы, двадцать девятого января тысяча девятьсот сорок четвертого года маршал Ион Антонеску заменил губернаторство Алексяну военной диктатурой генерала Потопяну.

Террор усилился. Тюрьмы и лагеря переполнены арестованными заложниками. Грабь-армия и многочисленные чиновники с лихорадочной поспешностью вывозят из города все, что представляет собой хоть какую-нибудь ценность. Комендантский час наступил раньше. Усиленные отряды полиции патрулируют улицы...

Но патриоты Одессы не сложили оружия, они борются и наносят чувствительные удары оккупантам.

Шестнадцатого января под Одессой сброшен с десантной группой чекист Василий Авдеев (Черноморский). Уже двадцать пятого января десантники встречаются с руководителями одесского подполья. К середине февраля разрозненные партизанские группы под руководством Авдеева собираются в единую грозную силу...

Уже три недели, как Бурзи готов к переходу, развединформация собрана, зашифрована и вписана невидимыми чернилами в немецкий справочник автомобилиста. Но чтобы быть ближе к линии фронта, он должен на легальных основаниях, не рискуя быть задержанным первым же патрулем, добраться хотя бы до Голты. Женщина со Слободки твердо обещала пропуск, «как в аптеке», но через две недели отказалась, вернув сто марок. Использовав

свои связи, Гефт с трудом достал пропуск до Голты. Но когда Бурзи предъявил документ для регистрации в первом отделении полиции, комиссар потребовал паспорт. Увидев, что Бурзи эвакуирован из-за Буга, он выдать пропуск в Голту отказался. Тогда Артур Берндт через жену достал справку об освобождении из тюрьмы на имя Андрея Галущенко из хутора Галупова Березовского уезда, где Бурзи мог бы у Матрены Моисеенко дождаться прихода наших войск. Но и от этого варианта пришлось отказаться. До Управления надо было бы опять добираться две-три недели, а стремительно наступающие наши войска могли бы занять Одессу значительно раньше.

В это время Красноперову и Шульгиной удалось отправить в центр связную. Бурзи перед уходом повидался с ней и поручил передать майору Полуде или капитану Лесникову, что «Золотников и он шлют привет и просят прислать папирос». На их условном языке папиросы были взрывчаткой.

Так Бурзи остался в Одессе, принимая деятельное участие в работе группы Николая Гефта.

Шли дни. Казалось, что встреча с Земской сойдет Гефту с рук, но двадцатого февраля в «Зеетранспортштелле», разыскивая Николая Артуровича Гефта, явился офицер из гестапо и, к своему удивлению, вместо Николая набрел на Артура Гефта в скромной роли шефа столовой рабочих порта.

Когда офицер стал выспрашивать у Артура Готлибовича о сыне, старик быстро сообразил, в чем дело, и дал адрес «Стройнадзора» — Мечникова, 2, отлично зная, что в это время Николай на заводе.

Как только офицер из гестапо ушел, Артур Готлибович поспешил на завод, чтобы предупредить

сына. По дороге старик очень волновался. Он сопоставлял отдельные эпизоды, вспомнил последнюю ссору. Так, пересматривая факты, он приходил к заключению, что напрасно беспокоился за сына: работая у немцев, Николай работал против них! Как же он не мог сообразить этого раньше! Теперь Николая разыскивает гестапо, и, быть может, поздно пришло к нему сознание ненужных, мелочных нападок на сына...

Николай увидел встревоженное, напряженное лицо отца возле эллинга и сразу все понял. Окликнув Артура Готлибовича, он спустился со стапеля. Уже идя по трапу, прогибающемуся в ритме его шага, Николай успокоился, подошел к отцу, взял его под руку, отвел в сторону пирса и спросил:

— Были дома?

— Нет. В «Зеетранспортштелле»...

— Понимаю, эта истеричка написала, что я моряк.

— Какая истеричка? Кто написал? — переспросил отец.

— Ты ее не знаешь. Что им было нужно?

— Спрашивали тебя.

— Рядовой?

— Нет, офицер.

— Что ты ему сказал?

— Что ты работаешь в «Стройнадзоре», и дал адрес...

— Хорошо, стало быть, у меня еще есть время...

— Тебе надо скрыться? — тревожно спросил старик.

— Ничего, отец. Это все уладится...

Николай действительно был спокоен: дома у него нет ничего, что могло бы навести на след. Пусть де-

дают обыск. Вагнер даст отличную характеристику. Можно сослаться на адмирала Циибa. Наконец, вся эта давняя история с Зиновием Земским не может их всерьез интересовать. Что им до какого-то безвестного инженера, которого еще в сорок первом году посадили в Туапсе за решетку!

— Не волнуйся. Все образуется,— сказал Николай, провожая отца к проходной.— Я тебе очень благодарен, старик, за оперативность. И пожалуйста, ничего не рассказывай маме, зачем доставлять ей лишнее беспокойство?..

В тот же день, вечером, у Юли Покалюхиной собрались Рябошапченко, Бурзи и Николай. Они распределили обязанности на случай его ареста. Обсудили тактику на допросе, разумеется если Гефта вызовут по заявлению Земской, а не по какой-либо другой причине. О местонахождении тайника знали все четверо. Если в день вступления советских войск в Одессу почему-либо Гефта не будет, тетрадь с его докладом будет передана в Управление.

— Есть у меня еще один вопрос,— сказал Николай.— Умный человек (а Гофмайера я дураком не считаю), анализируя причины взрывов на немецких судах, может легко установить некоторую закономерность: эсминец «РВ-204», самоходная баржа «Шпрее», истребитель подводных лодок «КТ-39» подорвались после выхода из заводского ремонта.

— Чтобы до этого додуматься, не надо быть особо проницательным...— пожал плечами Рябошапченко.

— Что ты предлагаешь? — спросил Бурзи.

— Подорвать судно, не заходившее на ремонт в заводской ковш. У двадцать второго причала судно грузится продуктами для группировки немецких

войск в Крыму. Кажется, «Вессель», водоизмещением пять тысяч тонн. Команда немецкая. Если это дело поручить Гельмуту Цвиллеру, я думаю, он справится...

— Кто же захочет подорвать судно, на котором сам идет в море? — спросил Рябошапченко.

— В последний момент команду можно списать на берег, под предлогом... скажем, эпидемии...

— А что, если взрывчатку подбросит в бункер один из грузчиков? Погрузка на двадцать втором идет вручную...— предложил Рябошапченко.

— У тебя есть на примете определенный человек, на которого можно положиться? — спросил Николай.

— Подумаю...

— Подумай, Иван Александрович.

На следующий день Гефт с утра отправился в «Стройнадзор», к Вагнеру, якобы поконсультироваться по вопросу ремонта корпуса минного тральщика, поднятого вчера на стапеля эллинга.

Ответив на деловые вопросы Гефта, он сказал:

— Вчера у баурата был офицер из гестапо. Представь, он интересовался тобой!..

— Мной! — удивился Гефт.— Евгений Евгеньевич, вы шутите?!

— Какие там шутки? Загнер оставил офицера у себя в кабинете и пришел ко мне справляться о твоих политических взглядах.

— И что же вы?

— «Мне веришь? — спросил я.— Можешь так же верить Гефту!» Я рассказал ему о твоих счетах с Советской властью и подчеркнул честную службу фюреру...

— А Загнер?

— Что он, слепой?! Согласился. Зайди к нему сам. Разумеется, я тебе ничего не рассказывал.

Николай поблагодарил Вагнера и пошел к баурату. Майор принял его приветливо и даже пошутил:

— А, политический преступник! Заходите!

— В чем же я перед вами провинился? — здороваясь, спросил Гефт.

— Не передо мной. Гестапо проявляет к вам подозрительный интерес...

— Гестапо? С чего бы это?

— Какое-то заявление... Старые грехи... Я дал вам отличную характеристику, но все же будьте осторожны. С гестапо шутить опасно; если они начали варить компот, то варят до тех пор, пока в кастрюле не останутся одни абрикосовые косточки!..

Казалось, что в гестапо удовлетворились полученной характеристикой майора Загнера и решили расследование по заявлению Земской прекратить. Но неделю спустя, поздним вечером, когда Николай, поужинав, только надел тужурку, собираясь к Юле, в дверь постучали. Вошел немец в штатском пальто с поднятым воротником, справился о нем, предъявил удостоверение гестапо на имя шарфюрера СС Франца Гедике и предложил следовать за ним.

Все это произошло быстро и спокойно, немец говорил не повышая тона, был официально вежлив, терпеливо ждал, пока Гефт нарочито медленно укутал шею шерстяным шарфом и надел фуражку.

— Коля, ты уходишь? — не проявляя тревоги, спросила мать. Она выглянула из своей комнаты, увидела постороннего человека и поздоровалась.

— Да, мама. Возможно, я задержусь, не ждите меня, ложитесь,— спокойно ответил Николай и вышел следом за Гедике.

Они шли молча всю дорогу, впереди Гефт, на некотором расстоянии за ним гестаповец. Николай знал адрес, поэтому до самой Маразлиевской они не проронили ни слова.

При входе Гедике предъявил дежурному заранее заготовленный на Гефта пропуск. Они поднялись по лестнице. У двери второго этажа гестаповец снова предъявил пропуск. Оставив Гефта дожидаться в коридоре, гестаповец вошел в одну из комнат.

В конце коридора окно, забранное решеткой, оно выходит во двор. Слева видны силуэты деревьев Александровского парка, за ними угадывается море, его голос доносится сюда сквозь приоткрытую форточку. Впервые в жизни Николаю захотелось курить. В кармане он носил сигареты — турецкую контрабанду: за сигаретой легче завязывается разговор с малознакомым человеком. Он вынул из пачки сигарету, но спичек не было... В коридоре под самым потолком горит тусклая синяя лампа, в ее мертвящем свете люди точно привидения, они изредка выходят из дверей, обитых войлоком, идут мимо, не удостаивая взглядом, и входят в другие такие же двери. Ожидание томительно своей неизвестностью, волнение растет, и Николай начинает чувствовать, как у виска беспокойно дергается нерв. Он знает, что его заставляют ждать не потому, что гестаповцам некогда. Нет. Они «выдерживают» его, нагнетают тревогу, это система психологической подготовки к допросу. Вдруг сквозь приоткрывшуюся дверь послышался сдавленный женский крик, от которого все внутри словно оборвалось... Дверь захлопнулась, и снова наступила тишина. Время идет нестерпимо медленно... Всю жизнь Николай, человек неистощимой энергии, действия,

не умел ждать. Для него не было ничего мучительнее ожидания.

В коридор вышел гестаповец с сигаретой.

— Разрешите прикурить,— обратился к нему Гефт.

Посмотрев точно сквозь него, не замечая, не слыша, гестаповец прошел мимо. Легкое облачко табачного дыма некоторое время висело неподвижно в воздухе, затем вытянулось к форточке и исчезло.

Проходит час времени. Где-то за одной из дверей глухо бьют консольные часы. Десять.

В приоткрытой двери показался Гедике и поманил его пальцем.

Не спеша Николай вошел в грязную, запущенную комнату, пахнущую сургучом и мышами.

Спиной к зашторенному окну за большим письменным столом сидел гестаповец,— как потом Николай узнал, гауптшарфюрер СС Краузе — мрачный человек, стриженный бобриком, с усами под фюрера, щеточкой, водянисто-бесцветными глазами навыкате в обрамлении красных, воспаленных век. На правой руке Краузе не хватало двух пальцев. Рядом с ним сидел Гедике, он много курил и молча в упор рассматривал Гефта. Зрачки темных глаз Гедике прилипли к нему словно пиявки. Николай чувствовал этот тяжелый взгляд и все больше нервничал.

— Ваше имя, фамилия, национальность, год, место рождения, профессия, работа, должность? — монотонно, скрипуче по-немецки перечислил Краузе, пододвинул к себе лист бумаги и приготовился писать.

Гефт так же по-немецки ответил на анкетные вопросы, и Краузе записал в протокол.

— Расскажите о своей работе в Туапсе,— проскрипел Краузе.

— В тридцать пятом году я поступил в «Совтанкер» на должность инженера-конструктора. Последнее время перед войной я был заместителем главного инженера. Четвертого октября сорок первого года меня, как немца, уволили и вместе с семьей сослали в Сибирь, в Семипалатинскую область, на станцию Аул. Инженер, специалист по судовым двигателям оказался в роли моториста движка пимокатной артели...

— Что есть «пимокатной»? — по-русски спросил Краузе.

— Пимы — это теплые сапоги, валенные из овечьей шерсти. Артель, которая делает теплые сапоги...

— Так. Я понял.— Краузе снова перешел на немецкий.

— В Ауле жилья не было. Нас приютила одна бедная женщина, и мы жили с ней под одной крышей,— продолжал Гефт.— Получал я гроши... Продукты вздорожали. Мои мальчики часто ложились спать голодными... Жаловаться некому. На каждом шагу мне давали понять, что я немец, враг...— Рассказывая эту жалостливую историю, Гефт старался вызвать сочувствие, и, кажется, ему это удалось.

Беспалый, как его мысленно окрестил Гефт, отложил перо и слушал его, подперев голову руками. Гедике сопровождал рассказ сочувственными восклицаниями и курил, прикуривая одну сигарету от другой.

— Расскажите, герр Гефт, о том, как вы попали из Сибири в Одессу,— сказал Краузе. В его голосе появилась интонация живого интереса.

«Это хорошо, что я уже стал «герром»,— подумал Николай.— Проверить меня им уже не удастся, но упоминание деталей произведет хорошее впечатление».

— Живя в Ауле, я каждый день думал об одном и том же: как вырваться из этой удушливой, враждебной атмосферы? Я больше не мог находиться в ссылке, в плену и обдумывал план перехода фронта. В конце сорок второго года меня, как инженера, мобилизовали и отправили в штрафной саперный батальон 137-й сибирской дивизии. Все это время я не оставлял мысли перейти фронт, но обстоятельства были против меня. Шестнадцатого февраля, вечером, наш батальон со стороны Чугуева вошел в только что захваченный русскими Харьков. На второй день я заболел сыпным тифом. Десять дней был без памяти. Когда я пришел в себя, слышалась близкая канонада: это крупные танковые соединения фюрера начали контрнаступление на Харьков. Госпиталь эвакуировался. Я решил, что такого второго случая не представится. И вот, ослабевший от тяжелой болезни, я все же нашел в себе силы, чтобы спуститься вниз, пройти через котельную и спрятаться в угольном бункере. Через день немецкая армия вступила в Харьков. Я написал карандашом на клочке бумаги: «Он немец!» — и приколол записку к рубашке. В тот же день меня, потерявшего сознание, нашли немецкие санитары. Так я оказался в госпитале, а после выздоровления, как лицо немецкой национальности, был отправлен по месту постоянного жительства. В Одессу я прибыл в двадцатых числах июня. Мне выдали аусвайс и прописали. Я получил работу по специальности. Я делал свое любимое дело! Я занял подобающее

мне положение в обществе! Я был счастлив! Я служил фюреру! Адмирал Цииб представил меня к награде Железным крестом третьей степени! Эту награду я постараюсь оправдать всей своей жизнью! Хайль Гитлер! — закончил Гефт, вскинув руку.

— Хайль Гитлер! — вскочив, рявкнули гестаповцы.

Гефт вынул платок и приложил к глазам, боясь, что беспалый заметит его театральную выспренность и заподозрит в неискренности.

Но Краузе, проникнувшись сочувствием, открыл ящик стола, достал заявление Земской и положил перед Гефтом:

— Вот! Почитайте-ка, что пишет о вас эта... эта...— Он не нашел слова и закончил ударом кулака по столу.

Гефт внимательно прочел заявление — ничего нового. Земская называла его предателем, коммунистом и даже чекистом! Она выискивала для него такие громкие эпитеты, что выглядели они громоздко и неправдоподобно.

Заметив, что Гефт прочел и положил заявление на стол, Краузе спросил:

— Ну, что вы скажете по поводу этого заявления?

— Муж этой дамы, Зиновий Земской, действительно превозносил успехи немецкого оружия. Но, знаете, герр гауптшарфюрер, услужливый дурак опаснее врага. Если дурак попал в руки чекистов, что оставалось делать мне? Сунуть и свою голову в петлю? Я предпочел выжить, чтобы бороться и победить!..

— Она называет вас предателем! — вставил шарфюрер Гедике.

Эллинг после восстановления.

Дом № 6/9 по Тенистой улице. Здесь был тайник, в котором скрывались руководители подпольной группы.

— Я ее понимаю. Женщина потеряла мужа. А я живу, работаю, радуюсь жизни! Естественно, она завидует.

Краузе посмотрел на часы, закрыл папку с начатым протоколом, положив туда же заявление Земской, и предложил, потягиваясь:

— А не выпить ли нам по стакану вина?

— Уже поздно...— нерешительно произнес Гефт.

— Я знаю здесь неподалеку одно местечко... Там часто засиживаются до утра,— сказал Гедике.

— Пойдем! Спрыснем наше знакомство! — решил Краузе, отметил пропуск, поставил печать и вручил Гефту.

Гестаповцы надели одинаковые штатские пальто, черные фетровые шляпы, и втроем они спустились на улицу.

Было безветренно. Шел крупный пушистый снег.

Дважды их останавливал румынский патруль, оба раза Гедике, распахнув пальто, демонстрировал им гестаповскую форму и по-немецки посылал жандармов к черту и даже дальше...

К удивлению Гефта, шарфюрер привел их в бодегу на Новой Рыбной. Дверь оказалась закрытой. Гедике постучал. Послышался голос Босуля.

— Открывай! То есть гестапо! — по-русски сказал Гедике.

Упал крючок, и дверь распахнулась.

Они вошли в зал. Несколько столов еще было занято. За одним из них Гефт увидел Нину Земскую.

Гестаповцы сбросили пальто и уселись за столик. Гефт снял тужурку, не удержался и махнул Земской рукой.

Приложив к глазам очки, женщина посмотрела в их сторону, узнала Гефта и, возмущенная, что-то сказала своему партнеру. Тот повернулся, посмотрел и громко бросил:

— Оставь, Нина! Ты что, не видишь? Это гестаповцы!

— Кто эта женщина? — заинтересовался Краузе.

— Это и есть Нина Ивановна Земская, благодаря которой мы познакомились.

— Черт! — возмутился Краузе.— Он еще с ней здоровается! Хозяин! Есть отдельный комнат?

Босуль угодливо поклонился.

— Для вас, господин обер-лейтенант,— польстил он,— комната найдется! Прошу!..

И они втроем, захватив пальто и куртку, пошли за Босулем в уже знакомую Гефту комнату, оклеенную красными обоями.

ПРАВАЯ РУКА

На следующий день, как только Гефт пришел на завод, к нему заглянула секретарь дирекции, сказав:

— Николай Артурович, уже два раза звонили из «Стройнадзора». Вас вызывает майор Загнер.

— А шефа?

— Приглашают вас одного. Шеф сказал, что вы можете воспользоваться его машиной.

Николай поехал на Мечникова, но у баурата были какие-то военные из оберверфштаба, и он заглянул к Вагнеру.

Профессор разговаривал по телефону и жестом указал ему кресло напротив.

— Господин консул, это не паникерство,— говорил он по-немецки.— У меня семья, и я обязан думать о будущем моего сына... Благодарю вас!.. Я зайду завтра. Хайль Гитлер!..— Положив трубку на рычаг, он спросил, озабоченно перебирая бумаги: — Что у тебя? Я тороплюсь.

— Этой ночью за мной приходили из гестапо...

Вагнер отложил бумагу, встал и, опершись о стол, весь подался вперед. На лице его была написана неподдельная тревога.

«Ах, да! Вагнер рекомендовал меня в «Стройнадзор» и теперь боится за свою шкуру!» — подумал Николай.

— Донос одной легкомысленной женщины. Вопрос исчерпан, дело прекращено, и напоследок следователь поставил бутылку вина.

— Слава богу! — выдохнул Вагнер.— Поздравляю! Расскажи об этом майору.

— Кстати, Евгений Евгеньевич, вы не знаете, зачем меня вызывал Загнер? — спросил Гефт.

— Могу предположить. Получено секретное предписание из Киля. В середине марта «Стройнадзор» ликвидируется, майор Загнер назначен директором Судоремонтного завода, помощником по корпусной части — я, по механической — ты. Это держится в строгом секрете, но...

— Понимаю. Простите за нескромный вопрос, вы разговаривали по телефону с консулом...— осторожно начал Гефт.

— Да, Николай, я разговаривал с консулом об эвакуации моей семьи. Я смотрю в будущее с надеждой, оно рисуется мне в самых светлых, радужных красках, но... На всякий случай... Да, на всякий случай...— повторил он и уткнулся в бумаги.

— Пойду к баурату.— Гефт поднялся с кресла.

— По поводу секретного предписания из Киля я тебе ничего не говорил. От тебя я ничего не скрываю, но и об эвакуации моей семьи...

— Понимаю. Нем, как рыба! — успокоил его Гефт и, постучав к баурату, открыл дверь.

— А, инженер! Входите! — Майор был полон энергии.— Я вызвал вас по чрезвычайно важному вопросу: если некоторые секретные сведения просочатся в румынские круги (а такая возможность не исключена), наши союзнички начнут демонтаж и эвакуацию станков. Вы, инженер Гефт, моя правая рука на заводе. Вы должны незамедлительно сообщать мне о всякой попытке демонтажа. Я распорядился установить в вашем кабинете прямой телефон для связи со мной. Подберите себе на должность секретаря надежного человека.

— Господин майор, этой ночью меня вызывали в гестапо...

— Я знаю! — перебил его баурат.— Мне с утра звонил гауптшарфюрер Краузе. Все оказалось простым недоразумением. Я очень рад! Поздравляю вас!

— Я могу идти?

— Да, идите. И будьте настоящим хозяином! Мы достаточно либеральничали с румынами. Их добыча в Одессе не пропорциональна их военным усилиям!

Гефт поехал на завод, зашел к шефу и объяснил свой вызов в «Стройнадзор» повышенным интересом баурата к ремонту пяти фишкутеров из четвертой флотилии.

Купфер успокоился и словно бы между прочим сказал:

— В механическом производятся работы по моим личным указаниям. Мне бы не хотелось, чтобы бригаде чинили препятствия...

— Хорошо, шеф. Я присмотрю за ними,— успокоил его Гефт и направился в механический.

Рябошапченко сообщил ему, что по личному приказу Купфера бригада румынских специалистов начала демонтаж большого расточного станка.

Гефт прошел в цех, загроможденный огромными ящиками для упаковки, понаблюдал за работой и, к удивлению Ивана Александровича, дал несколько деловых указаний бригадиру, затем поспешил в конторку. Рябошапченко как тень следовал за ним.

— Лизхен! — обратился Гефт к секретарше.— Очень важное поручение: надо, чтобы вы незаметно вышли с территории завода и наняли извозчика. Вот вам десять марок.— Он положил кредитку на стол.— Поедете в «Стройнадзор» и передадите майору Загнеру лично...

Она оживилась, вынула из сумочки зеркало и поправила прическу.

— Слушайте, Лизхен, внимательно. Меня прислал Гефт, скажете вы. Николай Артурович поручил передать вам, что по личному распоряжению шефа Купфера сегодня утром начали демонтаж большого расточного станка. Ясно?

— Ясно. Но... Почему я должна выйти с территории незаметно? — спросила она, засовывая в сумочку десять марок.

— Я подозреваю, что через проходную вас могут не выпустить.

— Ха! Я пройду через фабрику-кухню...

— Правильно. Вы умница, Лизхен. И помните, никому ни слова!

Она быстро вышла из цеха и направилась к фабрике-кухне.

— Ты можешь объяснить мне, что все это значит? — спросил Рябошапченко.

— Могу. Только давай пойдем отсюда куда-нибудь...

— На эллинг?

— Давай на эллинг.

Они прошли через весь цех, вышли к эллингу, поднялись на стапель и забрались в рубку тральщика.

— События, Иван Александрович, не ждут. Фронт приближается к Одессе. «Транснистрия» перестала существовать и превратилась в «территорию между Днестром и Бугом». Гитлеровцы начинают вытеснять своих союзников со всех командных постов. Через несколько дней они приберут к своим рукам и завод. Союзники об этом знают и хотят напоследок урвать побольше.

— Н-да! — протянул Рябошапченко.— Стало быть, вор у вора?..

— Стало быть. И учти, Иван Александрович, у немцев чемоданное настроение, но перед уходом они будут, как всегда, жечь и взрывать то, что не успели вывезти. В Одессу начали прибывать части «Эйнзатцгруппе», близится кровавая расправа с населением. Нам следует подумать об убежище, где могло бы человек пять отсидеться несколько дней перед вступлением в город наших войск. Я думаю, что лучше места, чем у тебя на Тенистой, не придумаешь. Сегодня вечером мы с Валерием заглянем к тебе, посмотрим, посоветуемся...

— Хорошо, буду вас ждать.

— Как с подрывом «Весселя»?

— Есть один парень, Тимка Козлов, корешок Васи Тихонина. Он грузчик, работает на двадцать втором причале.

— Постарайся сегодня же с ним встретиться. Прощупай его, чем он дышит, и решай. Сам решай. «Уголек» у тебя есть?..

— Целых три.

— Они нам еще пригодятся.

Внизу, возле лебедок эллинга, появился посыльный дирекции и стал подавать какие-то знаки. Гефт вышел из рубки на верхнюю палубу тральщика и спросил:

— Ты меня?

— Да, Николай Артурович. К вам пришли.

— Передай, что я сейчас буду.

«Наверное, Лия Кращощек»,— подумал он.

Недавно он встретил своего приятеля, еще по Институту инженеров водного транспорта, Сашу Кращощек. Инженер служил продавцом в булочной. Николай узнал его нерадостную историю: жена, Лия, кончила перед войной исторический факультет пединститута, но гитлеровцы «делали историю» заново, и при оккупантах Лия не нашла себе применения. На руках маленький ребенок. Словом, нужда. Вспомнив распоряжение Загнера, он предложил ей должность секретаря.

В приемной дирекции его действительно дожидалась Лия Кращощек.

Гефт передал в секретариат ее документы на оформление и посвятил Лию в круг несложных обязанностей.

Телефон городской линии связи в его кабинете уже действовал. Поставили еще один стол, и секретарь приступила к работе.

Во вторник четырнадцатого марта, уже поздним вечером, к Гефтам пришла Зина Семашко. По ее лицу было видно, что привели ее чрезвычайные обстоятельства.

Отца не было дома, а мать, увидев Зину, увлекла ее к себе в комнату, расспрашивая о домашних. На ходу, здороваясь с Николаем, она успела передать ему сложенную словно аптекарский порошок бумажку и шепнула:

— Приняла вчера ночью...

Николай остался в своей комнате, развернул бумагу и прочел:

> «Войска 3-го Украинского фронта, форсировав реку *Днепр* в нижнем течении, 13 марта в результате уличных боев овладели городом *Херсон* — крупным узлом железнодорожных и водных коммуникаций и важным опорным пунктом обороны немцев у устья реки *Днепр»* [1].

«Такое важное сообщение держать до воскресенья нельзя. Сводку надо сегодня же отпечатать и расклеить»,— решил он.

Николай надел тужурку и зашел в комнату матери проститься с Зиной, но, увидев его одетым, девушка заторопилась, сказав, что в это время боится ходить одна и, пользуясь тем, что Николай все равно идет из дома, просит проводить ее...

В этот вечер не удалось отпечатать сводку: дома была Юлина мать, а главное — господин Пирог крутился возле дома, заглядывал в окна.

---

[1] «Сообщения Советского информбюро», т. 6. М., 1944, стр. 126.

Пришлось перенести на завтра. Но завтра вклинились новые события: власть в городе перешла к немцам во главе с генералом Ауленом. Всем румынам было предложено выехать в королевство, осталось лишь небольшое число чиновников. Полицию сменила фельджандармерия. Выдача пропусков на выезд из города прекращена. Судоремонтный завод заняли немцы и выставили военную охрану. В кабинете шефа Купфера расположился баурат, в кабинете главного инженера — Вагнер, главного механика — Гефт.

Весь день Николай принимал оборудование по уже знакомой описи. Только поздно вечером ему удалось вырваться домой. Надо было прочесть номер «Дер штюрмера» (нюрнбергский листок, издающийся Штрейхером). Газету он до утра взял у майора Загнера. Было интересно проследить за тем, как печать рейха освещает военные события на Восточном фронте.

Только Николай открыл газету, как явился отец, в довольно приподнятом настроении. Старик запер входную дверь на ключ, демонстративно поставил напротив него стул, сел и решительно начал:

— Я хочу, сын, внести в наши отношения ясность...

Предисловие было многообещающим. Николай понял, что отделаться шуткой не удастся.

— Ты читаешь «Дер штюрмер»?! — Он только теперь разобрал заголовок.— Этот вонючий, погромный листок?!

— Иногда и из такого листка можно извлечь полезные сведения.

Готовый снова вспыхнуть, Артур Готлибович взял себя в руки и, понизив голос, спросил:

— Ты знаешь, что советские войска два дня тому назад взяли Херсон?

— Знаю.

— Ты знаешь, что вот-вот они могут быть в Одессе?

— Знаю.

— Что будет с тобой?

— Я свободно вздохну. Выпишу Аню с ребятами, отдохну около них неделю-другую и... новое задание... Если бы ты, отец, знал, как я устал...

— Так что же выходит?.. Все это время ты...— У старика перехватило дыхание, он судорожно втянул в себя воздух, вынул платок и вытер слезу.

— Все это время...— согласился Николай.

— Но почему же?.. Почему ты это скрыл от меня, от отца? Ведь с той поры, как ты вернулся в Одессу, я стыдился моих старых друзей... Я не мог им честно смотреть в глаза!..

— Я опасался, отец, что ради права открыто смотреть в глаза ты все расскажешь своим друзьям... Я видел, что ты болезненно переживаешь мою работу на гитлеровцев, но ничего не мог поделать. Ты человек эмоциональный, работа в театре наложила на тебя свой отпечаток...

— Почему же ты решил сказать об этом теперь?

— После моего вызова в гестапо ты стал догадываться сам, да и кроме того... Ты только не волнуйся, отец, но... Если в «Зеетраспортштелле» будут настаивать на твоей эвакуации в Германию, ты должен согласиться. Иначе ты провалишь меня...

— Что ты говоришь, Коля!—Старик схватился за голову.

— Это неизбежно. Когда все кончится, вы вернетесь...

— Страшно. Мать себя плохо чувствует. Не по силам нам такой переезд. Не те годы...

— Я не вижу другого выхода...

В дверь постучали: это вернулась домой мать. Только взглянув на них, Вера Иосифовна поняла, что был крупный разговор.

— Что вы опять не поделили? — спросила она.

— Вот, Вера, наш сын... Коля настаивает на эвакуации...

— Куда?

— В Германию...

Наступила пауза. Вера Иосифовна начала собирать ужин. Она разожгла примус, поставила кофейник, потом подошла к Артуру Готлибовичу, положила ему руки на плечи и сказала так просто, словно речь шла о поездке на Большой Фонтан:

— Если сын считает, что мы должны эвакуироваться в Германию, стало быть, так нужно. Ну, ну, Артур Готлибович, выше голову! Не хныкать!

— А ты знаешь, Вера, что он...— Старик не нашел слова.

— Знаю. Какой же я была бы матерью, если бы не знала...

— Почему же ты не сказала мне? — возмутился Артур Готлибович.

— Если сын не нашел нужным сказать тебе, почему это должна была сделать я? Теперь ты знаешь.

— Знаю...

— Этого не надо говорить, достаточно взглянуть на тебя, ты уже мучаешься своей тайной...

— Ты меня считаешь мальчишкой?!

— Есть люди, которые до старости остаются мальчишками. И я счастлива, Артур, что ты принадлежишь к их числу.— Она поцеловала мужа в

голову и сняла кофейник.— К столу, мальчишки! По такому случаю я вас угощу настоящим кофе!..

Но «настоящее кофе» не состоялось: пришел заводской посыльный с запиской от Вагнера:

«Николай Артурович!

Через майора Загнера я получил приказ, подписанный адмиралом Циибом: срочно, не позже чем в трехдневный срок, перезалить рамовые подшипники и собрать машину на пароходе «Амур» водоизмещением три тысячи тонн. Девятнадцатого числа этого месяца судно должно быть отбуксировано в Констанцу. Тебе надлежит заняться этим сегодня же. По имеющимся у меня сведениям, на материально-техническом складе оберверфштаба имеется баббит. Контора и склады ввиду чрезвычайного положения работают до двадцати трех часов. Машину тебе посылаю.

С приветом Евг. Вагнер».

— Машина здесь? — спросил Николай посыльного.

— Да. Я могу идти?

— Идите.

Закрыв за посыльным дверь, Николай неохотно стал натягивать кожаную тужурку.

— Ты уходишь? Без кофе? — огорчилась Вера Иосифовна.

— Служба, мама,— усмехнулся Николай.

Шел дождь. На деревьях, обманутых теплом, появились почки. Порывистый ветер гнал низкие, косматые облака. Полнолуние кончилось, ущербная

луна временами показывалась в просветах. Николай смотрел сквозь рябое от дождя стекло машины на встречных людей, шагающих через лужи, на ручьи, бегущие по обочинам дороги, и думал... Мысли его были тревожными и в то же время праздничными, полными какого-то смутного, волнующего ожидания.

В оберверфштабе он застал многих офицеров на месте. Капитан Риш подписал требование. Николай поехал на склад, получил восемьдесят килограммов баббита, отвез на завод и запер у себя в кабинете, в письменном столе.

На той же машине он вернулся домой, тихо открыл дверь и вошел в квартиру. Из комнаты родителей слышались голоса: Старики по-деловому обсуждали вопрос: что из вещей следует брать с собой в эвакуацию...

Утром Николай пришел на завод рано и сразу направился к Гнесианову. Застал он его в конторке за чтением толстенной книги. При виде Гефта мастер сунул книгу под папку с нарядами, изобразив на лице нечто вроде улыбки.

— Вот что, Василий Васильевич, предстоит срочная работа...

— Опять срочная...— тоскливо сказал Гнесианов.— А скажите, Николай Артурович, правда, что наши войска заняли Херсон?

— Не только Херсон — районный центр Одесской области Ольшанку! А на Николаевском направлении Котлярово!..

— Теперь, я думаю, скоро, а? — Лицо его оживилось, выражение трагической маски исчезло.— Может быть, Николай Артурович, не делать эту срочную работу, а? Ну ее к...

— Нет, Василий Васильевич, еще недельки две придется потерпеть. У вас старый баббит есть?

— Сколько угодно.

— А свинец?

— И этого добра хватает...

— Очень хорошо. Вот вы сплавом старого баббита и свинца перезальете рамовые подшипники на пароходе «Амур». Обрабатывать заливку не надо, передадите прямо на сборку. Приступайте сегодня же. Людей предупредите, чтобы не болтали.

— Понимаю.

— А теперь вызовите сюда Рябошапченко. У него вечно торчит Лизхен, ни о чем нельзя поговорить.

Гнесианов неохотно ушел. Было видно, что он не хотел оставлять инженера одного в конторке.

Как только Гнесианов ушел, Николай извлек из-под папки книгу, оказавшуюся библией, открыл ее на закладке и прочел подчеркнутое карандашом:

«...Мы растопчем их; горы упьются их кровью, равнины наполнятся их трупами, и не станет стопа ноги их против нашего лица, и гибелью погибнут они...»

Как-то Рябошапченко говорил ему, что Гнесианов — человек верующий и даже проповедует в какой-то секте.

Николай положил библию на место и прикрыл папкой.

Гнесианов вошел в конторку с Рябошапченко и первым долгом взглянул на стол. Увидев, что папка лежит на месте, он успокоился.

— Вот что, Иван Александрович, надо в трехдневный срок собрать машину на «Амуре», его отбуксируют в Констанцу,— сказал Гефт.

— Три месяца разбирали, а собрать за три дня! — удивился Рябошапченко.

— Можно. Я считаю этот срок реальным...

— Да что ты, Николай Артурович!..

— Он же не своим ходом, а на буксире. Собирайте быстро и хорошо. Поставьте бригаду Берещука. Прибавьте, чего ему там недостает в цилиндрах...

— А чего может не хватать в цилиндрах? — удивился еще больше Рябошапченко.

— Болтов, гаек, стальной стружки...

— А! Понимаю! — только теперь сообразил тот.

— Вентили, золотники не ставьте. Смажьте их хорошенько тавотом — и в ящичек, от глаз подальше... Вот Василий Васильевич перезальет рамовые подшипники, будете их устанавливать без предварительной обработки. Все ясно?

— Яснее некуда! — усмехнулся Рябошапченко.— Будет выполнено.

— Ну, пойдем, Иван Александрович, на эллинг! — предложил Гефт, и они вышли из медницкого цеха.

— Этой ночью «Вессель» уходит в Севастополь,— сказал Рябошапченко, как только они остались одни.

— Как с «угольком»?

— «Уголек» в бункере. Я поручил Тихонину сходить на двадцать второй причал и проверить лично. Все в порядке.

— Прошу тебя, Иван Александрович, машину на «Амуре» собрать в срок.

— Будет сделано.

— У меня теперь секретарь, так ты имей в виду, человек свой. В случае чего — можешь доверить.

Прошло три напряженных дня.

На «Амур» пришел майор Загнер, спустился в машинное отделение, походил вокруг машин, посмотрел и остался доволен. Он даже расчувствовался, сказав сопровождающему его Гефту:

— Вы, инженер, действительно моя правая рука на заводе! Не знаю, что бы я без вас делал!

Девятнадцатого марта пришел старый румынский колесный пароход и взял «Амур» на буксир.

Рябошапченко и Гефт, стоя возле электростанции, наблюдали, как, шлепая плицами по довольно крупной волне, буксир едва тащил «Амур», груженный железным ломом.

— Знатную могилку ты попираешь ногами! — с хитрой улыбкой сказал Рябошапченко.

— Чего, чего? — не понял Гефт.

— Здесь, на этом месте, захоронены вентили и золотники с «Амура»...

ОПЕРАЦИЯ «МОЛОТ И СОЛИДОЛ»

Они встретились на остановке трамвая, оба в черных кожаных куртках, форменных фуражках с эмблемами германского флота и нарукавными желтыми повязками — имперский орел и свастика. Нарукавный знак Валерию сделала Юля Покалюхина, документы и ночной пропуск — Гефт.

Трамвай еле тащился по Аркадийской дороге. В этот поздний час пассажиров не было, только кондуктор и двое «немцев» — Валерий и Николай. Вагон катился, раскачиваясь и подпрыгивая на стыках, с визгом и скрежетом металлорежущего станка. При таком грохоте можно было разговаривать без опаски.

— Ты предложил профессору укрыться с нами на Тенистой? — спросил Николай.

— С Лопатто я разговаривал. Он уйдет со своим сыном в катакомбы возле сахарного завода...

На остановке в вагон вошли подвыпивший морячок с подружкой. Глядя на «немцев», женщина предостерегающе что-то сказала ему на ухо, а он громко (пусть слышат кондуктор и эти двое с орлами!):

— Ма-ша, я чело-век верти-кальный!

Поначалу Николай подумал, что вот, мол, пьяный, несет невесть что; поразмыслив, понял: вертикальный, стало быть, несгибаемый. На колени, мол, нас не поставишь, нет! Но, продолжая разговор, сказал:

— Я даже не знал, что у Лопатто есть сын.

— Как же, Александр, хороший парень. Студент строительного отделения. По заданию отца Александр добыл для нас важные сведения...

На полном ходу вожатый затормозил. Вскочив на подножку, в поручень вцепились два жандарма. Они поднялись в вагон, проверили удостоверение «вертикального», у женщины документа не было. Козырнув «немцам», они остановили трамвай, высадили моряка с подружкой и куда-то повели.

— Мне кажется, что вход в катакомбы у сахарного завода замурован,— вернулся Николай к прерванной теме.

— Совершенно верно, но в десятке метров от ствола хибарка сапожника. Из-под верстака сапожника они и ведут штольню. Там установят кронштейн с блоком, и каждый будет сам себя спускать в катакомбы.

На углу Лагерной Николай и Валерий сошли с трамвая и направились в сторону Тенистой.

— Ты знаешь, как раньше называлось продолжение Лагерной? Шарлатанский переулок! — сказал Николай.— Такое только в Одессе возможно!

Они свернули влево, на Тенистую — узкую улочку одноэтажных домов заводского кооператива. Здесь была грязь и тьма такая, что двигаться приходилось ощупью, вдоль невысокого штакетника.

Дом шесть/девять, крытый черепицей, был похож на другие: одноэтажный, с полуподвалом и застекленной верандой, выходящей на улицу.

Рябошапченко провел их в дом.

С веранды лестница в полуподвальное помещение, здесь была ванная и комната, где жила старая тетка жены с мужем. Узкий длинный коридор, стены которого выложены крупными блоками ракушечника, заканчивался тупичком. На стене висела полка-стеллаж со всяким хозяйственным хламом.

— Посвети-ка, Иван Александрович! — попросил Николай. Он внимательно осмотрел стену, достал из кармана ключ и попробовал ковырнуть им раствор, связывающий блоки.— Вот здесь надо вынуть несколько блоков ракушечника и углубиться метра на три. Есть куда отваливать грунт?

— Только на огород. Выносить ведрами и рассыпать ровным слоем.

— Управишься? Времени осталось мало.

— Один нет. Придется подключить брата жены. Кроме того, он сможет работать в дневное время, пока я на заводе...

— Но днем нельзя выносить грунт.

— Грунт будет выбрасывать в коридор, а ночью...

— Понимаю. Что нужно для тайника?

— Бак питьевой воды, трубу для вентиляции, аккумулятор, проводку, деревянные щиты для нар...

— Все это я беру на себя, привезу на днях,— сказал Николай.

— При сооружении тайника могу помочь я,— предложил Валерий.

— Очень хорошо. Учти, Иван Александрович.

— Учту. Ты не знаешь, что сегодня на фронте? — спросил он.

— Наши войска форсировали Днестр. Занят районный центр Одесской области Братское! Покалюхина добыла Зине освобождение по болезни. Теперь каждый день, к двум часам дня, мы будем получать последнюю сводку. Есть серьезный разговор, Иван Александрович, пойдем отсюда куда-нибудь...

— Пошли наверх, Елена Сергеевна собрала что бог послал. Выпьем по чарочке! — предложил Рябошапченко.

— Очень хотелось бы побыть у тебя подольше, но я сегодня должен быть еще в одном месте,— поднимаясь по лестнице, сказал Николай.— Ребят твоих хотел поглядеть...

— Сыновья спят...

— Их зовут так же, как и моих, Володя и Котя! Да, мальчики ничего не должны знать о тайнике! Еще скажут соседским ребятам: «А наш папка роет яму в подвале!»

Они прошли в комнату и сели за накрытый стол. Рябошапченко налил в стопочки самодельное молодое вино.

— За победу! — предложил Валерий.

Они выпили стоя.

— Вот какое дело, Иван Александрович,— начал Николай.— Сегодня, к концу дня, майор Загнер показал мне приказ адмирала. Цииб предлагает с двадцатого начать демонтаж и эвакуацию станков.

Я сказал Загнеру, что приказ есть приказ и мы его, разумеется, выполним, но придется прекратить ремонтные работы на судах. Он на дыбы! Но меня поддержал Вагнер. Порешили на том, что демонтируем небольшую часть станков, без которых можно обойтись. Если нам удастся затянуть демонтаж до последнего момента, они будут вынуждены станки взорвать, а так бабушка надвое сказала: то ли взорвут, то ли нет...

— Час от часу не легче! — обозлился Рябошапченко.— Что требуется от меня?

— Отбери всякий бездействующий хлам и поставь бригаду на демонтаж. Наиболее ценные детали смажьте солидолом — и в ящик, рядышком с вентилями «Амура»...

— Ясно.

— Чтобы видимость была самая настоящая. В ящики кладите чугунные болванки, железо, лом, но пакуйте добросовестно. На каждом ящике надпись: «Осторожно! Ценный инструмент!» Только в один ящик упакуйте что-нибудь стоящее, скажем планшайбу, шестерни, бабку, хорошо смажьте солидолом. Надпись сделайте такую же, как на других, но после слова «Осторожно» не знак восклицания, а запятую. Я приду с Зангером и этот ящик проверю, на выбор.

— Не ошибись, Николай Артурович!..

Николай только внимательно посмотрел на Рябошапченко, но не ответил и встал из-за стола:

— Кажется, все. Да, чтобы не держать вас в постоянном напряжении, давай условимся. Лия Краснощек звонит тебе в цех и говорит какую-нибудь условную фразу... Ну, скажем, «Николай Артурович приказал, чтобы люди не гуляли!» Это значит, что

кто-либо из начальства направляется в цех и тебе надо создать видимость работы. Валерий, ты идешь? — спросил Николай.

— Я пойду. Когда, Иван Александрович, начнем?

— Завтра после работы.

— Хорошо, я буду у вас завтра.

Они вышли от Рябошапченко и весь путь по Тенистой шли молча: здесь дома впритык и каждое слово слышно. Но когда вышли на Лагерную, Валерий спросил:

— У тебя свидание с Загоруйченко?

— Да. У него сегодня встреча на ринге с чемпионом Румынии Баунце. Просил прийти в цирк.

— Ты мне рассказывал о своем замысле... Нет слов, заманчиво!.. Но ты увлек Загоруйченко, и, если ему не удастся заманить Илинича, он возьмется за тебя... Ему все равно кого, лишь бы получить отпущение грехов...

— Не та фигура! — усмехнулся Николай.

— Почему? Перебежчик. Работал на гитлеровцев, даже представлен к Железному кресту третьей степени...

Трамвая пришлось ждать долго.

Когда Николай добрался на Коблевскую, матч кончился и зрители выходили из цирка.

— Ну как? — спросил Николай одного из болельщиков.

— Да как! Обещали десять раундов, а...— Он презрительно сплюнул.— Загоруй румына во втором раунде сломал пополам, как спичку!..

Николай вошел в цирк и нашел за кулисами, в артистической, Загоруйченко. Боксер лежал на кушетке, его массировал худосочный пожилой мужчина, а рядом сидели в креслах Илинич и Мавромати.

— А, все-таки пришел! — увидев его, сказал Загоруйченко.

Николай поздоровался со всеми и поздравил боксера с победой.

— Вот, инженер, поредела наша компания: Москетти уехал в Триест, Ася в Афины, Мавромати закрыл «Гамбринус» и складывает манатки... А ты, Михаил Александрович? — спросил Загоруйченко и весь подался в сторону Илинича.

— «...Ты уедешь, я уеду в разные места...» — закуривая сигарету, с грустью процитировал Илинич.

— А дальше? — настаивал Загоруйченко.

— А дальше повторение пройденного...

— Я не понимаю, объясни! — настаивал Загоруйченко.

— Дальше все сначала: затемнение, бомбежка, ночные переходы, вой пикировщиков, пулеметные очереди, разрывы тяжелых мин и лязг осколков...

— А конец? Будет когда-нибудь этому конец?

— И «его же царствию не будет конца...»

— Пойдемте в «Гамбринус»! — предложил Мавромати.— Я открою для вас кабак! Промоем вином ваши черепки от философского мусора!..— И закончил, глядя с сожалением на Загоруйченко: — Пропадает великолепная груда мускулов! Хочешь, Олег, я открою в Афинах первоклассное заведение и ты будешь швейцаром! Весь в золотом галуне...

— Иди ты!..

— Как хочешь. Ты со мной? — обратился он к Илиничу.

Илинич поднялся.

— Я остаюсь,— сказал Николай.

— Я знаю, Олег, ты придешь! — уверенно бросил Мавромати и вышел вслед за Илиничем.

Некоторое время было слышно только тяжелое дыхание массажиста. Тонкими, жилистыми пальцами очень темных рук он растирал белые, ухоженные плечи Загоруйченко.

— Чем больше я думаю, инженер, тем больше прихожу к выводу, что ты прав...— после паузы сказал Загоруйченко.

Николай глазами показал на массажиста.

— Он глух, как старый тетерев. При нем можно говорить что угодно.— И, перевернувшись на бок, подставив другое плечо, он снова заговорил: — Конечно, можно уехать с немцами, и родина обойдется без Загоруйченко, но сумею ли я без нее обойтись?..

— Нечто подобное уже было однажды сказано,— заметил Николай.

— Сказано? Кем? — удивился он.

— Кажется, Тургеневым. Однако ты думаешь, и это уже хорошо!..

— Что же мешает думать тебе?

— Я сижу по уши в навозной куче, где мне чирикать?..— усмехнулся Николай.— Родители эвакуируются в Германию...

— Оставь их здесь, в Одессе...

— Я не могу рисковать жизнью стариков.

Закончив свою работу, массажист стал собирать в саквояж свое нехитрое хозяйство: тальк в фарфоровой солонке, одеколон, салфетки...

Загоруйченко поднялся с кушетки, сделал несколько движений и сказал:

— Ты знаешь, инженер, я все-таки пойду к Мавромати. Мы с ним друзья. Черт знает, быть может...

— Еще придется послужить Мавромати вышибалой в Афинах! — не скрывая иронии, добавил Николай.

— Но, но! Ты у меня смотри! — пригрозил Загоруйченко.

— Прощай, раскаявшийся грешник! — бросил Николай и вышел из артистической...

Утром в помощь Загнеру по эвакуации прибыл из штаба обер-лейтенант де Валь, сынок прусского помещика, всю войну прокантовавшийся по тылам армии. Загнер послал де Валя раздобывать тару для упаковки оборудования: такелажный цех с изготовлением ящиков не управлялся.

Рябошапченко, как было условлено, с утра поставил две бригады на демонтаж, остальные работали на судах в эллинге и у пирса.

К концу рабочего дня Гефт повел Загнера и де Валя в механический, проверить, как идет подготовка к эвакуации.

Уходя из кабинета, Гефт сказал Лии:

— Мы идем проверять Ивана Александровича.

Лия сняла трубку и попросила механический. К телефону подошел Рябошапченко.

— Николай Артурович приказал, чтобы люди не гуляли! — сказала она.

Гефт повел начальство кружным путем, через эллинг. Они посмотрели корпусные работы на минном тральщике. Здесь шла электросварка. Затем внезапно, со стороны эллинга, нагрянули в механический.

Демонтировали сразу три станка. Десятки ящиков с аккуратными надписями уже лежали приготовленные к отправке.

— Что в ящиках? — по-немецки спросил майор.

— По идее должны быть главные детали станков,— также по-немецки ответил Гефт.— У рабочих длинные уши, они сводки ловят на лету, и кто знает,

что в этих ящиках!.. Я их сейчас проверю! Иван Александрович! — позвал он.

— Слушаю! — отозвался Рябошапченко.

— Что в ящиках? — по-русски спросил он.

— Детали станков...

— А если я сейчас проверю?..

— Воля ваша...— Рябошапченко пожал плечами.

— Эй, ты! Как твоя фамилия? — спросил рабочего Гефт.

— Тихонин...

— Возьми один из этих ящиков, ну, вот этот! — Он указал какой.— Поставь на станину. Открой!

Тихонин взглянул на Рябошапченко, словно спрашивая, как быть. А у самого на лбу выступила испарина. Кто-кто, а он-то знал, что в этих ящиках!..

Загнер и де Валь подошли ближе, они отлично видели растерянность рабочего.

— Я что сказал? Открыть! — потребовал Гефт.

Тихонин поддел крышку зубилом, приподнял шляпки гвоздей, уцепил гвоздодером, не спеша вытащил гвозди и откинул крышку...

В ящике лежали щедро смазанные солидолом, аккуратно переложенные стружкой планшайба и другие детали станка. Зубья шестерни были обернуты паклей, а сверху — опись на немецком языке.

— Кто делал опись? — спросил Загнер.

— Лизхен,— ответил Рябошапченко, он был явно оскорблен недоверием.

— Хорошо! Я очень доволен! — сказал Загнер, он неплохо владел русским языком.— Вы будете получать премий! Делать так, и все будет хорошо!

Довольный собой, немецкой педантичностью инженера, работами в цехе, Загнер, сопровождаемый де Валем и Гефтом, вышел из цеха.

Тихонин, прижав в углу Рябошапченко, с плохо сдерживаемым бешенством сказал:

— Ну?! Неужели вы и теперь не видите? Это же немецкая продажная шкура! Почему вы нам мешаете? Мы бы давно ему сделали темную!

— Вася, потерпи. Осталось немного...

— Он же уйдет с немцами! Как пить дать, уйдет!

— Не уйдет. Забей, Вася, этот ящик и закопай его под полом в конторке! — распорядился Рябошапченко и пошел в дирекцию.

В следующие два дня дел было невпроворот. Эвакуировались склады материально-технического снабжения оберверфштаба. Надо было получить побольше материалов, чтобы было чем встретить настоящих хозяев завода. Гефт добился от майора Загнера разрешения создать аварийный запас и получил за его подписью чистые бланки требований. Он возился с этим несколько дней, но вывез на завод большое количество материалов и спрятал в деревянных складах в расчете на то, что стоящие рядом большие каменные пакгаузы, будучи взорваны, завалят деревянные сооружения. А бензин и автол в бочках он приказал закатить в убежище.

Только Гефт справился с этой задачей, как возникла новая: отцу был выписан маршбефель до порта Браил на Дунае. Небольшой буксир «Альтенбург», на котором должны были эвакуироваться родители, уходил в ночь на двадцать шестое...

Нельзя сказать, чтобы рабочие порта, где он работал, встретили эвакуацию старого Гефта с энтузиазмом. Они считали, что старик переметнулся к немцам, и открыто высказывали ему свое презрение, отчего Артур Готлибович страдал еще больше.

— Ну вот, сын,— сидя на чемодане в ожидании извозчика, сказал старик.— Мы с матерью сделали, как ты хотел. Мы едем в эту проклятую страну, где нас никто не ждет и где мы никому не нужны...

— Опять ты заводишь эту шарманку! — сказала Вера Иосифовна.— Я всегда любила путешествовать...

— Ты слышишь, Николай? Она еще может шутить!..

— Лучше шутить, чем паникерствовать,— заметила мать.

— Это я паникер? Ты слышишь, сын?

— Слышу, отец. Мне очень горько, что вы уезжаете, но другого выхода нет. Вы вернетесь, и довольно скоро.

— Откуда у тебя такая уверенность? — с интересом спросил отец.

— Я знаю обстановку. Наши войска заняли Первомайск. Идут бои у старой границы, на Пруте. Еще немного, и Румыния выйдет из игры, за ней Италия. Уже Рим объявлен открытым городом. Скоро, отец, очень скоро вы вернетесь в Одессу. Что делать, каждый по-своему участвует в войне.

— Да, каждый по-своему,— философски повторил старик.

Во двор въехала фура, нанятая Гефтом. Они перенесли два чемодана, сетку с продуктами, уселись сами и тронулись в порт.

Даже с маршбефелем было трудно проникнуть на пароход «Альтенбург». Здесь понадобилась напористость Гефта и помощь коменданта порта. В отделении для пассажиров по щиколотку стояла вода: где-то пропускали трубы. Было тесно и душно, но рассчитывать на бóльшие удобства не приходилось. Удалось добыть одну койку на двоих, и это было

неплохо. Ночью «Альтенбург» отвалил и, ведя на буксире баржу, взял курс на запад.

На следующий день, утром, к Гефту на завод пришел Артур Берндт, чего он никогда раньше не делал. Отправив Лию с поручением на эллинг, Николай спросил, когда они остались одни:

— Что случилось, Артур?

— Еще не миновала надобность в пропуске?

— Нет.

— Лена достала прошлогодний пропуск в Саврань, вот он.— Артур протянул документ.

Пропуск был настоящий. Надо было только заменить последнюю цифру года и к римской пятерке месяца подставить палочку.

— За пропуск большое спасибо! Скажи, а не может твоя Лена достать оружие? Один-два пистолета и боезапас?

— Я поговорю с ней. Правда, тюремная охрана теперь немецкая... Хорошо, попробую. Может быть, удастся купить на базаре... Николай, я написал обращение к местным немцам. На, прочти.— Он положил перед Гефтом блокнот.

«Товарищи немцы!

Для нас с вами разыгрывается последний акт трагического конца «третьей империи»... Сейчас гитлеровцы ограбят ваши дома, сожгут их, а вас угонят в Германию. С родного пепелища вы попадете на чужие обуглившиеся руины.

Товарищи немцы!

Сопротивляйтесь насильственной эвакуации! Уходите в катакомбы! В Савранские леса!» — прочел Николай.

— Почему «для нас с вами»? И «трагический конец»? Для кого он «трагический»?

— Я имел в виду, что для местных немцев этот акт последний. А трагический...

— Конец трагический не для нас с тобой. Словом, ты еще подумай, исправь и принеси мне на завод. Здесь есть машинка с латинским шрифтом, я отпечатаю сам.

— Хорошо. Я зайду завтра...

— Подожди, Артур. Тебе надо подготовить убежище...

— Я договорился с Семашко, они обещали спрятать меня в подвале.

— Мы могли бы тебя взять с собой, но Семашко — это неплохо. А главное, близко. Я прошу тебя, Артур, следить за питанием радиоприемника. Проверяй каждый день напряжение и по необходимости ночью подзаряжай аккумулятор. Сейчас это особенно важно.

— Понимаю.

В этот день он не мог встретиться с Валерием, чтобы передать ему пропуск в Саврань. На следующий день, в два часа дня, Юлия Покалюхина принесла судок с обедом — теперь у него не было времени уходить с завода — и передала сводку Информбюро за двадцать седьмое. Советские войска взяли Саврань. Разумеется, пропуск утратил свое значение, а вместе с ним была утрачена и последняя надежда на переход Валерием линии фронта.

Двадцать восьмого марта, к концу дня, Гефта вызвали в кабинет баурата на экстренное совещание. Здесь были Вагнер, обер-лейтенант де Валь, капитан Риш из оберверфштаба и несколько морских офицеров, как оказалось, из батальона военно-мор-

ской охраны. В ожидании баурата все сидели молча, в угнетенном, подавленном состоянии. Причина этому была известна: наши войска штурмом взяли Николаев.

Приехал Загнер. Обычно красное, бугристое его лицо было нездорового, землистого цвета. Он небрит и неряшливо одет, чего с ним раньше не случалось.

Мрачно окинув присутствующих взглядом, майор снял очки и долго протирал стекла.

— Первого апреля принято шутить,— надев очки, сказал он.— Так вот, я позволю себе веселую шутку. Первого апреля на территории судоремонтного завода организуется концентрационный лагерь для рабочих, инженеров и служащих. Охрану лагеря будет нести батальон военно-морской пехоты оберлейтенанта Кернера! — Баурат указал на одного из присутствующих офицеров.— Задача лагеря — мобилизация всех сил на демонтаж, упаковку и погрузку оборудования. Конечная цель — принудительная эвакуация рабочей силы для восстановления завода в новых условиях. Инженер Гефт, вы хорошо знаете территорию, покажите, где следует поставить охрану, чтобы предупредить бегство из лагеря.

Гефт подошел к плану завода и указал обер-лейтенанту Кернеру места охраны. Конечно, он позаботился и о том, чтобы у рабочих была возможность покинуть лагерь, оставив открытыми выход у моря через Хлебную гавань и дверь возле кочегарки фабрики-кухни.

— Во время моего отсутствия на заводе,— продолжал майор,— инженеры Вагнер и Гефт имеют право подписи на документах и пропусках, вот обра-

зец.— Майор роздал присутствующим белые бланки, перечеркнутые зеленой полосой.— Учреждаются круглосуточные дежурства: первого — я, майор Загнер, второго — капитан Риш, третьего — инженер Вагнер, четвертого — обер-лейтенант де Валь, пятого — инженер Гефт. Завтра в ковш завода будет доставлен плавучий док, на который погрузят аэродромное хозяйство. За вооружение дока и подготовку к переходу отвечает инженер Вагнер...

Совещание длилось долго, а когда Гефт вернулся к себе в кабинет, то застал Артура Берндта. Он принес пистолет системы «Вальтер» с четырьмя запасными обоймами.

— Удалось только один...— сказал Артур.

— Где ты достал? — спросил Николай, вскидывая на руке пистолет.

— Сегодня утром Лена купила на толкучке...

— Хвоста за ним нет?

— Нет. Я стоял возле нее и все видел. Какой-то немецкий унтер, ему не на что было опохмелиться. За сто марок. Лена с ним сторговалась, просил двести...

— При свидетелях?

— Нет, мы его увели в сторону.

— Хорошо. Обращение принес?

— Принес.

Николай взял у него листок, прочел.

— Теперь хорошо. Просто и доходчиво. Сейчас возьму к себе машинку и отпечатаю. Ты выйди на Приморскую и подожди меня возле моста.

Берндт вышел, а Гефт отправился в секретариат, взял машинку с латинским алфавитом, заложил десять экземпляров тонкой бумаги и отнес к себе в кабинет.

Прежде он напечатал несколько строк проекта приказа о сроках окончания ремонта судов, затем, провернув каретку, начал печатать листовку Берндта. Когда листовка подходила к концу, он услышал какую-то возню за дверью, словно бы в темноте кто-то шарил в поисках ручки. Николай мгновенно провернул каретку обратно, так, что текст листовки оказался снизу, и сунул оригинал в карман.

В кабинет вошел оберфюрер Гофмайер.

— Хайль Гитлер! — вскинул он руку.

— Хайль Гитлер! — ответил Гефт.

— Почему, инженер, вы сами печатаете? — спросил Гофмайер, впившись глазами в текст приказа.

Преодолев чувство страха, улыбаясь, Гефт ответил:

— Диктовать не умею, господин оберфюрер, а надо срочно составить приказ...

— Я ищу майора Загнера!

— Разрешите, я вас к нему провожу?

— Да, пожалуйста...

Они вышли из кабинета, и Гефт демонстративно закрыл дверь на ключ.

Гофмайер не долго оставался у Загнера, он пришел по вопросу организации концентрационного лагеря и вскоре уехал.

Николай Артурович вернулся в кабинет, допечатал листовку и вышел на Приморскую. Берндт его дожидался.

— Вот тебе, Артур, листовки.— Он сунул ему в карман сверток.— Не теряй времени. Надо их расклеить сегодня же. Справишься?

— Постараюсь.

И они разошлись в разные стороны.

Оставшиеся в живых члены подпольной группы. Первый ряд (слева направо): Юлия Покалюхина, Иван Рябошапченко, Михаил Берещук. Второй ряд: Василий Тихонин, Николай Ляшенко, Иван Мындра. Снимок сделан в 1963 году.

Руссний театр Драмы и Комедии

3 января

УТРОМ·

Винниченко

„ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА“

пьеса в 4 действиях
Постановка Вас. Вронского.

ВЕЧЕРОМ

„ХОРОШО СШИТЫЙ ФРАК“

комедия в 4 действиях
Постановке Вас. Вронского.
Роль фон-Мильцера исполняет Вас. Вронский

ВНИМАНИЕ!

ВНОВЬ ОТКРЫТ

КИНО-ТЕАТР „ЕВРОПА“

на Ольгиевской 14.
Театр специально оборудован для звукового кино, есть паровое отопление.
В театре тепло, чисто и уютно. По просьбе администрации для открытия кино-театра специально задержан на 4 дня фильм

„МАЛЕК ТОРЕАДОР“

с участием известного непадражаемого комика БЕСТЕР КИТОНА. Фильм сопровождается русским текстом.

Начало сеансов: в будни—4 и й ч. в праздничные дни с 1 часу дня

Беспружинный бандаж

системы ВИКТОР ФИШЕР

Последняя новость в области ортопедического искусства. Удерживает грыжу больших размеров. Удобен днем и ночью. Полезен тем, кто страдает от ешшля. Внешкая № 50 ут Градоначальничесвой

Торгово-промышленная контора „ПРОГРЕСС“

ул. Короле Михаила I, д № 58

ПРОИЗВОДИТ продажу непорожеекого

картофеля

всем гражданам

по цене 10 РККС пуд
Картофель припорченный по 4 РККС пуд.

ДИРЕКЦИЯ

Спортивный дом. Муниципальный спортзал.

Ланжероновская 24.

ШКОЛА БОКСА „Виктории“
ОЛЕГА ЗАГОРУИЧЕННО.

Вторник и пятница с 5—7 час вечера, воскресенье с 2—4 час. дня
Запись желающих заниматься в зале клуба (Ланжероновская 24) с 4—6 час. дня.

ХИРОМАНТ

ФРЕНОЛОГ, ОККУЛЬТИСТ

с 48-летней практикой

ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ПО ПЛАНЕТАМ, ПО РУКЕ

удачи, неудачи, перемены в жизни каждого человека, семейное положение. Определяет лета, характер, таланты, карьеру —
лично и по фотокарточкам.

Говорю о прошедшей, настоящей и будущей жизни. Отвечаю на всякие вопросы, даю полезные советы. По науке проф. Дебороле, Галля и Сикорского.
Прием от 9 до 2-х и от 3 до 5 ч. Ул. Петра Велик., 21 кв 8 на дворе

ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ!

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Изобретен мною

Ищу лицо с небольшим капиталом для сооружения модели. Размер— 0,7 метра. Возвращение затраченной суммы гарантирую в том случае, если модель не даст движения и силы. 0,03%. Г. С.

Прошу обращаться по адресу Московская ул. 87 кв. 26 Г. И. Застанский.

Кино „ЕВРОПА“

Ольгиевская 14

Последние дни в Одессе новый фильм, лучший из всех бывших на экране Одессы

„Клад острова пиратов“

Затмила дьявола
„Маска смерти“, „Железный игготь“, „Загадочный рыцарь в панцыре“, „Смертельная борьба за обладание кладом“, „Привидения охраняющая клад“.

Спешите видеть и познакомиться с героем фильма артистом Дон Гарри, превосходящим известного артиста Дугласа Фербенкса.

Фильм сопровождается надписями на русском языке по ходу картины.

Сеансы: в будни с 3 час дня, в праздники с 12 часов дня

РИШЕЛЬЕВСКАЯ, 45.

СЕГОДНЯ и ЕЖЕДНЕВНО ОТКРЫТО

Кафе-Лото

Начало игры в будни дни—в 4 ч. дня
В праздничные дни—в 12 ч. дня
Цена одной карты — 1 РККС

ХИРОМАНТ

предсказывает прошедшее, настоящее и будущее, события и перемены, судьбу, идеи и пр. По науке Дебероля. С 9 ч. Болгарская, 14, кв. 18

ГАДАЛКА

Угадываю настоящее, прошедшее и будущее.

Екатерининская, № 4, кв. 1. Стучать три раза. Прием от 12 до 5 часов вечера. Люстгартен

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОМИССИОННЫЙ МАГАЗИН „КОНСТАНЦА“

(Ришельевская № 45)

ВОЗОБНОВЛЕН ПРИЕМ

Кресла, меха, обувь, пальто, костюмы, картины, швейные машины, граммофоны, мебель, сервизы, ковры, лампы, зеркала. Доставку мебели магазин оплачивает.

ВНИМАНИЕ!

РЕСТОРАН „ГАМБРИНУС“

Улица Короля Михаила I № 32.

ВКУСНО! **БЛИНЫ** ДЕШЕВО!

Большой выбор закусок и напитков специально к масленице

ИГРАЕТ ДЖАЗ — РЕСТОРАН ОТКРЫТ ДО 8 ЧАС ВЕЧЕРА

144

Преподаватель

дает уроки по математике, химии

Четвертая полоса газеты «Молва», издававшейся губернаторством «Транснистрии».

Первого числа, закончив трудовой день как всегда, рабочие сплошным потоком двинулись к проходной. Почему-то образовалась очередь. С моря подул холодный, пронизывающий ветер. Пошел дождь со снегом. Люди промокли до нитки. Беспокойство нарастало, а очередь не двигалась вперед. Кто-то пустил слух, что в проходной обыскивают. Послышались возгласы возмущения. Некоторые, знавшие, как можно выбраться с завода, минуя проходную, направились в обход, но и эти выходы оказались блокированы солдатами немецкой морской пехоты. Тогда, стиснутые со всех сторон на узкой площадке перед проходной, люди двинулись на турникет, но им навстречу выбежали солдаты морской пехоты и оттеснили назад. Из комендатуры вышли майор Загнер и обер-лейтенант Кернер. В наступившей тишине майор объявил, что по приказу германского командования рабочие, инженеры и служащие завода заключены в концентрационный лагерь. По рабочей массе прокатилась волна возмущения. Теснимые задними рядами, передние подались вперед.

Обер-лейтенант выхватил из кобуры пистолет и выстрелил в воздух. Он не знал русского языка.

— Хальт! Аусганг верботен!

Масса рабочих угрожающе затихла.

Майор Загнер закончил свою речь. Из его слов было ясно, что никому отсюда не выбраться, по крайней мере сегодня. А это была суббота, и каждый из них рассчитывал провести вечер в кругу семьи.

Под общежитие по указанию Загнера приспособили второй этаж старой конторы, бросили на пол прелую солому, и все... Ни столов, ни стульев...

Промокшие, голодные, они собрались в общежитии. Здесь по крайней мере была крыша над головой

и горел электрический свет. Люди разбились на группы, обсуждая события. Неизвестно откуда появилась листовка и пошла по рукам.

«Вы думаете, напрасно нервничает
немецкая администрация?
Нет, товарищи!

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ БЛИЗКО!!!

Нашими войсками заняты
районные центры Одесщины:
КОТОВСК! БЕРЕЗОВКА! ТРОИЦКОЕ!

Поздравляем вас, товарищи!»

Лагерь долго не затихал. Белый листок, словно чайка, перелетал из одной группы рабочих в другую, возвращался назад и читался вновь.

Только под утро люди забылись коротким сном, но, как только кончился комендантский час, у проходной появились матери, жены, сестры, обеспокоенные отсутствием мужчин. В комендатуре им объяснили, что рабочие задержаны на несколько дней в связи с выполнением срочного заказа, что женщины могут передавать им питание, одежду и постельные принадлежности.

За несколько дней в судьбе людей мало что изменилось: они работали как всегда, некоторым даже удавалось увидеться со своими близкими и перекинуться парой слов. Но четвертого они все почувствовали резкий перелом. С утра был объявлен приказ о прекращении работ и эвакуации всего оборудования завода, а на территории появились две роты саперов и несколько автомашин с ящиками тола и авиабомбами.

В тот же день Гефт вызвал к себе Рябошапченко.

— Вот что, Иван Александрович,— сказал он,— немцы решили за эти несколько дней начисто ограбить завод. Наша задача — не дать им ни одного исправного станка. Мы проведем операцию «Молот и солидол». Будем крушить молотом все, что только можно разбить, а осколки заливать солидолом. Сейчас, в первую очередь Загнер приказал демонтировать и отправить в порт станок для проточки валов. Ты сделай вот что: используй кранового Копейкина, занеси в угол заднюю бабку, планшайбу и завали всяким хламом. Потом подними на крюке маховик и разбей им станину. Через два часа я заеду за этим станком. Есть еще одна мысль, но об этом позже. Сегодня удалось договориться с Загнером об освобождении из лагеря всех стариков. Ты понимаешь, что под этой маркой мы сможем выпустить и тех, что помоложе... Отбери людей. Кроме того, на машине я буду перевозить в порт оборудование. Надо попытаться подсаживать для разгрузки восемь — десять человек рабочих в каждый рейс. Разумеется, на завод они не вернутся. Завтра я дежурю и вечером сумею выпустить человек десять по пропускам. Учти, к трем часам будет новая листовка. Надо обеспечить ее распространение. Вот, кажется, и все. Вопросов у тебя нет?

— Нет, все ясно. Если бы ты знал, Николай Артурович, какое это варварство, крушить такой станок...

— Где же мне знать? — разозлился Гефт.— Ну, иди, чувствительный юноша!..

Весь день Гефт занимался отправкой оборудования в порт, а когда охрана привыкла к его поездкам, он стал подсаживать на машину людей и в течение

дня вывез с завода инженеров Резчикова, Новохацкого, Юркова, мастеров Чефрана, Разманича, Клещевича и многих других техников и рабочих.

В первую же ночь из лагеря скрылось человек двести, через проходы, предусмотрительно оставленные Гефтом. Четвертого удалось выпустить еще около двухсот человек «стариков» и «больных туберкулезом»: немцы боялись инфекции и легко на это пошли. Количество людей в лагере резко уменьшилось. Из патриотической группы Гефта на заводе остались лишь Иван Рябошапченко и Василий Тихонин.

Ящики с оборудованием были все вывезены на плавучий док. Последние три станка сняты с фундаментов и погружены на платформы; здесь же на пути, стояли два катучих железнодорожных крана. Гитлеровцы намеревались столкнуть их в море.

НА ПОТЕМКИНСКОЙ ЛЕСТНИЦЕ

В огромном, теперь пустом, помещении механического цеха Тихонин и Рябошапченко сидели на выброшенном из конторки столе Лизхен. Сама она исчезла из цеха в первый же день организации лагеря. Она теперь секретарь Загнера, ходит упоенная властью, по-хозяйски покрикивая на служащих конторы. Так молча сидели на столе разные по возрасту и судьбе два человека — Тихонин и Рябошапченко, но мысли их были примерно одинаковы. Человек испытывает удовлетворение от дела своих рук. Вот они потрудились на совесть, перед ними дело их рук — разрушенный, опустошенный цех, а на душе ничего, кроме горького осадка.

— Ну ладно, Иван Александрович,— нарушил молчание Василий.— Все пройдет, как хвороба. Останутся только оспинки на сердце. Придут наши. Вернутся станки, эвакуированные на восток. А куда? Эти гады все подорвут, все уничтожат...

— Думаю, что всего они не подорвут... Он не допустит...

— Сколько за эти полгода я слышал от вас: «он приказал», «он дал задание», «он передал листовку», «он не допустит»... Кто? Кто приказал? Кто не допустит? Вы были командиром в этой борьбе. Я вам верил, и вы меня не обманули. Но вы говорите, что кто-то стоит за вами. Я спрашиваю: кто? Имею я на это право?

Рабошапченко повернулся к Василию, внимательно посмотрел на него, двигая желваками, вытянул губы, словно собираясь свистнуть, и поджал их вновь — такая у человека странная привычка,— затем сказал:

— Думаю, Василий, что ты имеешь на это право. Пришло время познакомить тебя с главой нашей группы. Он не чуждался грязной работы, он такой же, как ты, как я, солдат незримого фронта... Пойдем!

Рябошапченко слез со стола, еще раз с горечью окинул взглядом разрушенный, опустошенный цех и вышел, а за ним Тихонин.

Когда они стали подниматься на второй этаж Управления, Василия охватило тревожное предчувствие того, что должно было сейчас случиться...

Иван Александрович постучал в дверь кабинета. Получив разрешение, он сказал Тихонину:

— Чуток подожди здесь.— И ушел в кабинет.

«Нет! Не может этого быть! — лихорадочно думал Василий.— Он только зашел к этой немецкой

шкуре, чтобы доложить по службе. Он сейчас вернется, и мы пойдем к нему, к солдату... этого... фронта...» Волнуясь, он забыл, какого фронта.

Но дверь приоткрылась, и Рябошапченко выглянул в коридор:

— Зайди!

С плохо скрываемой неприязнью Василий перешагнул порог.

— Здравствуй, товарищ Тихонин! — сказал Гефт, протягивая ему руку.

Василий смущенно ответил на пожатие.

— Вот почему, Василий, я тебе мешал расправиться с «немецкой шкурой»,— улыбнулся Рябошапченко.— С одной стороны — угроза провала у немцев, с другой — ненависть своих. Так вот и ходил человек по острию ножа... А ты «темную»...

— Знаешь, Иван Александрович, кто старое помянет... Настала пора, Василий, тебе уходить с завода. Пропуск я выпишу...

— Не надо, Николай Артурович, я и так уйду.

— Как же ты?

— Да уж так... Запросто...— Он улыбнулся.

— А куда уйдешь? — спросил Гефт.— Домой нельзя. Мы можем тебя взять с собой в тайник...

— Нет, я с вами не могу... У меня братишка меньшой, Колька... Мы вместе уйдем в Усатово, там живет тетка, у нее на огороде колодец, так мы этим колодцем в катакомбы...

— Что ж, хорошо. Желаю удачи! В день освобождения мы встретимся все возле дюка [1]. У Потемкинской лестницы в шесть часов вечера. Приходи.

Гефт обнял Тихонина и проводил до двери.

[1] Гефт имеет в виду памятник градоначальнику Одессы дюку де Ришелье.

Когда они остались одни, Николай сказал:

— Мне вручили командировочное предписание — маршбефель. Я назначен командиром дока. Отправляется он седьмого ночью. Получил на дорогу паек, думаю, что нам хватит. Забирай на Тенистую. Вот тебе, Иван Александрович, пропуск. Пора и тебе уходить. Связь через Юлю. Я приду восьмого утром. По сегодняшней сводке, наши войска ведут бои приблизительно в тридцати — сорока километрах от Одессы. Передай Валерию привет!..

— Николай Артурович, а как же с разминированием? — спросил Рябошапченко.

— Я сегодня дежурю. Загнер должен оставить мне ключи от сейфа. Постараюсь сделать все, что смогу. Если бы удалось спасти электростанцию...

— Ну, бывай!..

Рябошапченко взял перевязанный бечевкой пакет с продуктами и пошел к двери, но остановился, постоял, почмокал губами и вернулся:

— Давай, Коля, обнимемся!

Они обнялись.

— Восьмого утром ждем тебя. Помни, мы будем очень волноваться... Да! Если встретит меня начальство, спросят: куда? зачем?

— Скажешь, что инженер Гефт поручил тебе отнести к нему домой пакет с продуктами.

— До восьмого! — еще раз сказал Рябошапченко.

Тем временем Василий Тихонин действительно запросто ушел с завода. Он давно присмотрел плохо крепленную доску в заборе. По ту сторону шли железнодорожные пути и через каждые двадцать — тридцать метров несли охрану патрули. Маневровый паровоз, окутанный паром, шел по пути, подавая сигнал. Пользуясь как прикрытием облаком пара,

Тихонин перебежал рельсы в каком-нибудь метре от паровоза и спрятался за будкой стрелочника. Затем, выждав момент, добрался до пакгауза, переждал и скрылся совсем...

Часов в пять вечера неожиданно для Николая к нему в кабинет явился Олег Загоруйченко.

— Не ждал? — спросил он от порога.

— Откровенно говоря, не ждал,— согласился Николай.

— Двадцать седьмого был реванш с Буанце, я думал, ты придешь в цирк, но так и не дождался...

— Началась эвакуация завода. Дел столько...

— Понимаю,— сказал он, усаживаясь в кресло. Было видно, что Загоруйченко что-то не договаривает, но выдержка ему изменила, и он в сердцах бросил:

— Илинич-то каков!! Обманул, мерзавец!.. В это воскресенье я пригласил его на дачу в Аркадию, посулил французский коньяк и шикарных девочек. Он дал слово, но не явился... В понедельник пошел к нему домой, а мне говорят: «Михаил Александрович еще в субботу уехал в Германию...» Как, спрашиваю, внезапно? «Нет, он неделю готовился!» Вот мерзавец! А мне обещал!..

— Ты к нему всей душой, а он... Действительно мерзавец,— не скрывая иронии, сказал Николай.

— А ты знаешь, что он за птичка, этот Илинич?

— Думаю, крупная,— высказал предположение Николай.

— Он работал на Канариса! Давно, с тридцать седьмого!..

— Ну, вряд ли... Кто это может знать...— желая вызвать его на откровенность, неопределенно сказал Николай.

— Кто может знать? — повторил Загоруйченко.— Кое-кто может! Когда Илинич — Михаил Октан редактировал орловскую газету «Речь», я был в Орле. И вот на банкете у коменданта города, в то время, как Илинич произносил тост, мне сказал один немецкий полковник: «Ловкач ваш соотечественник, служит и Гиммлеру и Канарису одновременно!»

— А кому решил служить Олег Загоруйченко? — прямо спросил Николай.

— Думаешь, это так просто...— уклонился он от ответа.

— А ты помнишь лейтенанта Гельмута Цвиллера?

— Как же, на костыле...

— Он этот вопрос решил...

— Ты что-нибудь знаешь о нем? — заинтересовался Загоруйченко.

— Я предполагаю...

Без стука вошла Лизхен. На ее лице было довольство собой и жизнью: майор брал ее в Констанцу. Стрельнув глазами в сторону Загоруйченко, она сказала:

— Николай Артурович, баурат просит вас к себе на совещание.

— Передайте, что я иду.

Лизхен вышла из кабинета.

— Ну, что же, пойду и я... Мы еще увидимся? — прощаясь, спросил он.

Но, спрашивая об этом, Загоруйченко отлично знал, что ночью на военном транспорте он уйдет вместе с Гофмайером в Линц.

В полночь, уже в который раз, Гефт зашел в кабинет Загнера, сжимая в кармане ключи, посмотрел на сейф, но не решился его открыть.

«Рано... Еще очень рано,— думал он.— Открою под утро, когда крепок сон...»

Выйдя из кабинета, он встретился взглядом с дежурным канцеляристом. Борясь со сном, тот неестественно таращил глаза.

В лагерном общежитии дежурный отдал ему рапорт:

— В ночь с пятого на шестое апреля в лагере содержится сто сорок семь человек! Все в наличии. За время моего дежурства никаких происшествий не случилось!..

Сопровождаемый дежурным, Гефт, делая обход, направляется из комнаты в комнату. Вот на видном месте сводка Информбюро за пятое число. Он делает вид, что не замечает белый листок, а дежурный, сам удивляясь своей ловкости, срывает его и прячет в карман.

«Сто сорок семь человек, кто они? — думает Гефт.— Каждый из них, оставшихся в лагере, привязан к гитлеровской колеснице, как утопленник к камню. Это уголовники, освобожденные оккупантами из тюрьмы, раскулаченные колонисты — хозяйчики фольварков, дезертиры, бежавшие с фронта, изменники... Конечно, не все сто сорок семь. Есть среди них и такие, которым некуда идти...»

Он возвращается к себе в кабинет и слышит звонок телефона.

— Как идет дежурство? — спрашивает Загнер.

Николай понимает, что баурат пьян.

— Отлично, господин майор. Только что был в лагере. Люди на местах. Никаких происшествий! Кажется, вы развлекаетесь?

— Вы угадали, мой друг. Когда вы на заводе, я спокоен и могу себе позволить...

Николай слышит женский смех.

— Пожелай ему спокойного дежурства,— говорит женщине Загнер.

— Хэлло! Николай Артурович, я вас очень люблю!..— Лизхен заливается глупым, самодовольным смехом.

В трубке раздается щелчок, наступает тишина.

Николай решительно идет в кабинет майора. Теперь, когда он знает, где и с кем Загнер, можно не опасаться его неожиданного появления.

«А вдруг я не сумею открыть сейф? — думает он.— Три поворота ключа в обратную сторону. Но раньше надо набрать «аргус»...

Канцелярист спит, сидя за столом, положив голову на руки.

Николай осторожно открывает дверь. Мрачная громада сейфа, окрашенного под красное дерево, сверкая надраенными медными частями, сразу поглощает его внимание. Он подходит к сейфу и откидывает щечку. Пять конических дисков с алфавитом латинских букв. Он подставляет под красную черту А—Р—Г—У—С... Ключ надо вставить бородкой кверху... Три поворота. Массивная дверь открывается совсем легко, не требуя усилий. Вот маленькое отделение, оно на отдельном ключе, там печать и план... Николай открывает и эту дверцу, берет план, сложенный в одну шестнадцатую, кладет его в боковой карман тужурки, закрывает сейф и только теперь набирает полную грудь воздуха, словно все это время и не дышал.

Больше часа уходит на то, чтобы перенести с плана на копию схему электропроводки заминированных цехов, станции и складов.

Теперь сложить план точно по старым складкам и на место... Скорее на место...

Вдруг он слышит осторожный, но настойчивый стук в дверь.

Николай прячет копию в один карман, а оригинал в другой.

— Войдите! — говорит он по-немецки.

В кабинет входит мастер Полтавский:

— Можно к тебе, Николай Артурович?

Николай чувствует, как отливает кровь, как восстанавливается дыхание. Он снова владеет собой и даже находит силы для шутки:

— А я, признаться, думал, Андрей Архипович, что ты сбежал, не простившись!..

Они поздоровались, как старые друзья.

— Из лагеря-то я сбежал, не простясь. Но пришлось вернуться: инструментишко кое-какой я на территории припрятал, думаю, зачем оставлять немцам...

— У тебя время есть?

— Есть, а что?

— Подожди меня здесь, минут десять. Срочное дело.

— Ладно, ступай.

Николай пошел в кабинет Загнера, теперь уверенно открыл сейф, достал из кармана план, проверил — не положить бы копию,— поставил план, как стоял, на ребро, закрыл сейф, спутал наборные диски и вернулся к себе.

— Андрей Архипович, тебя привело дело? Или ты так, по старой дружбе? — спросил он.

— Как тебе сказать?..— Полтавский почесал затылок, сдвинув фуражку на нос и с хитрой улыбкой сказал: — Я все это время, Николай Артурович,

наблюдал издали. Рад, что не ошибся в тебе, хотя и были у меня сомнения. Очень ты смело гнул свою линию... Словом, одобряю на все сто! Теперь, смотрю, ты кадры свои попрятал, остался один. Может, надо тебя подпереть плечом? А?

— Ты это искренне?

— Вполне.

— На твое плечо опереться можно...— в раздумье сказал Николай.— Екатерина не заругает?

— Если что по пьянке, она не любит, а против такого дела возражать не станет.

— Хорошо, Андрей Архипович, приходи... Да ты как проходишь-то на территорию?

— Через Хлебную гавань.

— Понятно. Приходи седьмого в двадцать два часа к электростанции. Захвати с собой кусачки посильней, бокорезы и карманный электрический фонарь.

— Ясно. И кусачки и бокорезы?

— Видишь, у меня есть одни, но выщербленные и тупые.— Николай открыл ящик стола и, достав, показал бокорезы.

— Я принесу. Стало быть, седьмого в двадцать два ноль-ноль на траверзе электростанции,— повторил он.

— Дома тебе оставаться нельзя. Ты подумал о тайнике?

— Приспособил подвал в дровяном сарае. Тайна вклада обеспечена.

— Ну, смотри, а то я мог бы...

— Не надо, спасибо.

Полтавский простился и ушел.

Николай с сознанием того, что большое и сложное дело позади, откинулся в кресле, закрыл глаза и, не сопротивляясь навалившейся дремоте, уснул...

Утром приехал Вагнер, помятый и хмельной, но, подменив, отпустил Гефта домой.

Весь день седьмого числа Гефт провел на доке. Надо было, чтобы все видели, как настоящий хозяин готовится к переходу. Зенитные пушки, установленные Вагнером, были плохо принайтовлены. Боекомплект лежал в ящиках прямо на палубе. Груз распределен не по-боцмански и давал дифферент. Словом, дел нашлось много. Затем, взяв машину баурата, он съездил домой и привез тяжелый чемодан, который поставили в командирской каюте на башне дока. Буксир обещали подать к двадцати трем, отплытие назначено на двадцать четыре.

В двадцать один час Гефт сошел на берег, поднялся в Управление к баурату и простился. Вагнер уходил следующей ночью на быстроходном катере и, по его расчетам, должен был обойти док где-то в районе Измаила.

В двадцать один пятьдесят Николай спустился вниз и пошел по направлению к электростанции.

Ни души. Редкие патрули на территории и усиленные возле лагеря.

Ветер резкий, порывистый. На море крутая волна. По небу плывут низкие, кучевые облака. Ни звезд, ни луны.

Николай подошел к электростанции. Никого.

«Неужели Полтавский не пришел?» — подумал он, вошел в дизельную и осветил фонариком циферблат часов — без пяти десять. Решил ждать.

Точно в десять послышались осторожные шаги.

Николай приоткрыл дверь и мигнул фонариком. Шаги послышались ближе...

Полтавский юркнул в дверь и молча включил фонарик.

Николай извлек из кармана и развернул план.

По схеме электропровод к минным колодцам протянут в здание станции через траншею, где проходят трубы подачи дизельного топлива.

— Надо снять щит с траншеи,— тихо сказал Николай и осветил слева у стены крышку люка. Он нагнулся, рукояткой бокореза приподнял щит и увидел два провода в разноцветной оплетке.

— Вырежи куски проводов! — сказал он, придерживая щит.

Полтавский лег на живот, перекусил бокорезом сперва один провод, затем другой. Отполз дальше. Николай помог ему поднять следующий щит. Он снова перерезал провода, вытащил куски, смотал их на ладони и спрятал в карман.

— Давай щиты опустим на место,— сказал Николай.— Так, здесь все. Теперь в котельную!

Они вышли, осмотрелись. Где-то в стороне прозвучала очередь автоматической пушки, и снова наступила тишина, гнетущая, словно притаившаяся...

В котельной ввод был сделан наружный и прямо привел их к заминированному колодцу. Лопатой, обнаруженной здесь же, Полтавский углубился на полметра, обрезал провода, подвязал к концам по кирпичу и, засыпав землей, хорошо утоптал.

— Все, Архипович.— Николай спрятал план.

— А как же остальные? Цеха? Склады? — спросил Полтавский.

— Там провода в глубоких траншеях, мы ничего не сможем сделать. Да и времени у нас не осталось: в двадцать три обход.

До Хлебной гавани они пробирались вместе, затем, молча простившись, разошлись в разные стороны.

Николай пошел на Арнаутскую.

На улицах часто встречались патрули военно-полевой жандармерии. Приходилось, стоя под резким светом электрического фонаря, показывать документы, с тревогой думая, что вот сейчас набредет на патруль кто-нибудь из оберверфштаба и попробуй объясни, почему ты, командир, не на доке, который вот-вот должен уйти из Одессы.

Но все обошлось благополучно. Он подошел к дому номер тринадцать и условно постучал в окно. Юля проводила его в комнату, сказав:

— Я уже начала беспокоиться. Почему так долго?

— По дороге раз пять проверяли документы... Я очень хочу есть...

— Сейчас покормлю тебя, только тише, мама спит...— Она ушла на кухню.

Николай порылся на этажерке и обнаружил томик стихов Эдуарда Багрицкого «Последняя ночь».

«Последняя ночь в оккупированном городе,— подумал он,— странно, последняя или, быть может, их будет несколько?»

Ужин был королевский — жареная ставрида с картошкой и даже... рюмка белой! У Юли был заветный флакончик спирта, она развела его кипяченой водой, отчего он стал мутный и теплый. Чуть, самую каплю, она налила себе, остальное ему.

Они чокнулись.

— За победу! — тихо сказал Николай.— Ты знаешь, что значит сейчас для меня эта рюмка?.. Нервы натянуты до предела, как проволочные тяжи... И вот я чувствую, понимаешь, Юля, чувствую физически, как слабеет их натяжение и я погружаюсь в блаженное состояние человека, который не сделал всего, что мог, но сделал все, что было в его силах... Ты знаешь,

я просто мечтаю о нарах в тайнике на Тенистой, чтобы спать, спать не думая... Все это время я думал, даже во сне... Понимаешь, Юля, я не верю в обещанный страшный суд в небесах, но знаю, что придет время, и здесь, на земле, позовут нас с тобой и спросят: а что сделали вы в этой борьбе человека со зверем? Ну что мы можем на это сказать? Мы сделали мало, так ничтожно мало...

— Знаешь, Николай, ты опьянел от одной рюмки...

— Знаю. Юля, я могу взять с собой этот томик Багрицкого?

— Конечно.— Она улыбнулась.

— А ты, я вижу, довольна тем, что я пьян...

— Почему?

— Я ослаб, нет во мне прежней силы...

— Не понимаю связи...

— Помнишь, ты как-то сказала, что я все меньше нуждаюсь в тебе...

— Забудь об этом, это было давно и неправда... Скоро, очень скоро ты увидишь Анку и своих ребят... В феврале им исполнилось по семи.

Николай лег на кушетку, положив под голову руки, закрыл глаза и в то же мгновение погрузился в сон...

...К пирсу подходит теплоход, белый, нарядный, и на палубе стоит Анка, она старенькая, седая, в очках. Рядом с ней сыновья, они в одном возрасте с отцом... А Николай держит в руках два одинаковых резиновых пингвина — подарок сыновьям, но они так выросли... Аня состарилась, и только он, как был молодым, тридцатитрехлетним, так и остался... «Как же у меня такие взрослые сыновья?» — думает он. Вот подали трап, и они спускаются к нему, Констан-

тин и Владимир, поддерживая под руки мать... Анка очень смущена, она так постарела, и у нее возмужавшие сыновья... Трап длинный, как... как Крымский мост в Москве. Они идут, идут... Низкий протяжный гудок дает капитан теплохода, а они все идут по трапу, и кажется, что ему нет конца... И снова протяжный гудок...

Николай просыпается от звука гудка в порту. Сквозь щели в светомаскировке пробивается сиреневый сумрак рассвета. Он смотрит на часы — четверть шестого!

Входит Юля, она уже одета.

— Идем?

— Да, времени терять нельзя ни минуты!

Они молча выходят и идут в порт.

Док ушел, в этом он убедился сам. Теперь можно и на Тенистую!

Они сворачивают в сторону и идут по Преображенской к Большой Фонтанской дороге. Они идут долго, около двух часов.

В этот ранний час улица еще спит, и они проходят никем не замеченные. На пороге дома Николай останавливается:

— Там, у тебя на Арнаутской, я видел сон... До сих пор не могу забыть, какой-то вещий... Словно бы я на пирсе, встречаю теплоход, и на палубе Анка, старая, седая, и взрослые сыновья... Я стою на пирсе, тридцатитрехлетний, а сыновьям моим примерно столько же, и они по трапу идут, идут...

— Смешной сон...— Она улыбнулась.

— Смешной, говоришь? Ничего не вижу смешного. Дети мои вырастут, а я как был, так и останусь для них тридцатитрехлетним, по воспоминаниям детства... По фотографиям...

— Какая-то мистическая заумь! — уверенно бросила Юля.

— Понимаешь, Юля, я сам не верю, но тяжелый осадок не проходит. Ладно. Идем.— Он постучал, и дверь тотчас же открылась: их ждали.

На пороге стояла Елена Сергеевна.

— Как вы долго! Иван не находит себе места,— сказала она, спускаясь в подвал.

Несколько блоков ракушечника было выдвинуто: в ожидании его тайник не закрывали.

— До свидания, Юля! — прощаясь, сказал Николай.— В эти дни будет особенно опасно в городе, зря не рискуй, прошу тебя. Я не благодарю за все, что ты сделала, ты выполнила свой долг. Вот какие громкие слова я тебе говорю,— улыбнулся он.— Но что-то, мне кажется, ты сделала и для меня лично. Спасибо тебе.

Николай полез головой в амбразуру и скрылся в тайнике. Женщины поставили блоки ракушечника на место и навесили полку-стеллаж со всяким хозяйственным хламом.

В тайнике Николай мог стоять не сгибаясь. Здесь было не теснее, чем в купе плацкартного вагона.

— А как Лопатто? — спросил Николай Валерия.

— Я был у профессора шестого, проводил его и Александра до сахарного завода. Они ушли в катакомбы. Мария Трофимовна на даче.

— Это хорошо. Знаешь, Иван Александрович, кто мне помогал разминировать станцию? Полтавский! — неожиданно сказал Николай.

— Сам пришел?

— Сам. Не надо ли, говорит, подпереть плечом?

— Он мужик душевный, какой-то человечный...

— Пожалуй,— согласился Николай.

— Что же ты не взял его с собой? — спросил Рябошапченко.

— Предлагал. У него есть тайник свой. Смотрите, какие строчки:

Мы навык воинов приобрели,
Терпенье и меткость глаз,
Уменье хитрить, уменье молчать,
Уменье смотреть в глаза [1].

— Как это здорово: «Мы навык воинов приобрели»! На, получай, Валерий, томик Багрицкого, а я спать, спать... Братцы, сколько же я недоспал за это время! — Николай взобрался на верхние нары, снял тужурку и лег, подложив под голову руки...

Одинокой звездочкой в чернильной темноте тайника мерцала лампочка на тонком шнуре, она звала его словно путеводная звезда... Казалось, что куда-то его мчит поезд и он лежит на жестком плацкартном месте вагона...

Время тянулось томительно медленно.

В первый же день пребывания в убежище они слышали гулкий топот сапог над головой, голоса... Это приходили из полиции за Иваном Рябошапченко. Елена Сергеевна сказала, что муж эвакуирован в Германию с оборудованием завода, показывала справку, предусмотрительно заготовленную Гефтом. Полицейские забрали все шерстяные вещи и ушли. Наведывались и власовцы во главе с офицером, угрожая оружием, требовали денег и тоже, забрав из дома последнее, ушли.

Среди ночи домик Рябошапченко долго сотрясали близкие взрывы. Земля дрожала и гудела, словно от подземных вулканических толчков. Рвались немец-

---

[1] Эдуард Багрицкий. «Последняя ночь».

кие склады артиллерийских снарядов. Взрывы были такой страшной силы, что вся черепица слетела с обрешетки дома.

Многими часами они сидели на нарах и, затаив дыхание, прислушивались к звукам то приближающейся, то удаляющейся стрельбы из орудий и тяжелых минометов. Бой шел где-то близко от Тенистой улицы, по береговой черте, у самого моря. Низко пикировали советские самолеты, и к вою моторов примешивались разрывы снарядов и клекот спаренных пулеметов...

Вскочив, Гефт долго метался по узкому пространству убежища, два шага в ширину — три в длину. За ним молча наблюдали, сидя на нарах, Рябошапченко и Бурзи.

— Затаились, как кроты!.. А там идет бой, люди вышли из-под земли с оружием!.. Нет, не могу больше! Не могу!! — сорвался Гефт и, навалясь плечом, попытался вытолкнуть блок ракушечника.

— Оставь, Николай! Тебя же знают в лицо! — глухо сказал Бурзи.— Что мы можем сделать? Один пистолет на троих... Ты же разведчик! У тебя другая задача. Отдохнешь неделю, другую и снова в тыл!.. Тебя готовили не для того, чтобы подставить под шальную пулю!..

— Хрестоматийная истина! — бросил Гефт.— Я не только разведчик, но и гражданин! Пойми...

— Не понимаю. Ты должен лично передать собранную информацию!..

Гефт опустился на нары, закрыв лицо руками, затих.

Долго еще слышались звуки боя; затем наступило удивительное спокойствие. Тишина вызывала тревогу и теснящее грудь предчувствие...

В девять часов утра они услышали условный стук.

Волнуясь, бросились к проему и помогли изнутри вытолкнуть блоки ракушечника в коридор.

Первое, что они услышали, был голос Юли Покалюхиной:

— Товарищи, наши вошли в Одессу!..

Они все выбрались из тайника и забросали ее вопросами.

— Всю ночь шли уличные бои! — рассказывала Юля.— Наши форсировали лиман и ворвались в Одессу со стороны Пересыпи. Танки и мотопехота обошли город с флангов...

— На завод! Сейчас же все идем на завод!.. — сказал Николай.

Над городом стлался удушливый дым пожарищ. Немецкие варвары взорвали народную святыню — домик, в котором жил и творил Пушкин. В руинах Дом учителя, вокзал, школы. Горят дома на Дерибасовской и Пушкинской улицах. Лежат на дорогах безжалостно срубленные белые акации — гордость Одессы. Еще сотрясают воздух взрывы на станции Сортировочная. Смрадный дым стоит над портом, холодильником, над судами, что немцы не успели увести в Констанцу. Словно спутанные провода, лежат в руинах конструкции портальных кранов, сооружения порта...

А в Одессу идут и идут все новые и новые советские части. Лица воинов усталы, суровы, но счастливы: завершен один из героических этапов освободительной борьбы народа — Одесса стала снова советской!

В шесть часов вечера возле памятника де Ришелье стоят Гефт, Покалюхина, Рябошапченко, Бере-

щук, Тихонин, Ляшенко и Мындра. Они встречают победителей, поднимающихся по Потемкинской лестнице, перекидываются с ними шутками, подпевают украинским партизанам:

З автоматом ходить фриц,
Щось муркаче про свий блиц,
Партизан цьому як блиснув,
Бильше фриц уже не пискнув!..

А войска все идут и идут, в скатках через плечо, в треухах, с подвязанными к поясам касками, усталые, но счастливые, бойцы за советскую Одессу!..

Гефт смотрит вниз, на лестницу, и видит: впереди подразделения разведчиков поднимается высокий, плечистый гвардии лейтенант. На его молодом еще лице смешная куцая борода. Правая рука забинтована и на перевязи, левой он опирается на плечо молоденького гвардии сержанта с автоматом. Сам не зная почему, Николай еще издали приметил этих двоих и с нетерпением ждет, чтобы рассмотреть их ближе...

Иному покажется, что так бывает только в книгах, в кино или театре, что жизнь не балует такой случайностью. Но жизненная правда куда удивительнее вымысла!

Николай идет к ним навстречу и узнает в маленьком сержанте Глашу! Глашу Вагину!

Глаша со своим спутником выходит из строя и двигается прямо на него, улыбаясь счастливой, загадочной улыбкой.

— Знакомьтесь! — говорит она.— Гвардии лейтенант Яков Вагин! А это разведчик, командир подпольной группы Николай Гефт!

Мужчины здороваются, но торжественность им не к лицу, и, обнявшись, они троекратно целуются.

— Товарищ командир,— обращается к Николаю она.— Докладывает гвардии сержант Вагина. Ваше задание выполнено! Разведданные доставлены в срок и переданы командованию!

Они обнимаются.

— Помните, вы сказали: когда вернется Яков, я зайду к вам, мы выпьем по стопке вина и вспомним это страшное время, которое вас не согнуло?.. Помните?

— Помню.

— Так идемте сейчас на Коблевскую!..

— Я здесь не один, вот, знакомьтесь. Это та самая Глаша Вагина, которой ты, Юля, доставала амбулаторную справку.

Они познакомились.

Подходя к дому, где жила Вагина, Николай невольно замедлил шаг: а что, если дом разрушен? Если квартира разграблена?

Словно угадав его мысли, Глаша сказала:

— Если дом не разбомбило, квартира цела. Уходя, я по совету товарища Романа пришпилила на дверь объявление: «Вагина отправлена в инфекционную больницу по подозрению на сыпной тиф».— Она совсем как девчонка рассмеялась, подпрыгнула на одной ноге, словно играя в «классы», и побежала вперед, придерживая на груди автомат.

Когда они все вошли в комнату, светомаскировка была сорвана, окно распахнуто настежь, а Глаша хлопотала по хозяйству, накрывая дивизионной газетой стол и расставляя на «скатерти» посуду.

Они все сгрудились вокруг стола.

Николай, волнуясь, глухо сказал:

— За жизнь, перед которой отступила смерть! За счастье! За победу!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Только первого июля Анка с сыновьями приехала в Одессу, а через несколько дней майор Гефт получил новое задание: во главе разведывательно-диверсионной группы под условным названием «Авангард» десантироваться северо-восточнее Кракова, в Польше.

Тридцатого июля Николай снова расстался с семьей и направился в Киев для комплектования десантной группы. Его помощником назначен капитан Валерий Бурзи (Ефремов). Из подпольной группы привлечен Василий Тихонин. Этому юноше, Васылю, как его любовно называли поляки, суждено было сыграть не последнюю роль в героической истории «Авангарда».

Третьего августа майор Гефт выехал из Киева в Житомир, отсюда в ночь с шестого на седьмое самолетом десантники были сброшены с парашютами в пятидесяти километрах северо-восточнее Кракова, в районе действий группы «Валька» («Борьба»), одной из частей Армии людовой.

Перед группой «Авангард» была поставлена задача: выйти к Бреслау для выполнения основного задания.

Восемнадцатого августа в районе Космолува, на участке Слькуж — Рогачев, десантники «Авангарда» подорвали полотно железной дороги. В результате диверсии — крушение воинского эшелона, убито и

ранено несколько сот гитлеровцев, уничтожено значительное количество вражеской военной техники.

На шоссе Варшава — Краков, между населенными пунктами Мехув — Киджеюв, десантниками «Авангарда» расстреляна и сожжена колонна гитлеровских автомашин с боеприпасами.

На главной железнодорожной магистрали, Берлин — Катовицы — Краков, десантниками был подорван мост во время прохождения воинского эшелона, а через несколько минут скорый поезд, идущий из Берлина с войсками СС, свалился в провал моста. Всю ночь гитлеровцы убирали убитых и раненых.

Двадцать восьмого августа на марше в районе поселка Седлец, в двадцати километрах северо-западнее Кракова, отряд «Авангард» наткнулся на засаду карателей. Значительно превосходя численностью, гитлеровцы обошли отряд с флангов. Положение сложилось критическое, десантники несли значительные потери. Майор Гефт принял решение: он и радистка Вера прикрывают отход «Авангарда» малыми группами.

Капитан Бурзи вывел десантников из-под огня и долго дожидался в лесу возвращения командира, но им не суждено было встретиться.

Николай Гефт и радистка вели автоматный огонь, прикрывая выход из окружения группы, но вот осколком мины в грудь наповал убита Вера. У Гефта кончился боекомплект, он выхватил из кобуры «Вальтер», тот самый, одесский, и расстрелял все обоймы, остался один последний патрон. Николай закопал полевую сумку в траншее и в тот момент, когда гитлеровцы, торжествуя победу, бежали к нему, крикнул:

— Я буду вам страшен и мертвый!..— Приложил ствол к виску и нажал спуск...

Командование разведывательно-диверсионным отрядом «Авангард» принял на себя капитан Бурзи.

Жестоко мстя за смерть своего командира, отряд продвигался на юго-запад к чехословацкой границе.

Спустя несколько месяцев в бою с карателями смертью храбрых пал и Валерий Бурзи. Это случилось под Горной Ричаркой, и тело его покоится у селения Райча, на границе Польши и Чехословакии.

Василий Тихонин вернулся в Польшу и стал во главе отряда. На боевом пути было немало горьких поражений, но военное счастье их не оставляло. Много ярких страниц вписали десантники «Авангарда» в историю борьбы за освобождение Польши.

После победного окончания войны Василий Тихонин вернулся в Одессу, кончил институт, стал членом Коммунистической партии. Василий много плавал, побывал во всех частях света. Сейчас он работает в Черноморском пароходстве в должности механика-наставника.

Судьба родителей Николая Гефта, Веры Иосифовны и Артура Готлибовича, сложилась так: на пароходе «Альтенбург», вышедшем ночью двадцать пятого марта из Одессы, они добрались до Галаца, затем речным пароходиком до Панчова и поездом до Лодзи, где попали в лагерь для железнодорожных рабочих. Из Лодзи лагерь был перебазирован в Нижнюю Силезию, и они оказались во Фрайбурге. Здесь они и находились до прихода Советской Армии. После соответствующей проверки Артур Готлибович был зачислен переводчиком в часть полковника Чуба. Вместе с этой частью Гефты и вернулись

на Родину в сорок шестом году. Сейчас Вера Иосифовна и Артур Готлибович живут в Одессе.

Кажется, что ни время, ни тяжкое горе утраты Анны не коснулись. Она такая же, как была,— молодая, с девичьей тонкой фигурой, хотя и стала уже бабушкой. Ее сын Владимир Гефт работает на Дальнем Востоке в одном из научно-исследовательских институтов. Второй сын, Костя,— комсомолец, преподает английский язык в Высшем мореходном училище.

В Одессе живет и Зинаида Семашко, сестра Анны, та, что в годы борьбы слушала радио, передавала сводки Николаю Гефту, расклеивала листовки на Сортировочной. Зинаида Никитична уже не работает, получает пенсию, ее двое детей, сын Олег и дочь Татьяна, заканчивают Технологический институт имени Ломоносова.

Юлия Тимофеевна Покалюхина в пятидесятом году кончила Одесский медицинский институт и с тех пор заведует детскими яслями, совмещая работу с большой общественной деятельностью в качестве депутата райсовета Центрального района Одессы. Она по-прежнему энергична, деятельна, глубоко принципиальна. Эти качества, отличавшие ее когда-то и в подполье, Юля сумела сохранить и пронести через все эти двадцать лет.

Ничего не изменилось в жизни Ивана Александровича Рябошапченко: со своей разросшейся, многочисленной семьей он живет все там же, на Тенистой улице, где в годы борьбы был создан тайник для подпольщиков. Он и теперь работает мастером, но на другой фабрике, ближе к дому. Его три сына — третий родился в сорок пятом — вышли в люди, так с гордостью Рябошапченко говорит сам. Старший,

Константин,— член партии, мастер по ремонту радиооборудования в порту. Владимир — комсомолец, заведует физической лабораторией Института связи. Младший, Николай,— матрос первого класса на «Колхиде» Черноморского пароходства. Через год Ивану Александровичу шестьдесят, но он еще бодр и не собирается на пенсию.

Что же касается профессора Лопатто, то уже в сорок четвертом году Эдуард Ксаверьевич был деканом химико-технологического факультета Государственного университета имени И. И. Мечникова, а в сорок шестом году воднотранспортный райком утвердил решение первичной партийной организации о принятии профессора Лопатто в члены Коммунистической партии. За мужество, проявленное в годы оккупации Одессы, за доблесть в борьбе с врагом Эдуард Ксаверьевич был награжден медалью «Партизану Отечественной войны»...

Пятнадцатого сентября пятьдесят первого года доктор химических наук, профессор Эдуард Ксаверьевич Лопатто скоропостижно скончался.

Только на несколько часов пережила Эдуарда Ксаверьевича его верная подруга Мария Трофимовна.

Мастера Михаил Степанович Берещук и Николай Федорович Ляшенко по-прежнему работают на судоремонтном заводе. Они растят новую смену, передают свой опыт и знания молодым рабочим, их любят в заводском коллективе и считаются с их неоспоримым авторитетом.

В шестьдесят третьем году все участники подпольной патриотической группы, действовавшей на судоремонтном заводе, встретились у Ивана Яковлевича Мындры, в его большом просторном доме

на 4-й Степной улице. Мындра теперь работает на заводе имени Петра Старостина мастером-бригадиром.

Мы долго сидели за праздничным столом — исполнилось двадцать лет с тех пор, как Николай Гефт, сброшенный под Одессой с парашютом, пришел на судоремонтный завод. Говорили о мужестве чекиста Гефта, гражданском темпераменте, блестящем умении себя держать в самые трудные, самые опасные дни борьбы.

Потом мы прослушали на рояле концерт Глиэра в исполнении сына Ивана Яковлевича, Шуры, ученика четвертого класса музыкальной школы. Шурик играл с удивительным для своих лет мастерством и подъемом.

Я посмотрел на Ивана Яковлевича и по выражению его лица понял, что во имя этого, во имя счастья нового, растущего поколения, стоило бороться и победить!

Одесса — Москва.

1963—1964 гг.